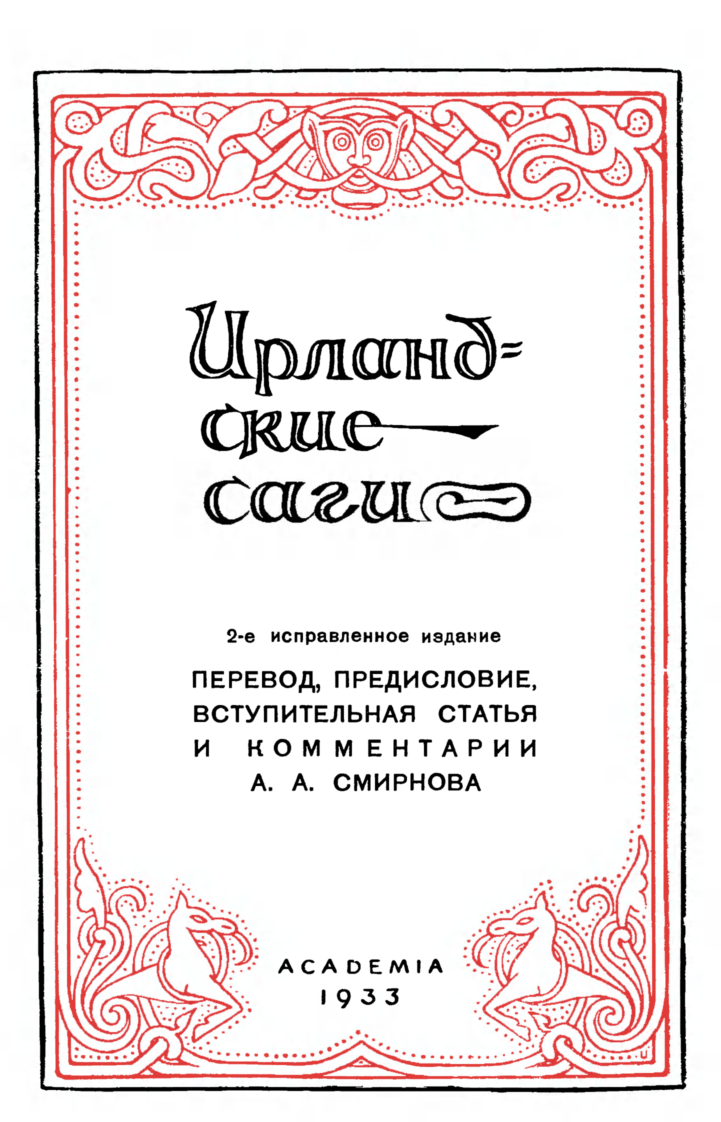

ACADEMIA

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИРЛАНДСКИЕ САГИ

ЛЕНИНГРАД
МОСКВА

Ирландские саги

2-е исправленное издание

ПЕРЕВОД, ПРЕДИСЛОВИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ А. А. СМИРНОВА

ACADEMIA
1933

Суперобложка, переплет, форзацы, заставки, концовки и инициальные буквы по рисункам
А. А. Ушина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кельты являются одним из тех народов, поэтическое творчество которых наименее знакомо современному читателю. Так обстоит дело не только у нас, но и на Западе. Каждому скорее случалось держать в руках сборник полинезийских легенд или эскимосских сказок, нежели кельтских саг. На Западе сборники такого рода — наперечет; на русском же языке до сих пор не существовало ни одного. Да и вообще, если исключить местных любителей из числа самих кельтов, побуждаемых любовью к родной старине и часто недостаточно научно вооруженных, в Европе и сейчас весьма мало лиц, занимающихся изучением кельтской поэзии.

Такое отсутствие популярности тем более удивительно, что материал этот — исключительный по своему культурно-историческому, а также и эстетическому интересу. Первое место здесь, бесспорно, принадлежит эпическим сказаниям, в частности — особенно богатому и содержательному старинному ирландскому эпосу. Не говоря уже о большой ценности древних ирландских саг для изучения общих проблем эпического творчества, они во многих отношениях представляют огромный литературный и исторический интерес.

Прежде всего они представляют собою в наиболее полном и разработанном, на западноевропейской почве, виде поэзию *родового строя*, с сохранением многих чрезвычайно архаических его черт. Отсюда — все главные их особенности как в сюжетном, так и в стилевом отношении. Но в то же время это — нечто гораздо большее,

чем картина жизни давно минувшей эпохи, совершенно оторванной от всякой живой действительности. Обилие пережитков родового строя среди ирландского крестьянства вплоть до самого конца XIX века, а частично и до наших дней, объясняемое чрезвычайной социально-экономической отсталостью страны, приближает эти саги к ирландской современности, освещая многое из того, что происходило в Ирландии в сравнительно недавнее еще время. Далее, эти саги чрезвычайно своеобразны в стилевом и жанровом отношении. Родственные некоторыми чертами своим ближайшим (хронологически и географически) соседям — скандинавским сагам, они безусловно превосходят их обилием фантазии, богатством сюжетного вымысла, тонкостью психологии, живостью и выразительностью языка. Наконец они интересны и по связи своей со многими всем хорошо знакомыми образами и мотивами общеевропейской поэзии. С виду столь чуждая и обособленная, кельтская поэзия связана с поэзией романских, германских и отчасти даже славянских народов многочисленными нитями, причем в некоторые эпохи связь эта проявлялась чрезвычайно ярко. Дважды, по меньшей мере, кельтские мотивы вошли в обиход всей европейской литературы, оказав на нее определенное воздействие. В первый раз это случилось, когда в XII веке появились романы Круглого Стола, в сюжетах и общем характере которых многое почерпнуто из кельтских сказаний. Образы Тристана, короля Артура, волшебника Мерлина имеют прообразы или близкие параллели в ирландских сагах. Во второй раз это произошло уже в XVIII веке, когда вся европейская поэзия, не исключая и русской (Карамзин, Пушкин, Жуковский), подпала под обаяние *Оссиана* Макферсона, который сам вдохновлялся шотландскими балладами—отпрыском, по боковой линии, тех же ирландских саг.

Из огромного количества сохранившихся до нас старых ирландских сказаний мною были выбраны для перевода образцы из двух групп саг Первая содержит древнейшие из *героических* саг, именно — относящиеся к циклу Кухулина. В таком виде, особняком, они стоят обычно и в ирландских древних рукописных сборниках. Мною подобраны из них те, которые изображают наиболее яркие моменты из жизни этого героя. От перевода наиболее прославленной из них, *Похищение быка из Куальнге*, я вынужден был воздержаться в виду как огромного объема, так и слишком однообразного характера ее. Вторая группа составлена мною из саг довольно различных эпох и циклов. Общим для всех этих повестей является преобладание в них, вместо героического элемента, фантастики и трагических коллизий чувства. Можно условно назвать их сагами *романтическими* или *фантастическими*; я остановился на втором термине как на более конкретном.

Считаю необходимым сказать несколько слов о методах моего перевода. Все саги переведены мною с ирландского подлинника. Лишь в одном случае — именно для саги *Недуг уладов*, в виду отсутствия в наших книгохранилищах издания этого текста — мне пришлось исходить из немецкого перевода, сделанного авторитетнейшим немецким кельтологом Р. Турнейзеном, без сомнения, с большой точностью. Впрочем, и при работе над другими сагами мною были тщательно рассмотрены переводы их на новые европейские языки (английский, немецкий или французский), которыми, согласно установившемуся в кельтологии обычаю, ученые издатели большей частью сопровождают печатаемые ими древние тексты. В довольно многих случаях это помогло мне разрешить некоторые смысловые трудности, особенно в тех местах, где текст подлинника сильно испорчен. Отсюда — большая близость моего перевода к переводам западных

ученых. Однако в целом ряде случаев я позволил себе предложить собственные толкования отдельных мест.

В переводе моем я, конечно, стремился к максимальной точности, вплоть до передачи, при случае, синтаксической конструкции подлинника. Но все же мне пришлось допустить некоторые отступления. Прежде всего, слишком глубоко различие между нашим языком и языком подлинника (особенно в стихах, о чем речь будет ниже). При подстрочном переводе многие фразы стали бы совершенно невразумительными и потому некоторые упрощения оказались здесь неизбежными. Кроме того, в немногих случаях когда текст подлинника безнадежно испорчен, я был вынужден ради смысловой связности, прибегнуть к переводу по догадке, позволяя себе прибавить или опустить несколько слов. Наконец, когда исследование показывает что текст содержит позднейшие наслоения (чаще всего внесенные монахами переписчиками и искажающие первоначальный языческий характер сказания), я считал возможным в бесспорных случаях опускать в переводе такие места всякий раз, однако, делая соответствующую оговорку в примечаниях или даже приводя в них полностью пропущенные пассажи.

Отдельно должен сказать о переводе стихов, вкрапленных в прозаический текст саг. Господствующим типом таких вставных ирландских стихов (вообще говоря, метрически весьма разнообразных) являются короткие строфы из четырех строк, попарно связанных между собою рифмою или ассонансами, иногда, кроме того, с применением аллитерации. Необходимо при этом заметить, что ирландская рифма менее интенсивна, чем современная европейская, ибо она часто приходится на неударенные слоги. Размер стиха — силлабический, без малейшего намека на тоничность; строки обычно семисложные, с цезурой после третьего или четвертого слога.

Пытаться воспроизвести этот размер в переводе, стремящемся к смысловой точности и вразумительности, было бы, в виду краткости большинства слов в ирландском языке и вдобавок еще специфической лаконичности поэтиче ского стиля, делом чрезвычайной трудности. Приведу в виде примера одно четверостишие из *Плавания Брана*:

Biaid tré bithu siri
cét m-bledne hi findrigi
silis lergga, lecht imchian,
dercfid roi roth imm rian,

в дословном переводе:

Будет сквозь века долгие
сто лет в светлом царствовании,
вырежет войска, могила длительная,
окрасит в красное поля, колесо вокруг следа.

Чувствуя себя не в силах разрешить задачу точного воспроизведения метрической формы подлинника, я сосредоточил свое внимание на некоторых существенных чертах ирландских стихов, от которых в значительной степени зависит их художественное воздействие. Это — сильная приподнятость тона, отсутствующая в прозаических частях, в связи с крайней цветистостью стиля. Эти черты я и старался более всего передать, отказавшись, ради смысловой точности и эмоциональности, от рифмы и силлабизма и применив свободную ритмическую речь, разделенную на строки, из которых каждая длиннее ирландской настолько же, насколько вообще средняя русская фраза длиннее ирландской, то есть примерно в полтора раза. Неоднократно при этом я выпускал отдельные строфы, а в некоторых сагах — даже целые стихотворения, в связи с особым характером возникновения и развития стихотворных вставок в ирландских сагах, о чем будет сказано в моей вводной статье.

Большую трудность представляет проблема передачи древних собственных имен. Дело в том, что, не говоря уже об искони условном характере ирландской орфографии, ирландское произношение за несколько веков, в течение которых развивались саги, сильно изменилось. Так, например, древнее имя *Лугайд* (Lugaid) к концу периода сложения саг стало звучать *Луи, Лойгайре* (Loegaire), превратилось в *Лырэ* и т. п. Между тем, одно и то же имя встречается (звуча по-разному) в сагах, возникших в разные эпохи; транскрипция же в переводе требует, понятно, единообразия. В виду этого мною проведен был принцип буквенной передачи древнего ирландского начертания имен — метод, при всех его недостатках представляющий, по крайней мере, то удобство, что желающий всегда сможет легко отыскать имя в указателях, имеющихся в иностранных специальных трудах. Единственное исключение сделано мною для имени *Кухулин,* вместо *Ку-Хулайнд* (Cú-Chulaind), — форма, которая приобрела уже некоторые права гражданства в русской литературе. Отметим, что ударение стоит всегда на первом слоге от начала: *Ко́нхобар, Ло́йгайре,* за исключением немногих составных собственных имен, где оно падает на второй элемент: *Кухулин* (то есть *Ку-Хулайнд,* что значит «пес Кулана»).

Размеры вводной статьи позволили мне лишь в самых общих чертах коснуться в ней всех сложных вопросов, связанных с возникновением и развитием саг. Вместе с тем я попытался дать в ней, в сжатой форме, фактические сведения, наиболее необходимые для понимания предлагаемых текстов. Те же цели преследуют отдельные вводные заметки к каждой из саг и примечания к тексту их, равно как и помещенный в конце книги алфавитный указатель собственных имен.

ДРЕВНИЙ ИРЛАНДСКИЙ ЭПОС

1

Читателя, знакомого со старинным эпосом по *Илиаде*, *Нибелунгам* или нашим былинам, ирландские саги, с первого же знакомства с ними, поражают своим глубоким своеобразием. Необычайна, прежде всего, самая форма их. В противоположность эпосам других европейских народов, ирландский эпос сложился не в стихах, а в прозе. Своеобразен, далее, стиль его: четкий, ясный, поистине лапидарный, он при этом уснащен множеством риторических прикрас, весьма выразительных в их условности. Столь же своеобразен он и по своему содержанию. Ко многим из тем и мотивов его не легко подыскать параллели в эпосах других народов, по крайней мере европейских; в частности, ни в одном из последних не уделено такого внимания женщине и не отведено такого видного места любви, как в ирландских сагах [1]. Ни в одном из них не найти также столь богатой и причудливой фантастики. Поражает, наконец, в этом эпосе странное соединение контрастов: первобытной жестокости и душевной утонченности, упоения фантазией и крепкого чувства конкретности, пышной величавости и задушевной интимности. При чтении ирландских саг возникает впечатление большой силы и какой-то особенной свежести.

[1] См. вводную заметку к саге *Изгнание сыновей Уснеха*.

Внешний тип и общий характер древнейших ирландских саг настолько оригинальны, что трудно найти у других европейских народов эпический жанр, им подобный. Ближе всего стоят к ним *исландские саги*[1]. Именно общими для тех и других чертами являются прозаическая форма, сжатость и реализм. все же исландские саги в этом отношении — не параллель, а скорее вариант ирландских, ибо можно считать доказанным, что самая форма и стиль их возникли именно под влиянием ирландских повестей, с которыми викинги познакомились при своем соприкосновении с ирландцами, в IX веке. При этом в других отношениях исландские саги, рассудочно-трезвые, холодные и гораздо более однообразные, мало похожи на свои ирландские образцы.

Если, однако, ирландский эпос и обладает глубокой оригинальностью, это не исключает того, что отдельные стилевые моменты и мотивы его встречаются в эпосах других народов. Объясняется это отчасти общностью культурного быта, отчасти же перекрестными влияниями и заимствованиями.

В ирландскую поэзию проникло, без сомнения, не мало преданий *пиктов* — туземного племени, населявшего Британские острова до прихода туда кельтов. Далее, на нее оказали последовательные влияния христианство, античность и, наконец, те же скандинавы, которые в отношении ирландцев были не только берущей, но и дающей стороной. Так, например, на ряду древней, основной формой прозаической саги с X века, под скандинавским влиянием, возникают на те же сю-

[1] Этим оправдывается применение чисто скандинавского термина *сага* к ирландским сказаниям, которые сами ирландцы называют просто «повестями» (scéla).

жеты краткие песни-баллады, дожившие до наших дней. Но все же эти влияния, вместе взятые, оказались довольно незначительными. Главное — то, что заимствованные элементы были очень быстро и радикально ассимилированы. Если эпос всякого народа отражает национальный облик его, то особенно это можно сказать про эпос ирландский. И в этом своем значении он был освоен и осознан самим ирландским народом.

Возникнув полтора слишком тысячелетия тому назад, эти саги приняли дошедшую до нас литературную форму уже за тысячу лет до нашего времени. С тех пор, охраняемые как драгоценное национальное наследие, они продолжали переписываться и заучиваться наизусть в течение еще семи или восьми столетий, с величайшей заботой о том, чтобы в них привносилось как можно меньше изменений. Лишь с XVII века начинается процесс разложения этого древнего эпоса. Старые рукописи, став непонятными в силу архаизма их языка, забрасываются или уничтожаются; сюжеты в памяти рассказчиков расплываются, искажаются, сливаются с новыми мотивами; стиль вырождается. И все же традиция не обрывается, и старый эпический фонд не погибает. Образы и мотивы древнего эпоса переходят по большей части в народную *сказку*, и в этой форме продолжают и посейчас храниться с той же заботливостью и любовью, как в старину. Нет такого темного, неграмотного, забитого ирландского крестьянина, который бы не знал кое-каких сказаний о грозном Финне и его сыне-певце Ойшине (Оссиане), равно как и десятка-другого преданий о древних королях или местностях Ирландии, — преданий, в которых под покровом вымысла таится зерно исторической действительности.

Посмотрим же, в какую эпоху, в каких культурных условиях и социальной среде возникли ирландские саги;

каков их состав, их историческая и бытовая основа. Номимо того, что этот экскурс необходим для понимания весьма многого из их содержания, он может содействовать и более глубокому художественному их восприятию.

II

На ряду с бретонцами во Франции, валлийцами в английском Уэльсе и горными шотландцами ирландцы являются сейчас одним из четырех осколков, сохранивших до сих пор свое национальное обличье, некогда великого кельтского племени, занимавшего в V—IV веках до н. э. наибольшую часть Европы (Британские острова, Галлия, Северная Италия, значительная часть Германии, Балканского полуострова и Испании), — племени, бывшего носителем довольно высокой и сложной материальной культуры. Сначала теснимые германцами, затем покоренные почти всюду римлянами, они в самом начале Средних веков сохранили независимость лишь на Британских островах, откуда путем вторичной иммиграции в V веке захватили Арморику — нынешнюю Бретань. До XII века, а частично и до самого конца Средних веков, им удалось удержать в четырех названных областях свою политическую независимость. Еще сейчас в этих четырех районах в значительной мере сохранились старые быт и нравы, родной язык и литература на нем, весь национальный уклад жизни.

Самым крупным очагом кельтской культуры в Средние века была именно Ирландия. Это была единственная страна на западе Европы, куда не ступала нога римского легионера. Не все в ее культуре было исконно кельтским. Когда в VI веке до нашей эры кельты со своей первоначальной родины, находившейся

в западных областях нынешней Германии, пришли в качестве завоевателей на Британские острова, они нашли страну заселенной первобытными племенами. Эти последние — пикты, атекотты, каледонцы и др. — вероятно, были родственны иберам, занимавшим в доисторические времена Пиренейский полуостров и значительную часть Галлии. Покорив и ассимилировав их, кельты, в свою очередь, сами подверглись сильному их влиянию, значительно, повидимому, задержавшему их культурное развитие. Это выразилось не столько в заимствовании бытовых черт и воззрений, неизвестных кельтам, сколько в том, что, оказавшись среди племен, переживавших еще более раннюю стадию родового строя, кельтские пришельцы нашли обстановку, укрепившую архаические черты этого строя, еще не изжитые ими самими. Назовем к примеру употребление каменных орудий (с обработкой металлов кельты познакомились на континенте уже около 1000 года до н. э.), систему матриархата (наследование по женской линии), обычай «кувады», — следы чего сохранились в ирландских сагах [1].

Обращенная в христианство в V веке, главным образом, благодаря миссионерской деятельности св. Патрика, Ирландия с конца VIII до конца X века под-

[1] См. вступит. заметку к *Болезни Уладов* и прим. 4 к *Смерти Муйрхертаха*. Стоит здесь же отметить, что сказание о Тристане и Изольде, пришедшее к французам если и не от ирландцев, то от родственных им кельтов-валлийцев, в конечном итоге — пиктского происхождения. Имя Тристана встречается впервые в генеалогиях пиктских (шотландских) королей, где он является престолонаследником как *сын сестры короля*. Совершенно таково же отношение и Тристана к его дяде с материнской стороны, королю Марку, наследником которого он является в средневековом французском романе.

вергалась набегам норвежских и датских викингов, одно время утвердившихся на юго-востоке острова, в Дублине, и причинивших стране великое разорение. В XII веке произошло завоевание Ирландии англо-норманнами, однако власть английских королей долгое время была чисто номинальной, пока в XVI веке не совершилось окончательное подчинение Англии. В эпоху борьбы и в последовавшую за ней эпоху порабощения предания родной старины были предметом величайшей любви всего народа. Но творчески за это время они мало обогатились. Их формирование и развитие произошло в эпоху независимости Ирландии и может считаться уже закончившимся к X веку. Труднее ответить на вопрос, к какому времени относится их первое возникновение, ибо скептицизму ученых исследователей трудно примириться со свидетельствами необычайной древности, которые, повидимому, в них содержатся.

Оставляя в стороне баснословные предания полумифического характера о смене племен в Ирландии, где боги смешаны с людьми и где события отнесены ко временам Вавилонской башни и праотца Ноя, уже саги *уладского цикла* (иначе называемого *циклом Кухулина*) притязают на необычайную древность. Именно местные хроники относят жизнь Конхобара и Кухулина — двух протагонистов этого цикла — ко времени начала нашей эры. Можно ли здесь довериться известному положению, согласно которому «первое возникновение эпического предания одновременно событию, породившему его»? Так как письменность возникла в Ирландии только с первым появлением христианства, то есть в V веке, то пришлось бы допустить, что предания эти, имевшие прозаическую, иначе говоря, особенно хрупкую форму, сохранились в устной традиции в течение почти полутысячелетия!

А вместе с тем встает другой, более общий вопрос: можно ли доверять показаниям самих хроник, окончательная редакция которых относится самое раннее к XI веку? Существовали ли в действительности Конхобар и Кухулин? Быть может, их имена попали в хроники из легендарных преданий, сложившихся не в I веке, а значительно позже, и уже хроникеры отнесли события их мнимой жизни к I веку? Подобный скептицизм оказывается, однако, неосновательным.

Прежде всего, ирландские хроники, начиная со сведений о событиях III века н. э., заслуживают довольно большого доверия. Компилируя из весьма разнообразных источников, они, тем не менее, в основном поразительно согласуются между собой. Показания их, которые относятся к событиям, имевшим место в соседних странах (например, в Уэльсе или в Шотландии), и которые не могут восходить к письменным источникам, но стали известны лишь из устного предания, в точности подтверждаются иноземными памятниками. Древнейшие записи о затмениях, ныне астрономически проверенные, оказались безукоризненными. Важным свидетельством являются также генеалогии разных родов, образующие канву повествования хроник. Эти генеалогии были необычайно распространены и отдельно, вне хроник. Нет, быть может, другого народа, у которого бы они так тщательно хранились, как у ирландцев. Причина этого в том, что на них в древней Ирландии были основаны права земельного владения. При обилии земельных тяжб ясно, что всякий истец не преминул бы оспаривать родословную своего противника, если бы в ней можно было заподозреть ошибку; этого, однако, почти никогда не случалось. Простираясь на десятки поколений, ирландские родословные во всех редакциях, в том числе приводимых в хрониках, сходятся между собой

в основном, а иногда даже в малейших частностях. Приходится, повидимому, признать у ирландцев необычайную устойчивость устного предания. Это, впрочем, типично и для других кельтских племен. Еще Цезарь упоминал о множестве поэм, которые заучивались наизусть в школах галльских друидов и, очевидно, передавались в устной форме из поколения в поколение без изменений. То же самое, без сомнения, имело место и в Ирландии дохристианского периода; впрочем, как мы увидим ниже, такое устное обучение продолжалось в ней и после христианизации.

Итак, вполне вероятно, что события, послужившие исторической основой для сказаний о Кухулине, действительно происходили около начала нашей эры. Но одновременно ли самим этим событиям возникновение дошедших до нас сказаний о них? И здесь приходится тоже склониться к утвердительному ответу. Не говоря уже о первобытной дикости изображенных в этих сказаниях нравов или о следах архаической культуры (как, например, упоминание каменного оружия), можно привести несколько определенных исторических доводов в пользу их глубокой древности. Вот два из них. Согласно хроникам, — а раз мы вступили на путь доверия к ним, то нет основания не верить и здесь, — в 332 году произошло разрушение Эмайн-Махи, древней столицы уладов; между тем, саги о Кухулине систематически упоминают Эмайн-Маху как центр области и ни разу не называют Айлех, исторически сменивший ее. Далее, согласно хроникам, в 130 году произошел передел Ирландии, причем из смежных частей пяти старых областей была создана в центре страны новая, шестая — Миде, в качестве надела верховного короля Ирландии. Между тем, древнейшие саги, постоянно ссылаясь на старое, пятерное деление страны, ни разу не упоминают даже

самого имени Миде. Если, таким образом, приходится признать, что они сложились, во всяком случае, раньше средины II века н. э., то после этого принципиально уже ничто не мешает допустить еще более древнее возникновение их. Отметим кстати, что историческая основа этих древнейших саг подтверждена и раскопками, произведенными в XIX веке, совсем так, как раскопки Шлимана подтвердили историческую основу *Илиады*: устройство крепостей, найденная утварь, оружие и т. д. оказались в точности соответствующими описаниям всего этого, которые содержатся в сагах.

Иначе обстоит дело со вторым героическим циклом саг, циклом Финна — того самого, который под именем Фингала прославился благодаря Макферсону. Хотя хроники, упоминая его, относят события его жизни к III веку н. э., есть серьезные основания полагать, что это фикция. Повидимому, сказания о Финне возникли не ранее IX века, притом под скандинавским влиянием. Если прототип его не какой-нибудь викинг (как это предполагал один немецкий исследователь), то это — древний мифический образ, поздно и своеобразно оживший в народных сказаниях. Не будем, однако, задерживаться на этом вопросе, так как саги цикла Финна (часто называемого, менее правильно, циклом Оссиана) не включены в настоящий сборник.

Что касается, наконец, разнообразных саг, не входящих ни в уладский цикл, ни в цикл Финна, то время их возникновения весьма различно. Древнейшие из них, каковыми по большей части являются предлагаемые нами во втором отделе сборника, зародились в промежуточный период, примерно в VI—VII веках. По своему стилю и общему характеру они также занимают среднее положение между обоими упомянутыми циклами.

Вернемся к циклу Кухулина. Если некоторые из его саг появились в зачаточной своей форме около начала н. э., то это, конечно, не значит, что другие из них не могли возникнуть позднее. Несмотря на консервативность рассказчиков, цикл разрастался и изменялся с течением времени. Процесс шел в двояком направлении: во-первых, усложнялись старые сюжеты и возникали новые; во-вторых, новые поколения зачастую непроизвольно налагали на саги отпечаток своего времени, своих воззрений, вкусов и интересов. Кое в чем, например, проявилась, начиная с V века, христианизация саг, вообще говоря, довольно слабая. Она сказалась не столько в коренных заменах или прибавках к тексту, которые часто бывает нетрудно выделить, сколько в затушевывании слишком яркого языческого элемента. Лишь в IX веке в судьбе цикла произошло значительное изменение. Опустошения, производимые в это время по всей стране викингами, побудили ревнителей старины позаботиться об охране эпических национальных преданий. Приходилось спасать дорогие рукописи от огня и меча, приходилось людям пера и слова ютиться в защищенных местах, собирая вокруг себя свои ценности. Это дало повод для общего пересмотра эпического материала. Старые саги, отрывочно-эпизодические, разрозненные, нередко противоречивые в разных их редакциях, были трудами грамотеев-монахов и светских литераторов собраны вместе, согласованы и объединены в обширные компиляции, тщательно переписанные. Более поздние списки этих компилятивных рукописей, восходящие к XI—XII векам, и сохранили нам эти саги в том виде, в каком мы их предлагаем в нашем переводе.

Таким образом саги эти, прежде чем принять свой окончательный вид, жили и развивались уже в течение

семи-восьми веков. Поэтому, говоря о быте, в них отразившемся, приходится иметь в виду не какой-либо один, точно ограниченный период, а всю указанную эпоху в целом, отдельные моменты которой наложили на саги свои последовательные наслоения. Однако архаическая основа в сагах настолько преобладает над новшествами, что практически можно считать эти саги отражающими состояние Ирландии языческой эпохи и лишь самых первых времен христианства, то есть примерно с III по VII век н. э.

III

Энгельс («Происхождение семьи, частной собственности и государства», гл. VII: «Род у кельтов и германцев») отмечает чрезвычайную живучесть родового строя у кельтов. «Древнейшие из сохранившихся кельтских законов рисуют нам род еще в полном расцвете; в Ирландии он еще живет, по крайней мере инстинктивно, в народном сознании еще в настоящее время, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии еще в средине прошлого (то есть XVIII) столетия он процветал и пал здесь только под натиском оружия законодательства и судов англичан». И далее «Ирландский род (sept, племя называлось clainne, clan) удостоверен и описан не только в древних сборниках законов, но и английскими юристами XVII столетия, присланными для превращения земель кланов в коронные владения английского короля. Земля вплоть до самого этого времени являлась общей собственностью клана или рода, поскольку она не была уже превращена вождями в свое частное владение. Когда умирал какой-нибудь член рода и, следовательно, прекращалось хозяйство, старейшина (caput cognationis, как называли его

английские юристы) предпринимал новый передел всей земли между остальными хозяйствами» [1].

В интересующую нас эпоху родовой (или родоплеменный) строй в Ирландии, со всеми характеризующими его чертами — коллективной собственностью, вождями или старейшинами, общими народными собраниями всех взрослых («примитивная демократия»), нату-

[1] В 1884 году, когда Энгельс писал свою работу, он констатировал среди ирландского крестьянства ряд обычаев, «свидетельствующих о неумирающем унаследованном родовом инстинкте». А в 4-м издании (1896) он сделал такое интересное добавление: «Проведя несколько дней в Ирландии, я снова живо представил себе, как глубоко еще сельское население живет там воззрениями родовой эпохи. Помещик, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще чем-то вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех, которому крестьянин уплачивает дань в форме арендной платы, но от которого он зато в случае нужды должен получить помощь. И точно так же всякий, пользующийся некоторым благосостоянием, признается обязанным помогать своим менее состоятельным соседям, если они окажутся в нужде. Такая помощь не является милостыней, она представляет собою поддержку, которая по праву полагается бедному сородичу от богатого или от вождя клана. Понятны жалобы политикоэкономов и юристов на невозможность вдолбить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; понятие о собственности, имеющей только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца. Но понятно также, как ирландцы, внезапно пересаженные со столь наивными представлениями родового строя в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми понятиями, — как легко такие ирландцы оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто массами становятся жертвами полной деморализации».

ральным хозяйством, тенденцией к перекочевыванию, групповым или парным браком, предшествующим моногамии, матриархатом, обычаем усыновления, кровной местью, нередко уже, однако, заменявшейся выкупом, культом племенных богов, природных сил и всякого рода духов, следами тотемизма и табу, огромной ролью в быту и в общественной жизни магии и заклинаний,— сохранял еще полную силу. Его устойчивость объясняется значительной изолированностью Ирландии, ничтожной внешней торговлей и отсутствием живого контакта с римской цивилизацией, медленным ростом производительных сил страны, окружением еще более варварскими, полудикими туземными племенами. Тем не менее, даже в эту древнюю эпоху мы наблюдаем определенные признаки разложения в Ирландии родового строя, выразившегося в значительном имущественном и социальном неравенстве разных слоев населения и в захвате земель вождями или старейшинами. Однако к феодализму в подлинном смысле слова это не привело, несмотря на позднейшие усилия англо-нормандских завоевателей (с XII века) насадить в Ирландии феодальные отношения.

В основе всех общественных группировок лежало древнее понятие кровного родства. Самые мелкие социальные ячейки, семьи, объединялись в роды, роды — в кланы, кланы — в племена. Долгое время еще поддерживалась фикция, будто целые племена объединены происхождением от общего предка. Это не мешало принимать в состав родов или кланов лиц совершенно посторонних путем обряда усыновления. Род еще сохранял институт круговой поруки; он отвечал коллективно за преступления каждого своего члена, платил его долги и т. п. Каждая из перечисленных групп управлялась авторитетом своих главарей-старейшин.

Если племя занимало достаточно обширную территорию, ее глава носил титул короля или «подкороля» (rig, ur-rig), иначе говоря, князя; само же племя именовалось в таком случае народом (túath). Одно время в Ирландии было 184 таких «народа», но не все они имели «подкоролей». Последние были подчинены королям областей (или королевств), которых вначале было пять: 1) Ульстер (на севере и северо-востоке Ирландии), 2) Коннахт (на западе), 3) и 4) Мунстер (на юге и юго-западе), разделявшийся на Восточный и Западный, позднее — на Северный и Южный, и 5) Лейнстер (на юго-востоке) [1]. Позже, как нами было уже упомянуто, в центре страны была выделена шестая область — Миде. Она была наделом верховного короля Ирландии, который жил в Темре (в новом произношении — Тара) и которому были подчинены короли других областей. Получалась сложная, многоярусная структура власти, кое-чем напоминающая нашу удельно-вечевую систему и сводившаяся к многочисленным даням и повинностям, не всегда достаточно определенным и часто не выполнявшимся. Власть королей над «подкоролями» (князьями) и подданными покоилась на широко распространенном институте заложников. Без них не обходился ни один договор, ни одна крупная сделка. Это не значит, чтобы не было прочного законодательства. Наоборот, существо-

[1] Только это деление и знают наши саги. Но приведенные имена — более позднего происхождения. Первоначально области вовсе не имели собственных имен, а обозначались перифрастически именем населения. Вместо позднейшего: «в Ульстер», «в Ульстере», говорилось: «к уладам», «у уладов», и точно так же: «к коннахтам», «к муманам», «к лагенам» и т. д. Мы позволили себе ради ясности ввести в перевод искусственно образованные формы: «Улад», «Муман» и «Лаген», которых в действительности не существовало.

вала очень сложная и разработанная правовая система, которая блюлась обширной коллегией *бритемонов* (в позднем произношении — *бреонов*) — судей. Обширный сборник гражданского права, дошедший до нас, был составлен, по преданию, уже в 438 году. В нем излагались не только узаконения и формы правосудия, но и нормы всех социальных отношений вообще. Кровная месть уже заменена во всех случаях (впрочем, лишь в законе, но не всегда, конечно, в быту) пеней-выкупом, тщательно таксированным. Единицей цены в эту эпоху натурального хозяйства являлась рабыня или, как эквивалент ее, три коровы.

Население распадалось на три слоя: 1) «благородные», 2) «свободные», подразделявшиеся на обладавших и не обладавших собственностью, и 3) рабы. Последние происходили большей частью из туземных племен, покоренных пришельцами-кельтами, и пополнялись из числа военнопленных. Свободные имели кое-какие политические права. Именно, в определенные сроки, обычно раз в год, в главных центрах всех пяти королевств происходили общие народные собрания, чаще всего связанные с ярмарками. Одно из таких собраний описано в начале саги *Болезнь Кухулина*. Здесь, на ряду с играми, состязаниями и другими увеселениями, обсуждались важнейшие дела и утверждались новые законы. Впрочем, голос народа имел лишь моральное значение, и король (князь) был волен ему не подчиняться.

Землевладение имело две формы. Правом личной, безусловной собственности на землю обладали только короли и «благородные». Имея обширные наделы, они часть их обрабатывали трудом своих рабов, а часть отдавали в аренду кому-нибудь из «свободных». Вся остальная земля была собственностью общины — целого племени. Лишь к концу рассматриваемого периода воз-

никает личная собственность на землю для «свободных», однако с известным ограничением: владелец мог продать или подарить свой участок, но только члену своего же племени.

Материальная культура была весьма примитивной. Городов не было, люди селились поселками или отдельными домами. Темра, столица верховного короля Ирландии, по современным понятиям была маленькой деревушкой. Дома были деревянные, вначале круглой, позже четырехугольной формы. Крыша в виде конуса поддерживалась центральным столбом. У его основания, посредине помещения, располагался очаг, дым которого выходил через дыру, проделанную в крыше. Обычно весь дом состоял из одной комнаты. Вдоль ее стен шел ряд деревянных нар или полатей (лож) для спанья, иногда в два яруса. Часто, впрочем, выделялась особая комната для женщин, на солнечной стороне («светелка»), а иногда для них строился даже отдельный домик. Вокруг дома был двор, окруженный плетнем. Некоторые дворы были обширны и вмещали по несколько домов. Дома богатых людей — благородных, а в особенности князей — требовали лучшей защиты от нападения, чем простой плетень. Для этой цели их старались строить на холмах, которых в Ирландии так много; иногда же делали искусственную насыпь. Кроме того, двор окружался рвом с водой. Бывало и по два ряда стен вокруг двора, со рвом между ними. В остальном же «королевский дом» отличался от обычных строений лишь своей величиной и несколько лучшим внутренним убранством.

Одежды были простые и легкие, но отличались узорчатостью и красочностью. Любимыми цветами были — зеленый, национальный цвет Ирландии, и пурпурный (привилегия знатных), затем красный, белый и голубой. Типичной частью наряда был короткий цветной плащ

без капюшона. Все, даже короли, ходили нередко босыми (хотя уже существовала кожаная обувь и металлические сандалии) и обычно с непокрытой головой. Плащи и другие виды одежды скреплялись пряжками или брошами (лат. fibula) — прототипами современной «английской булавки». Броши эти — продукт специально кельтского мастерства — с древнейших времен отличались сложностью и красотой формы: иногда они делались из серебра и даже из золота. Из украшений были распространены ожерелья и запястья, которые носили как женщины, так и мужчины. Оружие было железное и стальное, в более раннюю эпоху бронзовое и, как пережиток старины, даже каменное. Это были главным образом всевозможных видов мечи, копья и щиты, часто пышно разукрашенные. Особенность архаической эпохи — редкое употребление лука и стрел, секиры, пращи и полное отсутствие шлемов и панцырей, которые вошли в обиход лишь в скандинавскую эпоху. Еще более замечательно то, что ирландцы первоначально не знали верховой езды, которой научились лишь ко времени появления христианства. В сагах уладского цикла воины сражаются пешими, вожди — на двуконных, двухколесных колесницах, причем возница сидит впереди бойца. Лодки и корабли были разных типов. Простейшим и наиболее распространенным видом их были *курахи* — лодки из дубленой кожи, укрепленной на деревянных распорках, с парусом и веслами. На таких-то примитивных ладьях-корабликах и совершали Бран и Майльдуйн свои дальние плавания, описанные в сагах.

Необычайным распространением и любовью всего населения пользовались музыка и пение, сопровождавшие как всякую работу, так и всевозможные события частной и общественной жизни. В этом отношении ирландцы — как и вообще кельты — были большими

мастерами. Впоследствии бретонскими, валлийскими и ирландскими мелодиями заслушивалось все европейское средневековье, и во многих континентальных школах учителями музыки были ирландцы. «Сладкая музыка, нежащая слух», или «навевающая дремоту», упоминается в огромном количестве саг, являясь в них не только декоративной чертой, но и нередко фактором действия. Древнейшим инструментом была небольшая арфа в тридцать струн или даже более. Другим национальным инструментом была волынка. Но употреблялись еще и некоторые другие струнные инструменты. Столь же распространены были всевозможные физические игры. Весьма излюбленной была игра фигурками на доске, именовавшаяся «мудростью деревяжек», что исследователи нередко толкуют как шахматы, хотя без сомнения это была лишь какая-то разновидность шашек.

Нравы населения были чрезвычайно дики. Обычным занятием всех «благородных» были охота и война. Покорение туземных племен (пиктов, атекоттов) на севере Ирландии не было еще закончено. Было много и других причин для войн и распрей. Постоянно совершались всякие правонарушения и взаимные обиды. Низшие князья восставали против высших. Грабежи происходили ежедневно. Так как главным богатством был скот, то распространеннейшей формой разбоя был угон скота. Такие «похищения коров» прославлены во многих сагах. Одно из них является темой великой ирландской эпопеи, *Похищение быка из Куальнге*. Вдобавок к этому, ирландские пираты непрестанно грабили берега Англии и Шотландии, увозя жителей, чтобы обратить их в рабство; одним из таких бриттских пленников-рабов и был св. Патрик, обративший Ирландию в христианство. Предпринимались и более далекие экспедиции, отголоски

которых звучат в сагах о Кухулине. В результате таких набегов, принявших со временем более организованную форму, была колонизована западная Шотландия ирландцами — предками части нынешних горных шотландцев.

Способ ведения войны отличался большой жестокостью. Население целых поселков иногда сплошь избивалось, посевы уничтожались, весь скот угонялся. Каждый «свободный» был воином. Любопытно, что сражались и женщины. Лишь в 697 году, по настоянию аббата Адамнана, был принят закон, освобождавший женщин от военной повинности. Иногда водили в бой специально обученных «боевых псов», которые грызли врагов. Был обычай отрезать головы убитых врагов и сохранять черепа в качестве трофеев. Про одного из героев, Кета, сына Матаха, в сагах рассказывается, что он не мог уснуть иначе, как подложив под колено череп убитого им в тот же день врага. Более упрощенным способом было отрезывание и хранение языков, как это описано в начале саги *Болезнь Кухулина*.

На ряду со всем этим наблюдается весьма развитое понятие чести. Всякая пеня состояла из двух частей: 1) возмещение убытка, 2) «возмещение чести». «Свободный», беря в жены девушку, давал ей, в виде свадебного дара, «выкуп ее чести». При дворах королей соблюдалось местничество; одну из картин такого рода дает нам сага *Повесть о свинье Мак-Дато*. Но иногда понятие чести носило менее материальный характер или не в такой мере сводилось к тщеславию. Верность вождю или данному слову считалась обязательной для воина. Одним из высших выразителей чести и душевного благородства является в сагах Кухулин, о котором будет речь ниже.

Весьма распространен был обычай отдавать детей на воспитание на сторону, либо в виде «залога дружбы», либо за плату, в педагогических целях, для закаления характера. Мальчики оставались на воспитании до 17, девочки — до 14 лет, то есть до их гражданского совершеннолетия. Обязанности приемных родителей понимались очень широко. У детей устанавливалась с их *молочными* или *сводными* братьями (com-alta, «совоспитанник») близкая связь на всю жизнь, иногда более прочная и глубокая, чем кровное родство. С понятием «совоспитанничества» сливалось обозначаемое тем же термином понятие *побратимства*, которое могло установиться позднее на почве общих юношеских подвигов и предприятий. Классическим примером такого побратимства являются отношения между Кухулином и Фердиадом (см. сагу *Бой Кухулина с Фердиадом*).

Положение женщин было сравнительно хорошим. Они пользовались почти всеми теми же гражданскими правами, что и мужчины, и активно участвовали во всех мужских делах, даже в войне. Примером такой воительницы может служить властная и жестокая королева Медб (см. сагу *Бой Кухулина с Фердиадом*). Характерно отношение Кухулина к своей жене Эмер и вообще к женщинам (см. сагу *Болезнь Кухулина*). Все это, конечно, не исключало известного неравенства. В то время как для воина завести наложницу было обычным делом, измена жены мужу каралась жестоко, вплоть до сожжения на костре. Вообще же, как отмечает Энгельс (в названной работе), у кельтов до XI века моногамия отнюдь еще не вытеснила «парного брака», и в Ирландии рассматриваемой эпохи были «широко распространены браки на время», многочисленные следы чего можно легко найти в сагах.

IV

Религиозные и магические верования занимали огромное место в частной и общественной жизни древних ирландцев. Они отличались большой сложностью. На ряду с необозримым пантеоном божеств, среди которых можно различить несколько последовательных напластований, существовала очень развитая вера во всевозможных духов, населяющих землю, воду и воздух. Было, без сомнения, и почитание духов предков, хотя в литературных памятниках оно почти нигде не проступает. Вся жизнь представлялась проникнутой действием сверхъестественных сил и колдовством.

Религиозно-мифологический элемент играет своеобразную роль в ирландских сагах. Как всякий архаический эпос, они вначале, несомненно, были густо насыщены им. Но так как принятие ими окончательной (письменной) формы совершилось уже в христианскую эпоху, то этот языческий элемент оказался в них сильно редуцированным. Однако, сокращенный и затушеванный, он отнюдь не был в них совершенно искоренен. Еще долго после официального введения христианства в народе держалось двоеверие. Да и само ирландское духовенство проявило в этом отношении гораздо бо̀льшую терпимость, чем духовенство в других странах[1]. Удар пришелся главным образом по пантеону верховных богов. Что же касается веры в духов, то она сохранила в сагах свое прежнее место. Более того, она даже расширилась против прежнего. Именно, большинство

[1] Главная причина этого заключалась в том, что не только низшее, но и высшее духовенство в Ирландии вербовалось исключительно из местного населения, а не присылалось из Рима, как это делалось в первые стадии христианизации в большинстве континентальных стран.

богов, утратив право на существование в своей «почетной» форме, не умерло, но перешло в низший разряд — в разряд духов: последних, как известно, христианская церковь терпела, отождествляя их с «дьяволами».

Таким-то образом, высший класс древних ирландских богов, боги из *племени богини Данан* (соответствующие «олимпийским» богам эллинов или «асам» и «ванам» — светлым богам скандинавов) превратились в племя полубогов — *сидов* (*aes side*). Представление об их местопребывании двоится. Они не то обитают на чудесном острове (или островах), где-то далеко за морем, не то под землею в холмах Ирландии. Они малы ростом и прекрасны собою, вечно молоды и превосходят людей силой и мудростью, будучи во всем остальном им подобны. Они владеют великими сокровищами и проводят жизнь в пирах и играх, в любви и весельи; они кротки и великодушны, но иногда ведут войну с племенами иных духов. Бессмертны они или только обладают даром долголетия — трудно установить. Повидимому, они не знают естественной смерти, но могут погибать в бою (как, например, родичи Син в саге *Смерть Муйрхертаха*). Однако возможно, что и в этом случае смерть их не окончательная и что за нею вскоре следует возрождение в новом или в прежнем облике. Им присуща также способность менять свою наружность или становиться совсем невидимыми (см. *Исчезновение Кондлы*). Часто они покидают свое обиталище и вмешиваются в жизнь людей: помогают им, вступают с ними в любовные связи, порою заманивают их в свои волшебные холмы и там иногда потешаются над ними, но обычно отпускают, одарив богатствами и мудрыми советами (см. *Приключения Кормака*). Иногда, однако, для устройства своих дел они сами прибегают к помощи смертных (см. *Болезнь Кухулина*). Мстительными и жестокими они

становятся лишь тогда, когда люди сами причиняют им зло (Син в саге *Смерть Муйрхертаха*). В общем *сиды* весьма похожи на фей, что вполне понятно, ибо образ средневековых фей возник именно из мира кельтских мифических представлений. Главное различие между ними — в том, что *сиды* бывают обоего пола, и случаи обольщения женщины *сидом* столь же обычны в этих сказаниях, как и обольщение смертного героя — *сидой*.

Рядом с *сидами* мы все же находим в сагах коекакие образы старых, «классических» богов. Из числа светлых богов — «племени богини Данан» — назовем, как наиболее часто встречающихся, следующих. Это прежде всего *Луг* — бог света, а также всех искусств и ремесел, отец Кухулина (весьма древнее, общекельтское божество, имя которого содержится в галльском названии города Лиона, древнего Lugu-dunum — «твердыня Луга»). Далее, *Огме* — бог мудрости, красноречия и письменности, столь же древний и общекельтский, как и Луг; от его имени происходит будто бы название *огама*—дохристианского, рунического алфавита ирландцев, в котором буквы определялись числом и направлением нарезок на куске дерева. *Мананнан* и отец его *Лер* были божествами моря. (Второй из них, очеловеченный, превратился под конец в короля *Лира* старых британских хроник). Бог *Мидер*, лишенный определенных функций, известен своим даром превращений и любовью к смертным женщинам (см. *Любовь к Этайн*). Из многочисленных божеств войны (которые все — женского пола) назовем *Морриган*, упоминаемую в саге о смерти Кухулина. Кроме этих «светлых» божеств, мы находим в сагах и «темных» богов (напоминающих эллинских титанов или скандинавских «йотунов»): это — зловещие и вредоносные *фоморы* (fomóre), живущие в мрачной обители, где-то на севере, за морем. Наконец, встречаются следы и самого древ-

него, общекельтского поклонения стихиям и небесным светилам (например, в клятве Кухулина в саге *Бой Кухулина с Фердиадом*).

Особой формой близости между людьми и богами являются земные воплощения последних. Зачатие земною женщиною сына от божественного отца — обычный мотив в мифологии всех народов. Но в ирландских (и вообще кельтских) представлениях характерно то, что рождающийся таким образом сын есть *личное* возрождение бога, своего отца. Мананнан говорит Брану: «*Я* приду в Ирландию... ибо от *меня* родится сын...» (*Плавание Брана*). Равным образом, в первоначальном толковании Кухулин, сын Луга, был, несомненно, земным воплощением своего небесного отца (см. *Рождение Кухулина*).

Представления ирландцев-язычников о загробной жизни нам совершенно неизвестны; удивительным образом в сагах, как и во всех иных источниках, на этот счет не сохранилось ни малейших указаний, как нет никаких следов и культа предков. Иногда, когда герой погибает в бою, богиня войны «уносит его с собой», но куда — об этом ничего не сообщается. Можно лишь предположить, что в ту самую «страну живых», на «медвяную равнину», находящуюся на дальнем чудесном острове, — в «обитель блаженства», которая так красочно изображена в *Плавании Брана*. Если и так, то эта страна — удел лишь избранных (подобно *Елисейским полям* эллинов), но отнюдь не местопребывание умерших вообще. Но все это — лишь догадки, и фактически сохранившиеся редакции саг говорят нам об ином. Именно, все герои, попадающие в «блаженную страну», — Бран, Кондла, Майльдуйн, Кухулин, Кормак, — достигают ее *при жизни;* и нет никаких указаний на то, чтобы они встретили там своих родичей. Вообще она — обиталище

не душ умерших, а богов или *сидов*, которые в этом отношении, как и во многих других, подверглись взаимному смешению. В основе образа «блаженной страны» лежит, без сомнения, исконное кельтское верование, но описания ее, сохранившиеся в сагах, осложнены примесью множества других наносных представлений, взятых частью из христианского образа небесного рая, частью из христианской же легенды о земном рае, частью, быть может, из античных образов Элизиума, сада Гесперид (яблоки!), страны амазонок («страна женщин» в *Плавании Брана*), даже скандинавской Валгаллы (неиссякающий кабан в *Приключениях Кормака*), причем выделить и разграничить все эти элементы — задача весьма трудная.

Мы находим в сагах мало подробностей о языческих празднествах ирландцев и связанной с ними обрядности. Главным праздником был *Самайн*, справлявшийся в ночь под 1 ноября и знаменовавший собою наступление зимы. Жрецы (друиды) разводили священный огонь, и пока он горел, все другие огни в Ирландии должны были быть погашены. В костры бросались жертвы, и при этом происходило поклонение идолам. За этим следовали игры и увеселения, длившиеся целую неделю (см. начало саги *Болезнь Кухулина*). В ночь Самайна разверзались волшебные холмы, и тогда обитатели их, *сиды*, вступали чаще всего в общение с людьми. Церковь, в старину охотно приспособлявшая языческие верования и обряды к своим целям, связала праздник Самайн с христианским «днем всех усопших», который приходится на 1 ноября. Реже упоминается второй сезонный праздник, *Бельтене*, справлявшийся в ночь под 1 мая (начало лета). И здесь друиды возжигали с заклинаниями священный огонь. Во всей Ирландии в эту ночь прогоняли скот, по одной паре от каждого

стада, между двух костров, чтобы предохранить его от болезней на целый год. Во время обоих этих праздников происходили гадания.

Лучше всего сохранилась в сагах (не мифологического цикла) вера в духов. Тут мы встречаем несметные полчища духов — «козловидных», «бледноликих» и иных видов, призраков, волшебных существ, одноруких, одноногих и одноглазых, страшных старух-волшебниц, девушек-птиц. Не перечесть все упоминаемые в сагах чудесные превращения, предсказания, предзнаменования. Главную роль в магической практике древней Ирландии играли заклинания как приворотные, так и оградительные, применявшиеся при всяком случае. Сюда же относятся «злые песни», содержащие угрозу наслать всяческие беды, болезни и даже смерть в случае невыполнения требования. К ним приходилось прибегать даже при судопроизводстве: при отсутствии исполнительного аппарата, когда осужденный отказывался подчиниться приговору, не оставалось ничего другого, как спеть против него такую «злую песню». Часто ими пользовались для всякого рода вымогательств. Любопытно, что сила воздействия «злой песни» состояла не только в угрозе, заключенной в ней, но и в некоей моральной принудительности, связанной с нею. Это явствует из тех случаев, когда жертва повиновалась требованию, заведомо обрекавшему ее на смерть.

Совершенно особым видом колдовских поверий были у ирландцев так называемые *гейсы*. Это — своеобразные запреты или зароки, лежавшие на отдельных лицах. От сходных религиозных запретов, встречающихся у других народов («табу»), они отличаются тем, что носят обычно персональный характер. Они чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них, без сомнения позднейшие, имеют как будто исключительно моральный характер: напри-

мер, один из *гейсов* Кухулина повелевал ему не отказывать в помощи ни одной женщине. Другие выдают свое тотемическое происхождение, например, *гейс* того же Кухулина — не вкушать мяса собаки. Некоторые, наконец, связаны с культом природных сил; так, например, на короле Конайре лежал запрет — не выходить из дома после захода солнца. Эти *гейсы* придают особенно фантастический, причудливый характер сказочному элементу, столь обильному в ирландских сагах.

Блюстителями мифических преданий и колдовской мудрости были друиды. Так как они в то же время были прикосновенны к литературе, а с другой стороны к ворожбе были причастны и профессиональные поэты или сказители, то и тех и других удобнее рассматривать совместно.

Естественно, что в древней Ирландии был широко развит институт жречества. Но жрецы были хранителями не только мифических, но и родовых героических преданий. Это приводит нас к вопросу об авторах и рассказчиках саг.

V

В древнейшей стадии родового строя старейшины родов («старики») были жрецами, колдунами, предсказателями погоды, судьями, знатоками генеалогий, словом, хранителями всей «древней родовой мудрости». После того как наступает затем диференциация и возрастный принцип уступает место профессиональному, долго еще сохраняется след первоначального смешения всех перечисленных выше функций. При той огромной роли, какую в эту эпоху играет заклинательная и вообще магическая поэзия, поэты еще долгое время сохраняют связь с волшебством, как и, наоборот, жрецы продолжают оставаться «литераторами», причем те и другие

являются «историографами» племени и моральными судьями поведения его членов. Этот пережиток архаических отношений особенно ярко выступает в древней Ирландии, где мы находим следующие три группы, имеющие весьма замкнутый, кастовый характер: 1) *друиды* (собственно жрецы), 2) *барды* (певцы-поэты), и 3) *филиды* (дословно — «зрящие», или «ведающие», в переводе на современный язык — «ученые»), Но с течением времени область деятельности и моральное значение каждой из этих групп подверглись большим изменениям.

Наиболее высокое положение занимали первоначально друиды. В Ирландии, как и в Галлии, они были некогда и судьями, и хранителями мифических или героических преданий. Обе эти функции, однако, рано перешли от них к филидам: друиды остались лишь жрецами и учителями юношества. После христианизации Ирландии значение их быстро падает. Часть друидов, принявшая христианство, пополнила собою ряды духовенства; другая часть, упорно привязанная к старой вере, обратилась в народных знахарей и колдунов. Но в сагах отразилось еще их прежнее почетное положение. Предсказатели, толкователи снов и мудрецы, они занимают первое место около королей, являясь их советниками в важнейших делах. Конхобар и многие другие короли — сыновья друидов.

Более скромным, но зато и более устойчивым был удел бардов. Они, как были, так и остались исключительно поэтами, певцами и музыкантами. После падения друидов они даже выиграли, переняв их роль учителей. Школы бардов, возникшие в самом начале христианского периода, продолжали существовать вплоть до XVII века. Они содержались на общественные средства, и в них обучалось иногда до трети всего населения Ирландии. Барды разделялись на восемь разрядов,

в зависимости от степени их мастерства и объема познаний в искусстве стихосложения, музыки и т. п. Не всеми стихотворными размерами можно было свободно пользоваться: некоторые из них были привилегией лишь высших разрядов бардов. Чтобы достигнуть в своем ремесле совершенства, барды должны были обучаться в течение 9 или даже 12 лет. Различались, с одной стороны, барды «благородные» и «низшие», с другой стороны — оседлые, то есть получившие место при каком-нибудь дворе, и бродячие, жившие случайными доходами. Оседлые барды исчезли с прекращением независимости Ирландии, бродячие продолжали существовать почти до XVIII века. Областью творчества бардов была исключительно лирика, но при этом не во всем ее объеме, а только низшие виды ее, именно панегирики и сатиры, имевшие своим объектом как отдельных личностей, так и события. Высшие же виды лирики — боевые песни, похоронные плачи и т. п. — были достоянием третьей группы мастеров слова, филидов.

Эти последние, оттеснив в рассматриваемую эпоху друидов и бардов, сосредоточили в своих руках все высшие, наиболее почетные функции. Они были и законоведами, и предсказателями, и государственными мужами. Они же, в качестве знатоков топографии и родословных Ирландии, занимали место ученых историков при всех королевских и княжеских дворах. Они были также поэтами и, наконец, рассказчиками мифологических и героических повестей. Нет сомнения, что они же были и первыми их авторами. Именно в среде филидов и в той придворной обстановке, в которой они действовали, следует искать зарождение ирландских саг.

Привязанные к дому своего короля или князя и к его наделу, эти знатоки древних законов, верований и преданий, владевшие мастерством как прозаической,

так и стихотворной речи, без сомнения первые выработали и форму и тип дошедших до нас саг. В долгие зимние вечера они развлекали собравшихся у очага обитателей королевского дома, рассказывая древние предания. Таким путем объясняется та громадная роль, которую играют в сагах как местные предания, так и родословные. Не менее половины их эпизодов служит словно лишь для того, чтобы объяснить название какой-нибудь местности или прозвище какого-нибудь короля или героя. «Как произошло изгнание сыновей Уснеха? Нетрудно сказать», или: «Почему прозван Арт Одиноким? Нетрудно сказать», — такова древнейшая, типическая формула вступления к этим сагам, выдающая социальный характер и рассказчика и его аудитории. Первый — придворный поэт и историограф, вторые — король или князь (потомок героя саги), окружающая его знать, дружина, челядь. Такого же происхождения, конечно, и наполняющие саги объяснения названий разных местностей: «оттого и зовется место это *Бродом Двояких Комьев*...», «вот почему один из камней на равнине этой зовется *Камнем Лугайда*...» И лишь постепенно, уже после исчезновения филидов, с переходом эпического материала к народным сказителям, саги эти, все шире и шире распространяясь, превратились из аристократического по своему происхождению жанра в жанр вполне «народный» и стали всеобщим достоянием, предметом любви и интереса всего населения.

С самого начала эти саги сложились в прозе. Но с самого же начала их авторы, а вслед за ними и рассказчики, стали вставлять в прозаическое повествование, ради его оживления и эстетического эффекта, обычно небольшие, но иногда довольно обширные отрывки в стихах. Основываясь на аналогии с эпосами других народов, можно было бы высказать предположение, что

первичной формой ирландского эпоса являлись стихи, разложившиеся впоследствии в прозу, и что сохранившиеся поэтические отрывки — остаток древних стихотворных версий. И, пожалуй, в подтверждение этого можно было бы привести ряд мест, где один и тот же момент или мотив передан в прозе и сразу же вслед за этим повторен в стихах. Однако рассмотрение содержания стихов заставляет отбросить эту мысль. Дело в том, что в стихах передаются исключительно либо моменты высшего драматического напряжения, либо речи действующих лиц, — притом лишь тогда, когда они достигают высокого пафоса. Мы нигде не встретим сколько-нибудь связного изложения событий в стихах. Нет сомнения, что все они вторичного происхождения и носят чисто декоративный характер. В них филиды нашли применение своего искусства в «высших» видах лирики. С течением времени число стихотворных вставок увеличилось вплоть до того, например, что в некоторых частях эпопеи *Похищение Быка из Куальнге* они образуют чуть не половину текста. В разных версиях, при полном тождестве прозаического текста, стихотворные вставки бывают весьма различны, а иногда и вовсе отсутствуют [1].

Но даже прозаическая канва саг не всегда была вполне устойчивой. Саги, возникшие задолго до письменности, в течение нескольких веков переходили в устной форме от одного поколения филидов к другому. Однако весьма вероятно, что часто при этом заучивался не полностью весь текст, а только схема саги и самые существенные ее части. В соединительных же местах предоставлялась свобода для импровизации рассказчика.

[1] Это дало нам право иногда сокращать или даже вовсе опускать в нашем переводе стихотворные места, когда они не представляют большого интереса в сюжетном или художественном отношении.

Это касается главным образом таких «типических» мест, как описание пиров, вооружения, сражений и т. п., для которых существовали традиционные формулы (как и в наших былинах) и которые переносились из одной саги в другую. Но возможно, что импровизация сказывалась и во многом другом, что отчасти объясняет различия в дошедших до нас письменных версиях.

Количество сохранившихся до нас саг огромно. Один исследователь высчитал, что, если их все напечатать, они заняли бы до трехсот томов среднего объема. Многие из них возникли в позднейшее время. Но и в интересующий нас древнейший период сложилось уже весьма большое число их. В одном тексте X века сохранился список названий 161 саги, которые возникли до 650 года, а если привлечь другие свидетельства, то число это может быть доведено до 278. Ясно, что запоминание их филидами требовало большого труда, и уже ради одного этого, не говоря о других их функциях, филиды должны были проходить школу обучения, не менее продолжительного и сложного, чем барды. В соответствии с этим, они разделялись на 10 разрядов. Филид высшего разряда — *оллам* (в позднейшем произношении — *оллав*) должен был знать наизусть 300 повестей; *анрут* (2-й разряд) — 175 и т. д., вплоть до филида последнего, 10-го разряда, который обязан был знать всего только 7 повестей. Равным образом, были категории повестей, являвшиеся достоянием лишь высших разрядов филидов.

Все повести были педантически разделены на категории. Прежде всего различались «большие» и «малые» повести, причем здесь имелся в виду не столько объем их, сколько значительность содержания. «Большие» повести по своим темам были разбиты на 17 родов: 1) Взятия замков, 2) Похищения коров, 3) Сватовства,

4) Битвы, 5) Пещеры (т. е. приключения в диких местах), 6) Плавания, 7) Насильственные смерти, 8) Празднества, 9) Осады, 10) Приключения, 11) Похищения женщин, 12) Избиения, 13) Наводнения, 14) Видения, 15) Повести любви, 16) Набеги (или походы) и 17) Переселения. Нередко сага по внешнему признаку искусственно подводилась под ту или иную рубрику; впоследствии, в эпоху письменности, эта условность отпала.

Объем саг, за немногими исключениями, не велик; каждая из них могла быть рассказана в один зимний вечер. Все они имеют эпизодический характер. Правда, делались попытки создать обширные, монументальные эпопеи, и до нас дошли две-три повести огромных размеров и широких по замыслу: *Пир Брикрена*, *Похищение быка из Куальнге*, *Разрушение замка Да-Дерга*. Но попытки эти, вызванные, быть может, знакомством с *Энеидой* или другими античными эпопеями, явно искусственны. Композиция этих повестей крайне слаба, и они отчетливо распадаются на ряд отдельных эпизодов. Им недостает идейно и тематически развитого стержня, связующего целое, как недостает и соответствующего «широкого» стиля. Народы, находящиеся в стадии родового строя, не создают эпопей. Последние возникают лишь в условиях феодального строя или некоторого подобия его, какое мы находим у античных или азиатских народов.

Вскоре после обращения Ирландии в христианство филиды прекратили свое существование. О последующей судьбе саг нами уже было кратко сказано выше. Они подверглись переработке и рукописным сводкам. Немалая доля участия в этой работе принадлежит монахам, главным мастерам письменности, и в то же время естественным преемникам филидов. Отсюда — известная христианизация саг. Помимо затушевания черт языче-

ских верований, она иногда сказывается и во вставках религиозно-тенденциозных стихов (см. прим. 6 и 8 к саге *Плавание Брана*), а изредка даже в присочинении новой развязки саги (см. прим. 26 к саге *Смерть Муйрхертаха*). Однако случаев коренной переработки целых саг не наблюдается. Знаменательна в этом отношении древняя легенда о встрече св. Патрика со свирепым бойцом Кайльте, соратником Финна, дожившим, благодаря дару долголетия, до прихода в Ирландию провозвестника новой религии. Заслушавшись рассказами Кайльте о кровавых его подвигах, Патрик вдруг спохватился, что предается греховному удовольствию; но тотчас же его успокоил голос ангела, раздавшийся с неба: «Не смущайся, Патрик, в этом нет греха: напротив, все, что ты слышал, ты должен с точностью записать для потомства». Впрочем, роль духовенства вообще не следует здесь преувеличивать: из обширной группы переписчиков саг большинство, повидимому, было мирянами.

В результате такой работы возникло огромное количество рукописей. О числе сохранившихся до нас (содержащих на ряду с сагами и другие тексты) могут дать представление следующие цифры. В Британском Музее хранится 198 ирландских рукописей, а один лишь описательный каталог рукописей, находящихся в библиотеке Ирландской Академии в Дублине, составляет 13 толстых томов. Две из этих рукописей, наиболее древние и богатые эпическим материалом, заслуживают быть упомянутыми. Первая, *Книга бурой коровы* (названная так по происхождению пергамента, на котором она написана), возникла около 1100 года. Вторая, *Лейнстерская книга*, относится к середине XII века. Большинство саг, помещенных в нашем сборнике, взято из этих двух рукописей, которые в свою очередь, повидимому, восходят к рукописям IX или X веков.

VI

Древнейшим и во многих отношениях наиболее интересным из героических циклов является цикл *уладский* или *ульстерский*, из которого сохранилось более 100 саг. Он зародился и расцвел при дворе уладских королей еще в те времена, когда Улад был более обширной, чем впоследствии, областью и мог притязать на гегемонию в Ирландии. Это местное происхождение цикла явствует не только из того, что местом действия его саг является обычно территория Улада, но и из того, что уладские герои изображены в нем как превосходящие героев других областей. Вероятно, в немалой степени искусству уладских филидов обязан этот цикл тем, что с течением времени он сделался общеирландским, вытеснив эпические сказания других областей, в которых те же самые события были, весьма возможно, освещены по-иному.

Общим фоном событий цикла служит давняя борьба между Уладом и Коннахтом, выражавшаяся как в постоянных мелких набегах, грабежах и пограничных схватках (см. *Повесть о свинье Мак-Дато*), так и в больших организованных походах (*Похищение быка из Куальнге*). По свидетельству летописей, борьба эта длилась со II века до н. э. по II век н. э. Сила враждебного Коннахта воплощена в уладских сагах в образах могучей и жестокой королевы Медб [1] и ее мужа, короля Айлиля, окруженных такими бойцами, как Кет, сын Матаха, Фергус, Фердиад и другие. Медб удалось привлечь на свою сторону королей других областей, как, например, короля Мумана — мудреца

[1] В том, что именно она занимает первое место, также можно видеть след древнего матриархата.

и волшебника Курои, сына Дайре, или Лугайда, короля Лагена. Этой коалиции противостоит мощь короля уладов Конхобара и лучших бойцов его — Кухулина, Конала Победоносного и Лойгайре Сокрушителя, группирующихся вокруг него в древней столице уладов, «дивной Эмайн-Махе».

Первоначальным стержнем всего цикла была личность самого Конхобара, жизнь которого хроники относят к I веку до и I веку после н. э. Но вскоре его постигла та же участь, что и былинного князя Владимира, короля Артура и многих других эпических королей: он был оттеснен на задний план своими юными витязями. В дошедших до нас сагах много говорится о красоте, о грозной и величавой осанке Конхобара, которого улады «почитали своим земным богом», но ничего не говорится о его собственных «подвигах силы и мужества». Главным героем цикла сделался племянник Конхобара, непобедимый Кухулин. Был, однако, период, когда Кухулин еще не фигурировал в уладском цикле. Три первые саги нашего сборника еще не упоминают его. Если в *Недуге уладов* он и не мог фигурировать, так как события ее отнесены ко времени до Конхобара, то опущение его имени в сагах с участием Конхобара (*Повесть о свинье Мак-Дато* и *Изгнание сыновей Уснеха*), в которых дело идет о чести и благе всего народа, было бы совершенно необъяснимым, если бы к моменту возникновения этих саг эпический образ его уже сложился. Зато сразу после своего вступления в цикл Кухулин занял в нем первенствующее положение. Главные события цикла происходят на территории, являющейся личным наделом Кухулина, в Куальнге или на равнине Муртемне, — что лишний раз подтверждает гипотезу о местном и родовом происхождении этих сказаний.

Если и не возникло сплошной, связной повести о жизни Кухулина, то эпизодические саги о нем настолько согласованы между собою, что можно составить по ним его легендарную биографию. Некоторые из саг, изображающих важнейшие моменты из его жизни, включены в наш сборник. Заполним остающийся пробел кратким пересказом других, наиболее значительных. За повестью о чудесном рождении Кухулина следуют сказания о его детстве. Еще ребенком он превосходил всех своих сверстников силой и ловкостью. Когда ему исполнилось шесть лет, с ним случилось происшествие, объясняющее его прозвище. Конхобар и все его воины отправились на пир, устроенный кузнецом Куланом. Мальчик, оставленный дома, выбрался на свободу и захотел присоединиться к пирующим. Во дворе Кулана на него напал сторожевой пес, отличавшийся такой силой и свирепостью, что целому отряду воинов не справиться было бы с ним. Но мальчик метнул в его пасть камень из пращи, пронзивший пса насквозь, и тот пал на месте. Все подивились этому подвигу. Однако Кулан, понесший ущерб, потребовал, чтобы мальчик отслужил ему некоторый срок сторожем за пса, что и было исполнено: отсюда имя нашего героя — *Ку-Хулайнд*, «Пес Кулана». Семи лет он впервые получил оружие и сразу стал побеждать сильнейших бойцов Ирландии.

Когда Кухулин сделался юношей, женщины и девушки Ирландии стали влюбляться в него за его красоту и подвиги. По настоянию уладов, он решил жениться (см. *Сватовство к Эмер*). В перипетиях опасного сватовства ему пришлось побывать в Шотландии, где он обучился всем тонкостям военного искусства. Мимолетно слюбился он там с богатыршей Айфе, которая родила ему сына, Конлайха. Когда Конлайх вырос, он

отправился в Ирландию разыскивать своего отца. Они встретились, сразились, не признав друг друга (подобно Рустему с Зорабом или Илье Муромцу с Сокольничком) — и сын Кухулина пал от его руки.

В возрасте семнадцати лет Кухулин совершил свой величайший подвиг. Королева Коннахта Медб, желая во что бы то ни стало добыть одного необычайно рослого и красивого быка из Куальнге (этот бык был земным воплощением одного бога), принадлежавшего одному уладу, который не желал ни уступить, ни продать его, снарядила огромное войско и, в союзе с остальными королевствами Ирландии, напала на Улад. Такова тема эпопеи *Похищение быка из Куальнге*, прозванной «ирландской Илиадой»; только, в отличие от греческой поэмы, объектом борьбы в ней является не женщина, а чудесный бык. Для вторжения Медб выбрала момент, когда все улады, как она хорошо знала, были поражены магической немощью, раз в год повергавшей их всех в полное бессилие (см. *Недуг уладов*), — всех, кроме Кухулина, который был свободен от рокового недуга вследствие своего божественного происхождения. Он один был вынужден оборонять целую страну. Ему удалось с помощью табличек с заклинаниями остановить войско Медб на пути у одного брода, и там он поочередно стал вызывать на единоборство всех вражеских бойцов. Без отдыха, он победоносно выдерживает эти поединки в течение трех месяцев ирландской зимы, пока, наконец, улады не исцеляются, чтобы явиться ему на выручку. После разных осложнений дело кончается разгромом коннахтского войска. Более чем на половину эпопея эта состоит из описаний таких поединков, из которых наиболее значительный и художественно разработанный — переведенный нами *Бой Кухулина с Фердиадом*,

Двумя важнейшими эпизодами из жизни Кухулина являются, далее, любовь его к *сиде* Фанд, связанная с его победоносной экспедицией в «страну блаженных» (см. *Болезнь Кухулина*), и борьба Кухулина за первенство, послужившая предметом обширной саги *Пир у Брикрена.* Между женами трех величайших героев Улада — Кухулина, Конала Победоносного и Лойгайре Сокрушителя — возник спор о том, кому из их мужей принадлежит первенство. Ссора эта нарочно была подстроена злокозненным Брикреном, сеятелем раздоров, который для этой цели пригласил всех героев к себе на пир (основной мотив и вся схема рассказа — те же, что и в *Повести о свинье Мак-Дато*). Герои против воли вовлечены своими женами в распрю. Происходит ряд состязаний между ними, в которых Кухулин неизменно берет верх, но всякий раз судьи отказываются признать испытание решающим. Наконец все трое едут в Муман, к хитроумному королю-волшебнику Курои, сыну Дайре, который придумывает для них испытание не в силе, а в храбрости. Он предлагает каждому из них срубить ему, Курои, голову, с тем, что на следующий день он явится, если сможет, и в свою очередь срубит голову смельчаку [1]. Все трое принимают вызов, но, когда оживший Курои является за расплатой, Конал и Лойгайре уклоняются, и лишь один Кухулин дерзает подставить голову под топор. Однако Курои щадит Кухулина и награждает его за смелость: отныне он получает имя «первого героя» Ирландии.

Поэтическая биография Кухулина завершается величавой сагой о его смерти.

[1] Этот сюжет, с различными вариациями, проник в романы Круглого Стола, откуда его почерпнул Э. Стуккен, обработавший его в своей драме *Гаван* (перев. Ф. Сологуба в «Рус. Мысли», 1916).

Образ Кухулина имеет, по всей вероятности, историческую основу, рано обросшую мифическими элементами. В нем проступают архаические, быть может, туземные (пиктские) черты. На ряду с описаниями грозной внешности и красоты Кухулина, от лица которого исходит такой блеск, что взору трудно его выдержать, он нередко изображается в сагах как «маленький, невзрачный человечек, смуглый и с темными волосами»: это уже не континентально-кельтский тип (похожий на древне-германский), а скорее пиктский, близкий к иберийскому. Форма первоначального имени его — *Сетанта* — во всяком случае не ирландская. Что касается вытеснившего ее прозвища — *Кухулин*, то и тут весьма вероятно, что объясняющее его сказание есть позднейшее осмысление, за которым скрывается нечто иное. Была высказана догадка, что оно тотемического происхождения и что в нем заключено международное звукоподражательное имя *кукушки*. В подтверждение этой гипотезы можно было бы привести сагу о рождении Кухулина, где он оказывается вскормленным в чужом доме (подброшенным в чужое гнездо), причем перед моментом его рождения появляются таинственные птицы.

Вообще же вся личность и судьба Кухулина, начиная с зачатия его сестрой Конхобара от бога Луга (см. *Рождение Кухулина*), окутаны мифическими элементами. Если Конхобар метафорически именуется «земным богом» уладов, то Кухулин — подлинный полубог. Ни один из других героев не обладает такими чудесными свойствами и способностями, как Кухулин. Когда он приходит в «боевую ярость», он вырастает и весь искажается; от его тела исходит необычайный жар; он почти обладает способностью летать по воздуху и т. д. (см. сагу *Сватовство к Эмер*, стр. 127). Весьма ве-

роятно, что в образе Кухулина слилось несколько образов, эпически, исторически и мифически первоначально различных. Но, слившись вместе, они составили один целостный образ, всячески приукрашенный поэтической фантазией.

Именно в образе Кухулина древняя Ирландия воплотила свой идеал доблести и нравственного совершенства, предвосхитивший некоторые черты позднейшего рыцарства. На ряду с необычайной силой и мужеством Кухулин обладает душевным благородством. Большинство лежащих на нем *гейсов* имеют возвышенный моральный характер: никогда не отказывать в помощи женщине, никогда не отвергать предлагаемого гостеприимства, всегда быть верным данному слову и т. д. Он великодушен к врагам, отзывчив ко всякому горю, утонченно вежлив с женщинами, всегда — защитник слабых и угнетенных. Ни один из его подвигов не имеет мотивом корысть или эгоизм. Он самоотверженно один отстаивает грудью свою родину от полчищ врагов *(Похищение быка из Куальнге)*. Он безутешен, когда его рукою сражен друг его юности *(Бой Кухулина с Фердиадом)*. Полна высокого трагизма повесть о смерти его, где он гибнет за других — жертва долга и чести.

По сравнению с Кухулином другие персонажи цикла значительно бледнее. Нельзя, однако, и тут отказать авторам (или редакторам) саг в уменьи создавать характеры. Один за другим, вслед за Кухулином, выступают пред нами — добродушный простак Фергус, язвительный и злокозненный Брикрен, первобытно грубый, свирепый Кет, смелый и прекрасный Найси. Такие же оттенки, весьма выразительные, находим мы и в женских характерах. Стоит сопоставить жестокую, дышащую ненавистью королеву Медб с проникнутою единой любовью Дейрдре, или пленительную возлюбленную —

Фанд с верной, сознающей свои права супругой — Эмер *(Болезнь Кухулина)*.

Но еще выше искусства характеристик в этих сагах — их язык, органически крепкий и в то же время до тонкости разработанный многими поколениями рассказчиков. Манера повествования гибка и разнообразна. В драматических местах стиль — напряженный и сжатый *(Смерть Кухулина)*, в описательных — замедленный и пространный (описание пиршественного зала Конхобара в начале саги *Сватовство к Эмер*). Забота о выразительности, вплоть до звуковых эффектов, проявляется в подборе эпитетов, параллелизмах и многочисленных аллитерациях (последними особенно богато начало *Боя Кухулина с Фердиадом*, где мы частично пытались соблюсти их в переводе).

Тип саги, выработанный в уладском цикле, оказался руководящим и для других циклов. В *фантастических* сагах, составляющих вторую половину настоящего сборника, читатель найдет не мало тех же самых, перекочевавших сюда черт, но, конечно, не мало и новшеств. В виду, однако, разнообразия материала, сводная характеристика здесь невозможна; ее отчасти заменяют вводные заметки, предпосланные нами каждой из этих саг.

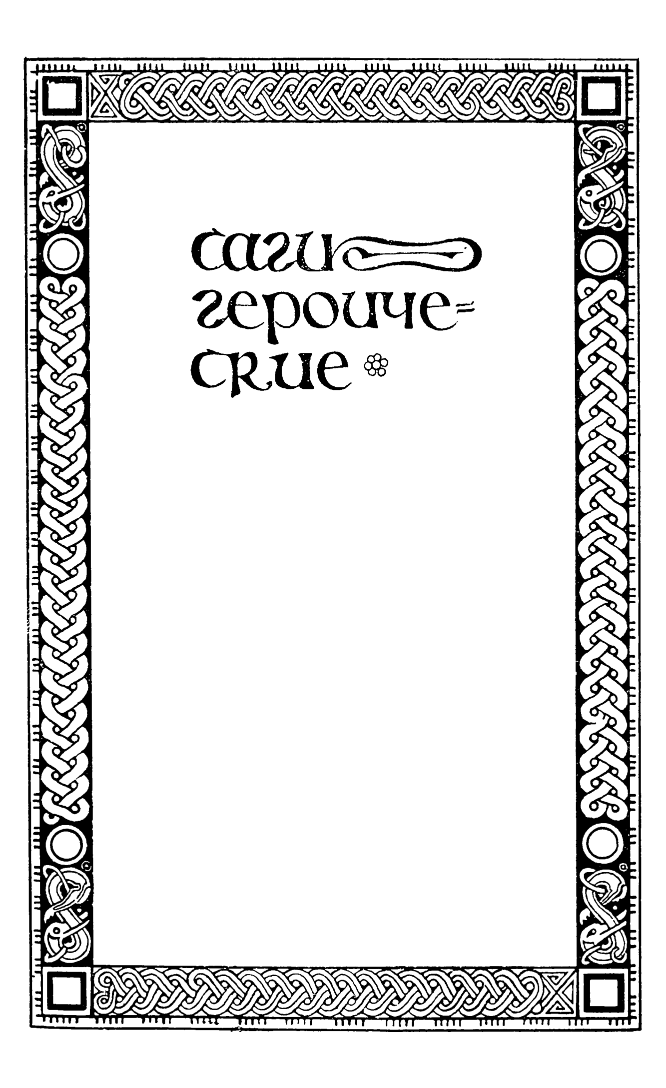
Более подробно ознакомиться с ирландским эпосом можно по следующим работам:

1) *Культура древней Ирландии:* E. O'Curry, «On the manners and customs of the ancient Irish», 3 тт., London, 1873; P. W. Joyce, «A Social History of Ancient Ireland», 2 тт., London, 1903; E. Mac Neill, «Celtic Ireland», Dublin, 1921; Mac Culloch, «The Religion of the Ancient Celts», Edinburgh, 1911.

2) *Ирландская литература (спец. эпическая):* D. Hyde, «A. Literary History of Ireland», London, 1903; E. Hull, «A Text Book of Irish Literature», 2 тт., London, 1910; H. d'Arbois de Jubainville, «Cours de littérature celtique», tome I: «Introduction à l'étude de la littérature celtique», Paris, 1883; статьи H. Zimmer'а и K. Meyer'а в коллективном труде: «Die romanischen Literaturen und Sprachen mit Einschluss des Keltischen», в серии «Die Kultur der Gegenwart», hgg. von P. Hinneberg, Teil I. Abt. XI. I. Berlin u. Leipzig, 1909; G. Dottin, «La littérature gaélique de l'Irlande» в «Revue de synthèse historique», t. III, juil. — déc. 1901, Paris; G. Dottin, «Les littératures celtiques», Paris, 1924; R. Thurneysen, «Die irische Helden- und Königssage bis zum siebzehnten Jahrhundert», Teil I und II, Halle, 1921; А. А. Смирнов, «Ирландская литература», в «Энцикл. Словаре» Брокгауза и Ефрона, 2-е изд., и его же, одноименная статья в «Литературной Энциклопедии».

3) *Сборники переводов ирландских саг на европейские языки:* H. d'Arbois de Jubainville, «Cours de littérature celtique», tome II: «Le cycle mythologique irlandais et la mythologie celtique», Paris, 1884; то же, tome V: «L'épopée celtique en Irlande», Paris, 1892; R. Thurneysen, «Sagen aus dem alten Irland», Berlin, 1901; P. W. Joyce, «Old Celtic Romances», 2-е изд., London, 1901; E. Hull, «The Cuchullin Saga in Irish Literature», London, 1898; Leahy, «Heroic Romances of Ireland», 2 тт., London, 1905—1906.

А. А. Смирнов

Саги героиче-ские

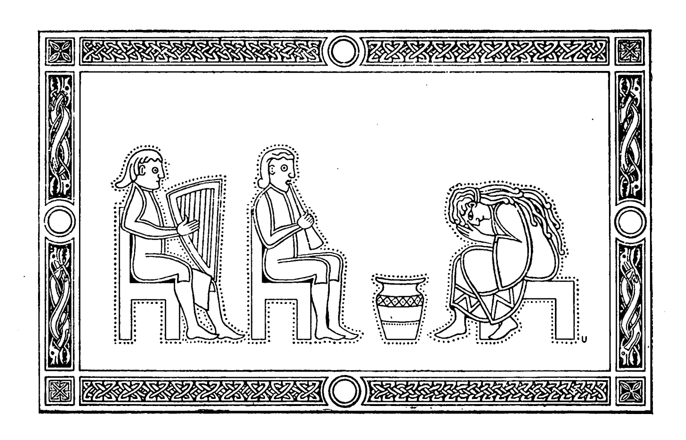
ИЗГНАНИЕ СЫНОВЕЙ УСНЕХА

Повесть о сыновьях Уснеха — одна из самых популярных в Ирландии, где она сохранилась в народном предании до наших дней. Существует, кроме того, ряд обработок ее в европейской поэзии. Макферсон использовал ее в одной из песен своего Оссиана — «Дартула», причем изменил сюжет почти до неузнаваемости. Наиболее интересно разработали эту тему, уже в наши дни, англо-ирландские поэты Синг (драма «Deirdre») и Иетс (драма «Deirdre of the Sorrows»).

Эта повесть — один из памятников эпоса любви, созданного кельтами. Она может служить параллелью к сказанию о любви Тристана и Изольды, источник которого, также кельтский, в оригинале не сохранился. Кроме совпадения основной темы («любовь сильнее смерти»), оба сказания близки между собой по схеме и содержат ряд общих деталей.

Большая древность саги доказывается тем, что в ней еще не упоминается Кухулин, позже включенный в уладский цикл, хотя действие сосредоточивается вокруг его дяди, короля Конхобара. До нас дошло несколько версий данной саги как письменных, так и устных. Мы избрали для перевода наиболее древний вариант, самый лаконичный и неприкрашенный, но от этого лишь еще более выразительный в своем первобытном трагизме; в нем сочетаются черты грубости нравов с глубоким лиризмом. В письменной форме эта версия была зафиксирована около X века.

Текст издан E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. I, Leipz., 1880.

Как произошло изгнание сыновей Уснеха?

Не трудно сказать.

Однажды собрались улады на попойку в доме Федельмида, сына Далла, рассказчика короля Конхобара. Жена Федельмида прислуживала собравшимся, а между тем она должна была вскоре родить. Рога с пивом и куски мяса так и ходили по рукам, и вскоре поднялся пьяный шум.

Наконец всем захотелось спать. Пошла и хозяйка к своей постели. Но в то время как она проходила по дому, дитя в чреве ее испустило крик, такой громкий, что он был слышен по всему двору. Все мужчины вскочили с мест и наперебой кинулись на этот крик. Но Сенха, сын Айлиля[1], остановил их.

— Ни с места, — сказал он. — Пусть приведут к нам жену Федельмида, и она объяснит нам, что означает этот крик.

О жена, что за крик жестокий
Раздался в нутре твоем стонущем?
Он пронзил нам слух, всем внявшим ему,
Донесясь из чрева разбухшего.
Окровавил мне сердце он ужасом,
Страхом великим ранил его.

Подошла она к Катбаду[2], мудрецу великому, и сказала:

Вот кого вопросите вы: Катбада,
Что украшен королевским достоинством,
Вознесен друидическим знанием.
Мне самой не дано того изъяснить,
Что тот крик означал из нутра моего.
Разве женщина знает, что носит она?

Тогда Катбад произнес:

В твоем чреве девочка вскрикнула
С волосами кудрявыми, светлыми.
Прекрасны глаза ее синие,
Щеки цвета наперстянки пурпурной.

Без изъяна, как снег, ее зубы белы,
Как красный сафьян блестят ее губы.
Знайте ж: много за эту девушку
Будет крови пролито в Уладе.

Будет светлой, стройной, длинноволосой
Девочка, что вскричала в чреве твоем.
К ней короли будут свататься,
За нее бойцы свою жизнь отдадут.

Королевы будут завидовать ей,
Совершенством будет краса ее.
С горьким спутником бежит она
Из пределов родного Улада.

После этого Катбад положил руку на чрево женщины и ощутил трепетание, словно дрожь, под рукой своей.

— Поистине, — сказал он, — здесь девочка. Да будет имя ее подобно трепету: Дейрдре [3]. Много зла совершится из-за нее.

Вскоре девочка родилась, и тогда Катбад запел:

О Дейрдре, высокого мужа отвергнешь ты.
Из-за дивной красы лица твоего
Много невзгод принесешь ты Уладу,
О благородная дочь Федельмида!

Будут долгими скорби после тебя,
О женщина, подобная пламени!
При жизни твоей случится изгнание
Трех сыновей благородного Уснеха.

При жизни твоей деянье жестокое
Совершится впоследствии в Эмайн [4].
Будет долгой память о лице твоем,
Из-за тебя падут сыны королевские.

Из-за тебя, о женщина желанная,
Будет изгнан Фергус из Улада
И свершится гибель горестная
Фиахны, внука Конхобарова.

Ты сама совершишь дело страшное,
В гневе лютом на короля уладов.
О Дейрдре, хоть тесна будет могила твоя,
Будет память о тебе долгою.

— Смерть этой девочке! — воскликнули улады,

— Нет! — сказал Конхобар. — Отнесите ее завтра ко мне. Она будет воспитана, как я прикажу, и, когда вырастет, станет моей женой.

Улады не посмели противоречить ему. Как он сказал, так и было сделано.

Она воспиталась под надзором Конхобара и, когда выросла, стала красивейшей девушкой во всей Ирландии. Она жила все время в отдельном доме, чтобы ни один улад не мог ее увидеть до того часа, когда она должна была разделить ложе Конхобара. Ни один человек не допускался в дом ее, кроме приемных отца и матери, да еще Леборхам [5]; этой ничего нельзя было запретить, ибо она была могучей заклинательницей.

Однажды зимой приемный отец Дейрдре обдирал во дворе, на снегу, теленка, чтобы приготовить из него обед для своей воспитанницы. Прилетел ворон и стал пить пролитую кровь. Увидела это Дейрдре и сказала Леборхам:

— Три цвета будут у человека, которого я полюблю: волосы его будут цвета ворона, щеки — цвета крови, тело — цвета снега [6].

— Честь и удача тебе! — воскликнул Леборхам. — Не далек от тебя такой человек: в этом же дворе он, — Найси, сын Уснеха [7].

— Не буду я здорова, пока не увижу его, — сказала Дейрдре.

Вскоре после этого случилось, что Найси прогуливался один, распевая на валу королевского замка Эмайн. Сладкими были голоса у сыновей Уснеха. Каждая корова или иное домашнее животное, слыша их, начинало давать молока на две трети больше обычного. Каждый человек, слыша их, наслаждался и впадал в сон, как от волшеб-

ной музыки. Велико было и боевое искусство их: если б все люди одного из пяти королевств Ирландии ополчились на них, то и тогда — стоило им лишь сплотиться, упершись друг в друга спинами — не одолеть было бы их: таково было искусство трех братьев в защите и ловкой помощи друг другу в бою. На охоте же они были быстры, как псы, и поражали зверя, нагнав его.

Так вот, пока Найси гулял один и пел, Дейрдре выскользнула из комнаты своей и пошла по двору, норовя пройти мимо него. Сначала он не узнал ее.

— Красивая телочка прохаживается мимо нас, — сказал он.

— Телочки остаются телочками, пока около них нет бычков, — сказала она.

Тут Найси догадался, кто она такая.

— Около тебя есть славный бык, повелитель целого королевства, — сказал он.

— Я хочу сама сделать выбор между вами двумя, — отвечала она, — и милей мне молодой бычок — ты.

— Не бывать этому! — воскликнул он, вспомнив предсказание Катбада.

— Значит, ты отказываешься от меня? — спросила она.

— Да! — ответил он.

Она бросилась на него и схватила его за оба уха, говоря:

— Позор и насмешка на твои уши, если ты не уведешь меня с собой!

— Отойди от меня, о женщина! — воскликнул он.

— Будет так, как я хочу, — сказала она.

Тогда он кликнул клич своим звонким голосом. И улады, заслышав его, повскакали все, готовые броситься друг на друга с оружием. Оба брата Найси прибежали на клич его.

— Что с тобой? — спросили они его. — Улады готовы перебить друг друга из-за тебя.

Он рассказал, что случилось с ним.

— Большие беды могут произойти от этого, — сказали они, — но, что бы там ни случилось, тебя не коснутся позор и обида, пока мы живы. Мы уйдем все, вместе с девушкой, в другую область. Нет в Ирландии князя, который не принял бы нас охотно к себе.

Они посовещались и приняли решение. В ту же ночь они выступили в путь. Трижды пятьдесят воинов было с ними, трижды пятьдесят женщин, трижды пятьдесят псов и трижды пятьдесят слуг. И Дейрдре пошла вместе с ними.

Долго блуждали они по Ирландии, переходя из-под охраны одного князя под охрану другого, ибо Конхобар все время пытался погубить их хитростью и предательством. Всю Ирландию обогнули они, начиная от Эсруайда [8], и далее по южным и восточным областям, вплоть до Бенд-Энгара [9], что на северо-востоке.

Под конец улады заставили их перебраться в Шотландию, где они поселились в пустынной местности. Когда стало им недоставать дичи в горах, они вынуждены были делать набеги на шотландцев и угонять их скот. Те однажды собрались вместе, чтобы уничтожить их. Тогда изгнанники пришли к королю шотландскому, и тот взял их к себе на службу, сделав своими воинами. Они построили отдельные дома для

себя на королевской земле. Сделали они это ради девушки, — чтоб никто не увидел ее, дабы им не погибнуть из-за нее.

Однажды управитель королевского дома, проходя рано поутру мимо дома их, увидел любящих, спавших в объятиях друг у друга. Он тотчас поспешил к королю и разбудил его.

— До этого дня, — сказал он ему, — мы не могли найти для тебя жены, достойной тебя. Но вот, вместе с Найси, сыном Уснеха, живет женщина, достойная короля Западного Мира [10]. Прикажи тотчас убить Найси, и пусть его жена разделит твое ложе.

— Нет, — сказал король, — это не годится. Лучше ходи к ней каждый день тайком и уговаривай полюбить меня.

Тот так и сделал. Но все, что управитель говорил Дейрдре днем, она немедленно передавала своему мужу ночью. Так как она не соглашалась на желание короля, то он стал посылать сыновей Уснеха на трудные дела, в тяжкие битвы, в опасные предприятия, чтобы они погибли в них. Но они проявляли себя несокрушимыми во всем этом, так что и таким путем король не достиг ничего.

Тогда король созвал шотландцев, чтобы напасть и умертвить сыновей Уснеха, после того как Дейрдре притворно дала свое согласие на это. Она тотчас же предупредила Найси:

— Собирайтесь скорее в путь. Если вы не уйдете этой ночью, то завтра же будете убиты.

Они ушли ночью и удалились на один из островов среди моря. Дошла об этом весть до Улада.

— Горестно будет, о Конхобар, — сказали улады, — если сыновья Уснеха погибнут во вражеской стране из-за одной дурной женщины. Прояви к ним милость: пусть лучше вернутся они в свою землю, чем погибнут от руки врагов.

— Пусть приходят они на мою милость, — отвечал Конхобар. — Мы вышлем заложников навстречу им.

Сыновьям Уснеха сообщили об этом решении.

— Мы рады этому, — сказали они, — и вернемся охотно. Пусть дадут нам в заложники Фергуса[11], Дубтаха[12] и Кормака, сына Конхобарова.

Эти трое вышли навстречу сыновьям Уснеха и когда те сошли на берег, взялись с ними за руки.

Жители того места, по наущению Конхобара, стали звать Фергуса на попойку. Он пошел к ним вместе с Дубтахом и Кормаком. Но сыновья Уснеха отказались от приглашения, сказав, что они не примут никакой пищи в Ирландии, прежде чем вкусят пищу за столом Конхобара[13]. И потому, оставив там своих заложников, они пошли в Эмайн-Маху, куда их проводил, до самой лужайки замка, Фиаха, сын Фергуса.

Случилось, что как раз в это время прибыл в Эмайн-Маху Эоган, сын Дуртахта, король Ферманага[14], чтобы заключить мир с Конхобаром, с которым он долгое время перед тем вел войну. Ему-то и поручил Конхобар взять несколько его воинов и убить сыновей Уснеха, прежде чем те успеют дойти до него.

Сыновья Уснеха были на лужайке, а подле них женщины сидели на валу, окружавшем двор замка. Эоган вышел с воинами на лужайку и приветствовал Найси ударом своего мощного копья, раздробившим ему хребет. Сын Фергуса, стоявший неподалеку, успел обхватить Найси сзади руками, прикрыв его собой, и копье пронзило Найси, пройдя сквозь тело сына Фергуса. Затем были перебиты все пришельцы, бывшие на лужайке, и ни один из них не уцелел, но каждый пал либо от острия копья, либо от лезвия меча. Дейрдре же отвели к Конхобару со связанными за спиной руками.

Как только Фергус, Дубтах и Кормак, бывшие поручителями за убитых, узнали о случившемся, они поспешили в Эмайн; и там они совершили великие дела. Дубтах убил копьем своим Мане, сына Конхобарова, и Фиахну, сына Федельм, дочери Конхобара, Фергус же — Трайгтрена, сына Трайглетана, и брата его. Великий гнев овладел Конхобаром, и в тот же день произошла битва, в которой пало триста уладов от руки мстителей. Затем Дубтах перебил уладских девушек, а Фергус под утро поджег Эмайн-Маху.

После этого Фергус и Дубтах ушли в Коннахт к Айлилю и Медб[15], зная, что их там с радостью примут. Три тысячи воинов ушло вместе с ними. Они сохранили великую вражду к уладам, и в течение шестнадцати лет Улад не мог избавиться от стона и трепета: каждую ночь наполнялся он стоном и трепетом от их набегов[16].

Дейрдре прожила год у Конхобара, и за все это время ни разу не шевельнула она губами

для улыбки, ни разу не поела и не поспала вдоволь, ни разу не подняла головы своей от колен. Когда приводили к ней музыкантов, она говорила:

Прекрасной вам кажется рать стальная,
Что возвращается в Эмайн с похода,
Но более гордой вступали поступью
В свой дом три геройских сына Уснеха.

Приносил мой Найси мне мед лесной,
Умывала я милого у очага,
Тащил нам Ардан оленя иль вепря,
На гордой спине нес Андле хворост.

Сладким вам кажется мед отличный,
Что в доме воителя, сына Несс [17], —
У меня же часто — прошло то время! —
Бывали яства, более вкусные.

Когда гордый Найси костер готовил,
На котором в лесу я жарила дичь,
Слаще меда была мне пища,
Что на охоте добывал сын Уснеха.

Сладостной вам кажется музыка,
Что играют на свирелях и трубах здесь, —
Много сладостней были песни мне,
Упоительные, сынов Уснеха.

Плеск волны был слышен в голосе Найси.
Этот голос хотелось слушать вечно;
Был прекрасен средний голос Ардана,
Подпевал высоким голосом Андле.

Ушел в могилу мой Найси милый.
Горьких нашел он поручителей!
Увы мне! Не я ль была злым ядом
Напитка, от которого погиб он?

Мил был мне Бертан[18], страна скалистая,
Милы те люди, хоть и бездомные.
Горе мне, горе! Больше не встану я,
Чтоб встретить на пороге сына Уснеха!

Мил мне был дух его, прямой и твердый,
Мил был мне юноша, прекрасный, скромный.
После блужданья в лесной чаще
Сладок был отдых с ним под утро!

Мил был мне взор его голубой,
Для женщин желанный, для недругов
грозный.
Когда возвращался домой из леса,
Мил был мне голос его, слышный сквозь
чащу.

Нынче не сплю я долгие ночи,
Не крашу больше ногтей в пурпур,
Дни мои радости больше не знают,
Ибо нет больше сыновей Уснеха.

Нет мне больше никакой радости
В людских собраньях в высокой Эмайн,
Не мило мне убранство прекрасного дома,
Нет мне отдыха, нет покоя!

Когда Конхобар пытался ее утешить, она отвечала ему:

О, Конхобар, чего ты хочешь?
Ты уготовил мне тоску и стоны.

Пока жива я на этом свете,
Не будет великой моя любовь к тебе.

То, что под небом самым милым мне было,
Что я всего больше любила в мире,
Ты у меня отнял — жестокое дело!
Больше не увижу его на свете.

О горе мне, горе! Краса погибла,
Что являл мне лик сына Уснеха!
Черный камень лежит над белым телом,
Которого никто одолеть не мог!

Красны были губы, пурпурны щеки,
Черны его брови цвета жучка,
Были зубы его — как жемчужины,
Цветом подобные снегу белому.

Памятен мне дивный наряд его,
Выделявший его средь бойцов шотландских!
Прекрасный кафтан, окрашенный в пурпур,
Кайма на нем — красного золота.

Рубашка на нем — дорогого шелка,
В ней было вшито сто ценных камней.
Пятьдесят унций самой светлой бронзы,
Блестящей, пошло на ее украшенье.

Меч в руке его — с золотой рукояткой,
Два копья у него острых и грозных,
Борты щита — из желтого золота.
Шишка на нем — серебряная.

На гибель обрек нас Фергус прекрасный,
Убедив вернуться в родную землю.
Свою честь он продал за кружку пива [19],
Потускнела слава былых дел его.

Если б вместе собрать в открытом поле
Всех бойцов Конхобара, воинов Улада, —
Я бы всех отдала их, без изъятья,
За лицо Найси, сына Уснеха.

Не разрывай же вновь мне сердце,
Уже близка к могиле я.
Тоска сильней, чем волны моря,
Знай это, о Конхобар!

— Кто всех ненавистней тебе из тех, кого ты видишь? — спросил ее Конхобар.

— Поистине, ты сам, и еще Эоган, сын Дуртахта.

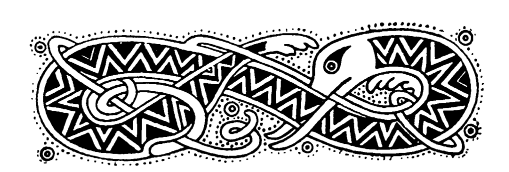
— В таком случае, ты проживешь год в доме Эогана, — сказал Конхобар.

И он отдал ее во власть Эогана.

На другой день Эоган выехал с нею на празднество в Эмайн-Махе. Она сидела на колеснице позади него. Но она дала клятву, что у нее не будет на земле двух мужей одновременно.

— Добро тебе, Дейрдре! — крикнул Конхобар, увидев ее.—Ты поводишь глазами меж нами двумя, мной и Эоганом, как овечка меж двух баранов!

В это время колесница проезжала как раз мимо большой скалы. Дейрдре бросилась на нее головой вперед. Разбилась голова ее, и она на месте умерла.

НЕДУГ УЛАДОВ

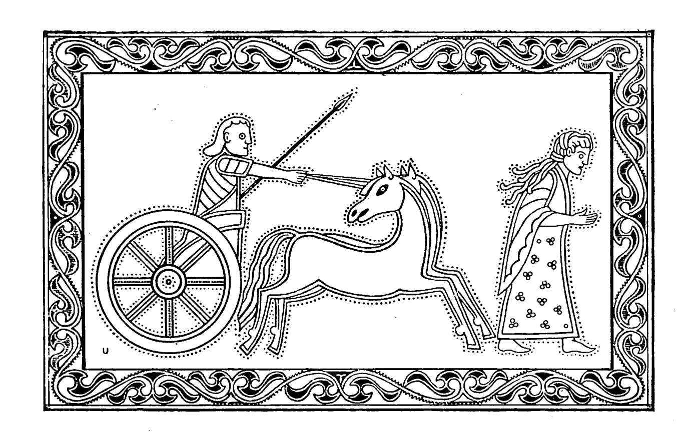
По своему характеру сага эта, лишенная собственно героического элемента, могла бы быть отнесена в отдел саг «фантастических». Однако мы решили держаться ирландской традиции, включающей ее в уладский цикл, по месту ее действия и по связи ее со сказаниями о Кухулине.

Тема ее — любовь неземной женщины к смертному, которая может длиться лишь до тех пор, пока он хранит тайну этой любви. Возможно, что именно от кельтов эта сказочная тема перешла к другим народам Европы, став весьма популярной в средневековой поэзии.

Один из вариантов ее — англо-нормандская поэма Марии Французской (около 1165 г.) о Ланвале, чрез посредство английской переделки ее «Sir Launfal» (середины XIV века), послужившая источником для драмы Э. Стуккена «Рыцарь Ланваль» (была поставлена в 1923 г., в переводе Ф. Сологуба, в б. Михайловском театре). Ту же тему можно обнаружить, в сильно измененном виде и с обменом ролей между героем и героиней, в сказании о Лоэнгрине.

Данная сага, в соответствии с обычным приемом ирландских сказаний (см. вступит. статью, стр. 43), имеет своей задачей объяснить происхождение имени Эмайн-Махи, столицы уладов. О глубокой древности ее свидетельствует еще в большей мере, чем отсутствие в ней Кухулина, второй мотив ее — постигающий уладов странный недуг, который несомненно является отражением какого-то древнего магического обряда (см. прим. 6 к тексту).

Древнейшая версия саги, записанная в XII веке, издана E. Windisch'ем в «Berichte der Königl. sächs. Gessellschaft der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse», 1884. Так как она содержит ряд искажений, мы выбрали для перевода другую версию, более позднюю по времени записи (XIV — XV веков), но не менее древнюю по происхождению, переведенную R. Thurneysen'ом, «Sagen aus dem alten Jrland», Berl., 1901.

ОДИН богатый улад жил в горах, в пустынной местности. Крунху, сын Агномана, звали его. Богатство его сильно возросло, и много сыновей было у него. Но жена, мать его детей, умерла. Долгое время он жил, не имея жены.

Однажды, когда он лежал в своем доме, он увидел, как вошла прекрасная юная женщина; дивно хороши были облик, одежда и движения ее. Маха [1] было имя женщины, как говорят люди сведущие. Она села на скамью у очага и развела огонь. До самого конца дня оставалась она в доме, никому не говоря ни единого слова. Она достала квашню и решето и стала готовить и прибирать все в доме. Когда наступили сумерки, она, никого не спрашивая, взяла ведро и выдоила коров. Войдя опять в дом, она повернулась в правую сторону [2], прошла на кухню, распорядилась по хозяйству и затем села на скамью возле Крунху.

Когда все ушли спать, она осталась у очага и потом притушила огонь. Затем она повернулась в правую сторону, подошла к Крунху, легла под его плащ и обняла его рукой. Так и зажили они вместе, и она зачала от него. Теперь еще больше возросло его богатство; для нее же было радостью, что он здоров и хорошо обряжен.

В те времена у уладов было в обычае устраивать частые собрания воинов и празднества. На одно из таких празднеств стеклись все улады, мужчины и женщины, кто только мог [3].

— Я тоже пойду на праздник, как все другие, — сказал Крунху жене.

— Не ходи туда, — сказала она, — чтобы не подвергнуться искушению рассказать о нас. Знай, что нашей совместной жизни — конец, если ты кому-нибудь расскажешь о ней.

— Я буду молчать на празднике, — отвечал Крунху.

Все улады собрались на праздник. Пришел и Крунху вместе с другими. Сборище блистало людьми, конями, одеждами. Были состязания в беге колесниц, в метании копий и выжимании тяжестей. К концу праздника в состязании приняла участие колесница короля, и его кони превзошли всех своим бегом. Тогда собрались все певцы, чтобы восславить короля и королеву, его филидов и друидов, слуг и воинов, а также все собрание.

— Никогда еще, — говорили они, — не видели мы коней, подобных белым коням короля. Поистине, нет более быстрых коней во всей Ирландии!

— Моя жена бегает быстрее этих белых коней, — сказал Крунху.

— Схватить этого человека, — воскликнул король, — и не отпускать до тех пор, пока его жена не явится на состязание!

Его схватили, а король послал людей за женщиной. Она приветствовала посланцев и спросила, зачем они пришли.

— Мы посланы за тобой, — отвечали они, — чтобы ты выкупила своего господина, которого король велел схватить. Ибо он сказал, что ты бегаешь быстрее, чем белые кони короля.

— Плохое дело! — сказала она. — Он не должен был говорить так. Но у меня есть справедливый отвод: я ношу в себе младенца, и уже близок час моего разрешения [4].

— Нет отвода! — воскликнули посланцы. — Он должен будет умереть, если ты не придешь.

— Приходится мне согласиться, — сказала она.

И она пошла вместе с ними на праздник. Все собрались, чтобы посмотреть на нее.

— Непристойно, — сказала она, — чтобы все так смотрели на меня. Для чего привели меня сюда?

— Чтобы ты состязалась в беге с белыми конями короля, — был ей ответ.

— У меня есть отвод, — сказала она, — близятся мои родовые муки.

— Занесите меч над ее мужем! — воскликнул король.

— Дайте мне хоть небольшую отсрочку, пока я разрешусь от бремени.

— Нет отсрочки, — сказал король.

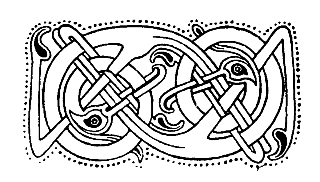
— Стыд вам, поистине, что даже отсрочки мне не дали, — сказала женщина. — Это покроет вас великим позором. Пускайте же вскачь коней.

Так и было сделано. И к концу бега она оказалась впереди коней. Тут испустила она крик острой боли и разрешилась от бремени. В муках родила она двойню — мальчика и девочку Фиал[5].

Когда собравшиеся мужчины услышали крик этой женщины, они почувствовали, что силы в них не больше, чем в женщине, рожающей ребенка.

— Это пятно позора навсегда останется на вас, — сказала им женщина, — за то, что вы подвергли стыду мою честь. Всякий раз, как вашему народу придется тяжко, на всех вас, сколько ни есть вас в королевстве, будет нападать болезнь, подобная родовым мукам. И, сколько времени женщина мучится родами, столько же будет длиться и ваше страдание: пять дней и четыре ночи, или пять ночей и четыре дня, — в продолжение девяти поколений[6].

И это оказалось правдой. Такая напасть длилась средь уладов со времен Крунху до царствования Фергуса, сына Домнала[7].

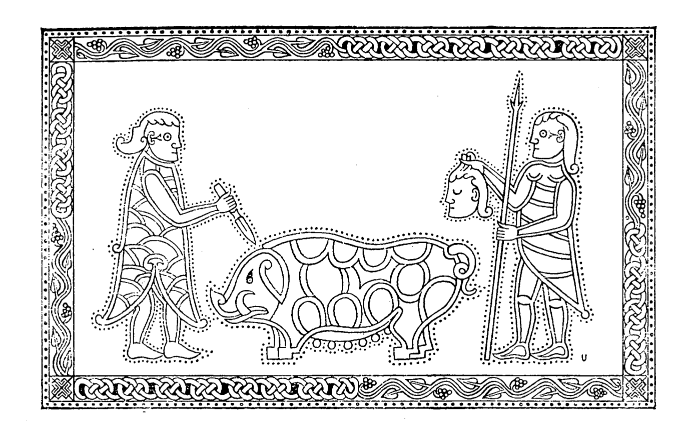

ПОВЕСТЬ
О СВИНЬЕ МАК-ДАТО

Глубокая древность этой саги доказывается тем, что в ней, как и в обеих предыдущих, еще не фигурирует Кухулин. Вместо него роль первого героя уладов играет другой племянник Конхобара, Конал Победоносный. Тема саги — древний обычай, общий всем кельтским племенам и являющийся одним из проявлений «местничества». Так, еще в I веке до н. э., по свидетельству Посидония, галлы на пирах затевали нередко побоища из-за того, кому предоставить право на лучшую долю яств.

Сага дает общую картину нравов и политических отношений в архаической Ирландии. Она содержит любопытный «смотр» героев, и происшествия ее захватывают наибольшую часть территории Ирландии.

Текст издан E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. I, Leipz., 1880.

Был у лагенов знаменитый король по имени Месройда, прозванный Мак-Дато [1]. У него был пес, который охранял весь Лаген [2]; звали его Айльбе, и вся Ирландия была полна славы о нем.

Однажды явились посланцы от Айлиля и Медб просить Мак-Дато, чтобы он уступил им этого пса. И в тот же самый день и час пришли посланцы от Конхобара просить его о том же. Приветствовали и тех и других и провели в замок [3] к Мак-Дато.

В те времена было только шесть замков во всей Ирландии. Замок Мак-Дато имел семь ворот, к которым вели семь дорог. Внутри его было семь очагов с семью котлами на них; и в каждом котле варились бычачина и соленая свинина. Всякий, кто приходил по одной из дорог, опускал вилку в котел. Если он попадал с одного удара в кусок мяса, то и съедал его; если же не попадал с первого раза, то не получал ничего.

Итак, привели посланцев к ложу Мак-Дато, чтобы они рассказали ему, зачем пришли, до начала пира. Они изложили ему свое дело.

— Мы пришли, — сказали посланцы из Коннахта, — просить у тебя твоего пса для Айлиля и Медб. Ты за него получишь немедленно шестьдесят дойных коров и колесницу с двумя конями, лучшими, какие есть в Коннахте; а через год — ровно столько же еще.

— И мы пришли, — сказали посланцы из Улада, — просить о том же для Конхобара. Дружба его для тебя значит не меньше. И он готов дать тебе столько же скота и такое же количество через год, да еще свою добрую дружбу в придачу.

Мак-Дато погрузился в великое молчание и провел так много часов, не принимая пищи и питья и только ворочаясь с боку на бок. Наконец, жена спросила его:

— Что это за долгий пост? Пища пред тобой, а ты ничего не ешь. Что с тобой?

Он не отвечал. Тогда она заговорила снова:

Посетила злая бессонница
Мак-Дато в его доме.
Совет ему, видно, надобен,
Но ни с кем он не заговаривает.

К стене от меня отворачивается
Воин геройский, славный подвигами.
Тревожится жена разумная,
Почему у супруга бессонница.

Мак-Дато

Слово мудрое молвил Кримтан Ниа-Найр [4]:
Не поверяй своей тайны женщине.

Плохо тайна хранится женщиной
Сокровище рабу не вверяется.

Жена

Коль жене ты о деле поведаешь,
Разве станет хуже от этого?
Раз совет самому на ум нейдет,
Может статься, она поможет тебе.

Мак-Дато

На горе нам пса Месройды Мак-Дато
Пришли сегодня просить для себя.
Много воинов падет прекрасных
Из-за этого пса, виновника распри.

Если не отдам я Конхобару его,
Нападет он на нас неминуемо,
Ни скоту моему, ни земле моей
Пощады не будет от войска его.

Если ж Айлилю я отказать решусь,
Обрушится он на страну мою.
Всех настигнет нас Кет, сын Матаха,
В пепел обратит дома наши.

Жена

Я дам тебе разумный совет.
К благу твоему клонится он.
Соглашайся пса им обоим отдать,
Пусть они меж собой спор боем решат.

Мак-Дато

Добрый совет дала ты мне,
Он вывел меня из смущения.
Не знаю, как пес попал ко мне,
Так и знать не хочу, кто возьмет его.

Встал Мак-Дато и встряхнулся.

— Ну, теперь повеселимся с гостями, что пришли к нам.

Три дня и три ночи провели посланцы в доме его.

После этого позвал он к себе сначала пришедших из Коннахта.

— Я был в большом затруднении и долго колебался, — сказал он им. — Но вот я принял решение. Отдаю моего пса Айлилю и Медб. Пусть приходят они торжественно за ним сами, чтобы увести с собой. Будут им угощенье и напитки обильные, и они получат пса. Добро пожаловать!

Довольны остались коннахтские послы этим ответом. Тогда он отправился к пришедшим из Улада и сказал им:

— После долгих колебаний я принял решение отдать пса Конхобару. Да будет он горд этим! Пусть знатнейшие из уладов приходят за псом. Будут им дары и добрый прием от меня.

Довольны остались уладские послы.

Один и тот же день назначил Мак-Дато и уладам и коннахтам, чтобы пришли за псом. И никто не пропустил этого дня. Воины двух королевств Ирландии явились в одно время к воротам замка Мак-Дато. Он сам вышел навстречу и приветствовал их.

— Хоть я и не вполне приготовился к приему, — сказал он, — добро пожаловать! Заходите во двор замка.

Они все вошли в замок: в одной половине его расположились коннахты, в другой — улады. Не мал был, поистине, этот дом. Семь ворот

было в нем, и между каждыми двумя воротами было по пятидесяти лож. Но не ласковы были лица сошедшихся на пир: между многими из них бывали уже схватки раньше. Со времен за триста лет до рождества Христова [5] шла распря между уладами и коннахтами.

Для гостей была заколота свинья Мак-Дато, которая семь лет вскармливалась молоком шестидесяти коров. Видно, ядом вскормили ее, ибо великое побоище между мужами Ирландии произошло из-за нее.

Итак, подали им свинью, кругом обложенную сорока быками, не считая всякой другой пищи кроме того. Сам Мак-Дато распоряжался пиршеством.

— Даю слово, — сказал он, — других таких быков и свиньи не найти во всем Лагене. Если всего этого вам окажется сегодня мало, то завтра мы заколем для вас еще новых.

— Добрая свинья, — сказал Конхобар.

— Поистине, добрая, — сказал Айлиль. — Но кто будет ее делить, о Конхобар?

— Чего проще! — воскликнул Брикен, сын Карбада [6], со своего верхнего ложа [7]. — Раз здесь собрались славнейшие воины Ирландии, то, конечно, каждый должен получить долю по своим подвигам и победам. Ведь каждый нанес уж не один удар кому-нибудь по носу.

— Пусть будет так, — сказал Айлиль.

— Прекрасно, — сказал Конхобар. — Тут у нас не мало молодцов, погулявших на рубеже.

— Нынче вечером они тебе очень пригодятся, о Конхобар! — воскликнул Сенлайх Арад [8] из тростниковой заросли Коналад, что в Кон-

нахте. — Не раз оставляли они в моих руках жирных коров, когда я угонял их скот на дороге в тростники Дедаха.

— Ты оставил у нас быка пожирнее, — отвечали ему улады, — своего брата Круахнена, сына Руадлома, с холмов Коналада.

— Лучше того было, — сказал Лугайд, сын Курои, — когда вы оставили в руках у Эхбела, сына Дедада, в Темре Тростниковой, вашего Лота Великого, сына Фергуса, сына Лете.

— А что, если я напомню вам, как убил я Конганкнеса, сына Дедада, сняв с него голову?

Долго бесчестили они так друг друга, пока из всех мужей Ирландии не выдвинулся один, Кет, сын Матаха [9], из Коннахта. Он поднял свое оружие выше всех других. Взяв в руку нож, он подсел к свинье.

— Пусть найдется, — воскликнул он, — средь мужей Ирландии тот, кто посмеет оспаривать у меня право делить свинью!

Погрузились в молчание улады.

— Эй, Лойгайре, — сказал Конхобар.

Лойгайре поднялся и воскликнул:

— Не бывать тому, чтобы Кет делил свинью пред нашим лицом.

— Погоди, Лойгайре [10], — отвечал Кет. — Я тебе кое-что скажу. У вас, уладов, есть обычай, что каждый юноша, получив оружие, должен испробовать его в первый раз на нашей меже [11]. Пошел и ты к нашему рубежу, и мы встретились там. Пришлось тебе на меже оставить и колесницу и коней, а самому спасаться, получив рану копьем. Не тебе подступать к свинье!

И Лойгайре сел на свое место.

— Не бывать тому, — воскликнул другой прекрасный, рослый воин из уладов, вставая со своего ложа, — чтобы Кет делил свинью пред нашим лицом!

— Что это за воин? — спросил Кет.

— Лучший, чем ты, — был ему ответ. — Это Ойнгус, сын Руки-в-Беде, из Улада.

— А почему прозвали твоего отца Рукой-в-Беде? — спросил Кет.

— Почему же?

— Мне-то известно, — сказал Кет. — Однажды выехал я на уладов. Пошла кутерьма. Все сбежались, в том числе и твой отец. Он метнул громадное копье в меня. Я подхватил его и пустил в него обратно; копье отшибло ему одну руку, так что она упала на землю. Не его сыну спорить со мной.

И Ойнгус сел на свое место.

— Выходите дальше, — сказал Кет, — или я примусь делить свинью.

— Не бывать тому, чтобы Кет делил свинью пред нашим лицом! — сказал другой прекрасный, видный воин из уладов.

— Что это за воин? — спросил Кет.

— Эоган, сын Дуртахта, — сказали ему, — король Ферманага[12].

— Я тебя однажды уже встречал, — сказал Кет.

— Где же это было? — спросил тот.

— Это было перед твоим домом, когда я угонял твой скот. Поднялся крик кругом, и ты прибежал на него. Ты метнул в меня копье, которое я отразил щитом. Затем я поднял его и пустил в тебя: оно попало тебе в голову и

выбило глаз. Все мужи Ирландии видят, каков ты, одноглазый. Это я выбил тебе второй глаз.

И Эоган сел на свое место.

— Эй, улады, — крикнул Кет, — выходите дальше!

— Не будешь ты делить свинью! — заявил Мунремур, сын Гергена.

— Уж не Мунремур ли это? — спросил Кет. — Так знай же, Мунремур, что я, наконец, уплатил тебе долг. Не прошло и половины дня с того часа, как я снял голову с троих людей, и один из них — твой старший сын.

И Мунремур сел на свое место.

— Выходите дальше! — вскричал Кет.

— Выходим! — сказал Менд, сын Салхолкана.

— Это кто такой? — спросил Кет.

— Менд, — отвечали ему.

— Эге, — воскликнул Кет, — славные имена все выступают против меня. Ведь через меня твой отец получил свое прозвище. Я отрубил ему пятку мечом, так что он спасся от меня, прыгая на одной ноге. Сыну ли Одноногого спорить со мной?

Тот сел на свое место.

— Выходите дальше! — крикнул Кет.

— Выходим! — воскликнул громадный седой воин из уладов, страшный на вид.

— Кто это? — спросил Кет.

— Кельтхайр, сын Утехайра, — отвечали ему.

— Погоди немного, Кельтхайр, прежде чем сокрушать меня, — сказал Кет. — Случилось однажды, что я подобрался к твоему дому. Поднялся крик кругом. Все сбежались, и ты в том числе. Но это плохо для тебя кончилось. Ты

метнул в меня копье. Я тоже метнул копье в тебя, и оно пронзило тебе ляшку и ранило чуть повыше. С тех пор болит твоя рана, и не было у тебя больше ни сыновей, ни дочерей. И ты хочешь состязаться со мной?

Кельтхайр сел на свое место.

— Выходите дальше! — крикнул Кет.

— Изволь! — заявил Кускрайд Заика-из-Махи, сын Конхобара.

— Это кто такой? — спросил Кет.

— Это Кускрайд, — отвечали ему. — Поистине, королевское лицо его.

— Невежлив ты, что не узнаешь меня, — сказал юноша.

— Ладно, — ответил Кет. — Первый твой боевой выезд, юноша, ты направил на нас. На рубеже мы встретились с тобой. Ты оставил там треть людей, что были с тобой, и сам, помнится, ушел с дротиком в горле. Потому-то и не можешь ты вымолвить слова как следует, ибо мой удар порвал тебе связки в горле. С тех пор и зовут тебя Кускрайд Заика.

И так, одного за другим, обесчестил Кет всех воинов Улада.

В то время как он, с ножом в руке, уже готов был приняться за свинью, все увидели Конала Победоносного [13], входящего в дом. Одним прыжком очутился он среди собравшихся. Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал. — Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас, — сказал Конхобар, — Кету, сыну Матаха.

— Правда ли, — воскликнул Конал, — что ты, Кет, делишь свинью?

Запел Кет:

Привет тебе, Конал! Сердце из камня!
Дикое пламя! Сверканье кристалла!
Ярая кровь кипит в груди героя,
Покрытого ранами, победоносного!
Ты можешь, сын Финдхойм [14], состязаться
со мной!

В ответ запел Конал:

Привет тебе, Кет, первенец Матаха!
Облик героя! Сердце из кристалла!
Лебединые перья! Воитель в битве!
Бурное море! Ярый бык прекрасный!

Все увидят, как мы сойдемся,
Все увидят, как разойдемся.
Пастух о битве нашей расскажет,
И простой работник не раз о ней вспомнит.
Выходят герои на схватку львиную.
Кто кого нынче в этом доме повалит?

— Эй, отойди от свиньи! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на нее? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор, как я взял копье в руку свою, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от свиньи, и Конал занял его место.

— Пусть поспорят теперь со мной! — воскликнул он.

Ни один из воинов Коннахта не дерзнул выступить против него. Но улады сомкнули вокруг него щиты наподобие большой бочки, — ибо у плохих людей в этом доме был скверный обычай тайком поражать в спину.

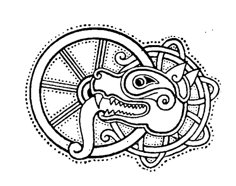
Конал принялся делить свинью. Но прежде всего он сам впился зубами в ее хвост. Девять человек нужно было, чтобы стащить этот хвост; и, однакоже, Конал с быстротою съел его весь без остатка.

Коннахтам при дележе Конал дал лишь две передних ноги. Мала показалась им эта доля. Они вскочили с мест, улады тоже, и они набросились друг на друга. Началось такое побоище, что груда трупов посреди дома достигла высоты стен. Ручьи крови хлынули через порог.

Затем вся толпа ринулась наружу. С великим криком стали они там резаться. Поток крови, лившейся во дворе, мог бы привести в движение мельницу. Все избивали друг друга. Фергус вырвал дуб, росший посреди двора, вместе с корнями, и вымел им врагов за ограду двора. Побоище продолжалось за воротами.

Тогда вышел наружу Мак-Дато, держа рукой своего пса. Он спустил его, чтобы посмотреть, чью сторону примет пес своим песьим разумом. Пес принял сторону уладов и накинулся вместе с ними на коннахтов, которые, вконец разбитые, обратились в бегство.

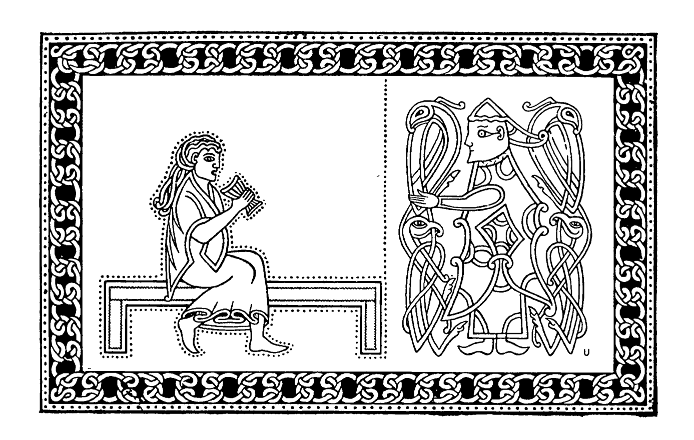
Рассказывают, что на полях Айльбе, через которые отступали Айлиль и Медб, пес вцепился зубами в дышло их колесницы. Тогда Ферлога, возница Айлиля и Медб, так хватил его мечом по шее, что туловище его отвалилось; голова же осталась впившейся зубами в дышло. Оттого-то, по имени пса Айльбе, и прозвали это место Полями Айльбе [15].

РОЖДЕНИЕ КУХУЛИНА

Группа сказаний о Кухулине открывается сагой о его рождении. Повесть эта возникла в весьма древнюю эпоху, о чем свидетельствует первобытность изображаемых в ней нравов. К сожалению, все дошедшие до нас версии ее содержат позднейшие искажения. Именно, в них можно обнаружить искусственное слияние по меньшей мере трех первоначально различных представлений: 1) отец Кухулина — Луг (древне-кельтский бог света), проникший в Дехтире в форме насекомого, через глоток воды (довольно распространенный мотив в сказаниях о «чудесных зачатиях»); 2) некий бог, Луг или другой, похитил Дехтире, а затем, со своими помощниками, приняв облик птиц, заманил Конхобора в свой призрачный дом, к моменту рождения ребенка, чтобы передать его земным его родичам на воспитание: рожающая женщина — Дехтире, а младенец и есть сам Кухулин; 3) Кухулин — сын Дехтире от земного мужа, улада Суалтама, между тем как Луг — лишь его «духовный отец» и покровитель (это, конечно, позднейшая рационализация). Наконец имеются следы и 4-й версии, вероятно древнейшей, согласно которой Кухулин, подобно многим легендарным героям,— плод кровосмешения: он сын Дехтире от ее брата (по одному варианту — отца) Конхобара.

Мы предлагаем сводную редакцию, в которой, если основная противоречивость и не устранена, то по крайней мере удалены некоторые мелкие противоречия и неясности. Главные варианты саги, на которые мы опирались, изданы E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. I, Leipz. 1880, и R. Thurneysen'ом, «Zu irischen Handschriften und Literaturdenkmäler» («Abhandlungen der, königl. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-Hist. Kl., N. F., Bd. XIV, № 2»), Berlin, 1912.

ОДНАЖДЫ, когда Конхобар, вместе со своими самыми знатными воинами находился в Эмайн-Махе [1], случилось вот что. Налетели на окрестные поля птицы неведомой породы и стали пожирать все плоды, злаки, траву, всю зелень до самого корня, так что остались после них лишь сухая земля да голые камни. Великая печаль охватила уладов при виде того, как погибает от этих птиц все пропитание их. И они решили снарядить девять колесниц, запрягши в них самых быстрых коней, какие только были в Уладе, чтобы пуститься в охоту на птиц. Выехал на охоту и сам Конхобар, и сестра его Дехтире вместе с ним; она в ту пору была уже взрослой девушкой и служила ему возницей. Выехали также и другие герои и возницы уладов, в том числе Брикрен, сын Карбада [2].

Тогда птицы, улетая от них, устремились в сторону горы Фуат и равнины Муртемне,

к Эдман, к равнине Брега[3]. Прекрасна была стая, улетевшая от уладов. Во главе ее, как вожак, неслась большая птица, величайшая, прекраснейшая в мире. Девятью двадцать было число всех птиц: они разделялись на пары, каждая из которых была соединена цепочкой из светлого золота. Двадцать же птиц, прекрасной раскраски, летели впереди других при каждой переправе, и каждая пара их была соединена цепочкой из красного золота.

Затем птицы исчезли из глаз уладов, и никто не знал, куда они девались, — кроме трех птиц, которые полетели на юг. Улады устремились вслед за ними, но тут настигла их ночь, так что и эти три птицы скрылись от них.

— Распряжем наших коней и поставим вместе колесницы, — сказал Конхобар. — Пусть кто-нибудь пойдет на разведку, поискать, не найдется ли какого-нибудь жилья или пристанища для нас на эту ночь.

Пошли Конал Победоносный[4] и Брикрен на разведку. Недолго пришлось им бродить: вскоре заметили они одиноко стоящий дом не очень большой, с виду недавно построенный и крытый белыми птичьими перьями. Он был внутри вовсе не отделан и ничем не убран; не было в нем даже лежанок и одеял. Только задний угол был приспособлен под кухню. Не было видно в доме никаких ценных вещей и даже ничего съестного. Двое хозяев, муж и жена, сидевшие в доме, ласково приветствовали вошедших.

Конал Победоносный и Брикрен вернулись к Конхобару и другим уладам и рассказали им все, что видели и разузнали.

— Какая польза нам итти в этот дом? Нет там ничего путного, даже пищи никакой. Да и мал он, чтобы приютить нас всех.

Все же улады решили направиться в этот дом. Они вошли в него все, сколько их было, поместились в нем со всеми своими конями и колесницами, — и оказалось, что все это заняло очень мало места в доме. И они нашли там вдоволь пищи и одеял, всякого удобства и приятности; никогда еще не случалось им лучше проводить ночь.

После того как они с удобством там расположились, они увидели в дверях мужа, с виду юного, необычайно высокого роста, с прекраснейшим в мире лицом. Он сказал им:

— Если вы считаете, что уже пришло время для ужина, то он будет вам сейчас подан. Ибо то, что вы ели раньше, было только закуской.

— Время как раз подходящее, — ответил Брикрен.

И тогда им были поданы всякие кушанья и напитки, по вкусу и желанию каждого, после чего они, насытившись, захмелели и развеселились.

Тогда им тот же муж сказал:

— Моя жена лежит сейчас в соседней комнате и мучится, рожая. Хорошо было бы, если бы эта девушка с белой грудью, что с вами, пошла помочь ей.

— Пусть идет, — сказал Конхобар.

Дехтире вошла в комнату, где рожала женщина. Вскоре та произвела на свет мальчика. В это же самое время добрая кобыла, что была

при доме, родила двух жеребят, и юный муж подарил младенцу этих жеребят на зубок.

Когда улады поутру проснулись, не было больше ни дома, ни хозяев, ни птиц, а одна лишь пустая равнина вокруг них. И они вернулись в великую Эмайн-Маху, захватив с собой новорожденного мальчика, кобылу и двух жеребят, которые остались подле них. Мальчик воспитывался при Дехтире, пока не подрос и не стал юношей. Тогда напала на него болезнь, и он от нее умер. Сильно оплакивали его все в Эмайн-Махе.

Больше всех печалилась Дехтире о смерти своего приемного сына. Три дня она ничего не ела и не пила. Затем ее охватила, после такой тяжкой скорби, сильнейшая жажда. Подали ей чашку с питьем. Когда она поднесла ее к губам, ей показалось, что какой-то крошечный зверек хочет прыгнуть ей в рот из чашки. Она дунула, чтобы отогнать его. Посмотрели все: никакого зверька не было больше видно. Снова подали ей чашку, чтобы она глотнула. И в то время, как она пила, зверек проскользнул ей в рот и пробрался внутрь ее.

Тотчас же она впала в сон, длившийся до следующего дня. Во сне ей предстал некий муж и возвестил, что ныне она зачала от него.

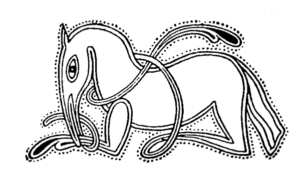
— Это я создал птиц, — сказал он ей. — Я побудил вас гнаться за птицами до того места, где я создал дом, приютивший вас. Я создал и женщину, мучившуюся родами; я же принял облик мальчика, который там родился, и меня

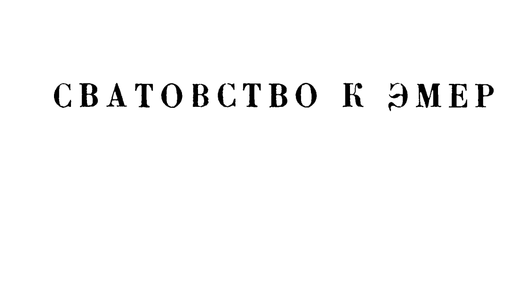
воспитывала ты; это меня оплакивали в Эмайн-Махе, когда мальчик умер. Но теперь я снова вернулся, проникнув в твое тело в виде маленького зверька, который был в питье. Я — Луг Длинной Руки, сын Этлена, и от меня родится сын, ныне заключенный в тебе. Сетанта будет имя его.

После этого Дехтире забеременела. Пошли от этого меж уладов споры и ссоры, ибо никто не мог понять, от кого зачала она. Говорили даже, что виновник этого — сам Конхобар; ибо она часто спала возле него, так как он был к ней очень привязан.

После этого к Дехтире посватался Суалтам, сын Ройга. И Конхобар отдал ему сестру в жены. Но она очень стыдилась взойти на его ложе, будучи уже беременной. Она подошла к столбу, оперлась на него плечом и стала бить себя по спине и бедрам, пока — как ей показалось — не освободилась от плода. И сразу же она обрела вновь свою девственность.

После этого она взошла на ложе Суалтама и родила ему сына. Величиной с трехлетнего ребенка был младенец. Приемным отцом его стал Кулан-кузнец. *Сетантой* назвали мальчика, и имя это он носил до тех пор, пока не убил пса Кулана и не отслужил ему за это: с той поры стали звать его *Кухулином*[5].

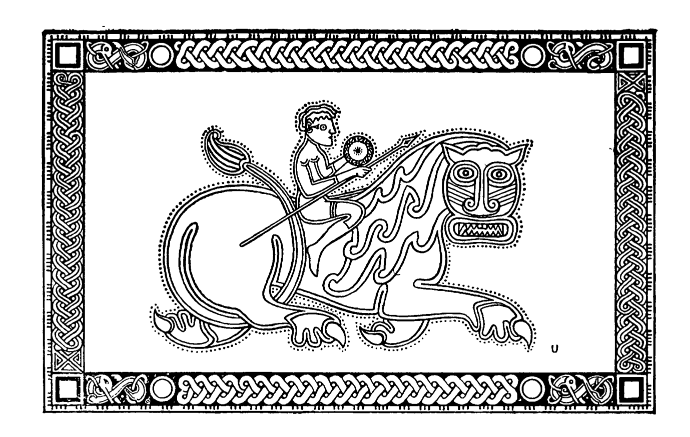

СВАТОВСТВО К ЭМЕР

Сага эта служит ключом к пониманию многих других событий из жизни Кухулина (например, *Боя Кухулина с Фердиадом*). Тема ее гораздо шире заглавия. На ряду с самим сватовством она повествует о первых подвигах юного Кухулина. Обычно в сказаниях такого типа о сватовстве отец девушки, враждебный к жениху, ставит условием выполнение ряда опасных поручений, в которых тот должен погибнуть. Рассказчик использовал этот момент, чтобы дать картину «воинского обучения» Кухулина. Характерна роль обучающих его воительниц — палениц, в образе которых можно видеть след древнего матриархата.

До нас эта сага дошла в двух редакциях. Древнейшая из них, к сожалению, сильно испорчена, и кроме того утрачено ее начало; поэтому мы вынуждены были избрать для перевода другую, позднейшую, сложившуюся уже после появления скандинавов в Ирландии (в IX — X веке). Стиль ее, пространный и неровный, местами уже сбивается на сказочный. Многие мотивы ее, как, например, львообразный зверь, в котором можно узнать мотив «помогающего герою зверя», также скорее сказочного, чем чисто эпического характера.

Текст обеих редакций издан K. Meyer'ом, по одному списку — в «Archaeological Review», т. I (1888), по другому — в «Zeitschr. für Celt. Philologie», т. III (1901), стр. 229. Мы позволили себе сделать в нашем переводе незначительные сокращения (см. прим. 10 к тексту).

ЖИЛ некогда великий и славный король в Эмайн-Махе, Конхобар, сын Фахтны Фатаха [1]. Блага и богатство были в изобилии у уладов, пока правил он. Мир был тогда, спокойствие, и всем людям — добрый привет. Было вдоволь плодов и всякого урожая, а также и жатвы морской. Были довольство, справедливость и доброе владычество над людьми Ирландии в течение всего этого времени. В королевском доме в Эмайн были благолепие, пышность и всякое обилие.

Вот как был устроен дом этот, Красная Ветвь [2] Конхобара, — совсем наподобие Медового Покоя в Темре [3]. Девять лож было от очага до стены. В тридцать пядей высоты были стены этого дома. Резьба по красному тису украшала их. Снизу был деревянный пол, сверху — черепичная крыша. В передней части покоя было ложе Конхобара, с серебряным основанием и

бронзовыми столбами. Верхушки столбов сверкали золотом и были усыпаны самоцветными камнями, так что и днем и ночью было одинаково светло вокруг ложа. Сверху же над королем, со стропил крыши, спускалась серебряная доска, издававшая звон. Когда Конхобар ударял в нее своим королевским жезлом, все улады замолкали. Двенадцать отделений для двенадцати повелителей колесниц были расположены вокруг ложа короля.

Поистине, все доблестные воины из числа мужей Улада находили себе место в королевском доме во время попоек, и все же не было при этом никакой тесноты. Блестящи, статны, прекрасны были доблестные воины, люди Улада, собиравшиеся в этом доме. В нем происходило много великих собраний всякого рода и дивных увеселений. Были там игры, музыка и пение, герои показывали подвиги ловкости, поэты пели песни свои, арфисты и музыканты играли на своих инструментах.

Однажды собрались мужи Ирландии в доме Конхобара, в Эмайн-Махе, чтобы распить *иарнгуал*[4]. По сто раз наполнялись чаши в такие вечера. Такова была попойка вокруг *иарнгуала*, что все мужи Улада сразу находили свое полное удовлетворение. Повелители колесниц уладские показывали подвиги своей ловкости при помощи веревок, протянутых от одной двери этого дома к другой. Девятью двадцати да еще пятнадцати пядей были размеры дома. Три приема ловкости совершали повелители колесниц: прием с копьем, прием с яблоком и прием с острием меча. Вот имена вождей колесниц, совершавших

все это: Конал Победоносный, сын Амаргена; Фергус Храбрейший, сын Ройга; Лойгайре Сокрушитель, сын Коннада; Кельтхайр, сын Утехайра; Дубтах, сын Лугайда; Кухулин, сын Суалтама; Скел, сын Барнене, страж Эмайн-Махи [5].

Всех превосходил Кухулин в подвигах быстротою и ловкостью. Женщины Улада сильно любили Кухулина за ловкость в подвигах, за проворство в прыжках, за превосходство ума его, за сладость речи, за красоту лица, за прелесть взора его. Семь зрачков было в королевских глазах его, четыре в одном глазу и три в другом. По семи пальцев было на каждой руке его, по семи на каждой ноге. Многими дарами обладал он: прежде всего — даром мудрости (пока не овладевал им боевой пыл), далее — даром подвигов, даром игры в разные игры на доске, даром счета, даром пророчества, даром проницательности. Три недостатка было у Кухулина: то, что он был слишком молод, то, что он был слишком смел, и то, что он был слишком прекрасен.

Стали думать мужи Ирландии, как им быть с Кухулином, которого так чрезмерно любили их жены и дочери. Ибо Кухулин не был еще в это время женат. И было общее решение: сыскать девушку, которую Кухулин согласился бы избрать себе в невесты. Ибо они были уверены, что человек, у которого будет жена для любви и ухода за ним, станет меньше соблазнять их дочерей и вызывать любовь в их женах. А кроме того их смущало и страшило, как бы Кухулин не погиб в юности. Потому и хотели они дать ему жену, чтобы он оставил после

себя наследника; ибо они знали, что возродиться вновь он мог только чрез самого себя[6].

Итак, Конхобар послал девять мужей по всем областям Ирландии искать жену для Кухулина: не найдут ли они в каком замке или селении Ирландии дочери короля, князя или какого владельца, к которой захотел бы Кухулин посвататься. Но все посланцы вернулись ровно через год, в тот же самый день, объявив, что не нашли девушки, которую Кухулин захотел бы выбрать себе в невесты. Тогда Кухулин сам отправился свататься к девушке, которая, знал он, обитала в Садах Луга — к Эмер, дочери Форгала Хитрого. Взошел Кухулин вместе с Лойгом, сыном Риангабара, на колесницу. Это была та колесница, за которой стая коней других колесниц Улада не могла поспеть, по причине быстроты и стремительности самой колесницы и героя, сидевшего в ней.

Кухулин застал девушку на лужайке для игр, окруженную ее молочными сестрами, дочерьми владельцев земель, расположенных вокруг замка Форгала[7]. Все они учились у Эмер шитью и тонкой ручной работе. Из всех девушек Ирландии была она единственной достойной того, чтоб Кухулин к ней посватался. Ибо она обладала шестью дарами: даром красоты, даром пения, даром сладкой речи, даром шитья, даром мудрости, даром чистоты. Кухулин сказал, что не возьмет за себя девушку иную, нежели равную ему по возрасту, по облику, по происхождению, по уму и по ловкости, и чтобы была она при этом лучшей мастерицей в шитье из всех девушек Ирландии, ибо никакая другая не годится

ему в жены. И так как Эмер была единственной девушкой, удовлетворявшей этим условиям, то Кухулин и избрал ее из всех, чтобы посвататься к ней.

В праздничном наряде явился Кухулин в этот день к Эмер для беседы с ней, чтобы показаться ей во всей своей красе. Заслышали девушки, сидевшие на скамье перед замком, приближающийся к ним стук конских копыт, шум колесницы, треск ремней, скрип колес, гром героя, звон его оружия.

— Пусть взглянет одна из вас, — сказала Эмер, — что это приближается к нам.

— Поистине, — сказала Фиал, дочь Форгала, — вижу я двух коней, равных между собой величиной, красотой, яростью, быстротой, скачущих бок-о-бок. Пламя и мощь в них. Прядут ушами они. Длинна и курчава грива их, длинны и хвосты. Справа от дышла — серый конь, широкобедрый, ярый, быстрый, дикий; с громом несется он мелкими скачками, подняв голову, расширив грудь свою. Твердая, прочная почва под его четырьмя тяжкими копытами кажется объятой пламенем. Стая быстрых птиц несется за ним, и, когда мчит он бег свой по дороге, брызги пены сыплются вокруг, и вспышки алого пламени сверкают и разносятся из его взнузданной пасти. Другой конь — как смоль черный; голова его прекрасно сложена. Тонки ноги его с широкими подковами. Длинны и курчавы грива его и хвост. Множество тяжелых прядей волос свисает с его широкого лба. Резвый и пламенный, дико стремится он вперед, крепко ударяя о землю копытами. Прекрасный, мчится он, победитель

земных коней. Он скачет по мягкой сухой траве, по долине, где нет препоны бегу его. Еще вижу я колесницу из лучшего дерева, из витых ивовых прутьев, катящуюся на колесах из белой бронзы. Высоки борты ее из звонкой меди, закругленные, прочные. Крепка кривая дуга, вся из золота. Две прочных плетеных желтых вожжи. Столбы на колеснице — крепки, прямы как лезвия мечей. На колеснице вижу я темного, хмурого человечка [8], самого красивого из всех мужей Ирландии. На нем прекрасная алая рубашка с пятью складками, скрепленная у ворота, на белой груди его, пряжкой с накладным золотом; грудь его, вздымаясь, бьется полными ударами о пряжку. Сверху — плащ, белый с вплетенными нитями, красными и огненно-золотыми. Семь драконовых камней в глубине глаз его. Две голубо-белые, как кровь красные щеки, надуваясь, мечут искры и языки пламени. Луч любви горит во взоре его. Словно жемчужная волна — во рту его. Черны, как уголь, брови его. На бедре его — меч с золотой рукояткой. К медному борту колесницы прикреплено красное, как кровь, копье с острым, ярым наконечником на деревянном, хорошо слаженном древке. На плечах его алый щит с серебряным бортом, украшенный золотыми изображениями животных. Он делает геройский прыжок лосося в воздухе и много других, столь же ловких приемов. Таков вождь колесницы этой. Впереди него на колеснице сидит возница [9], стройный, высокий, с множеством веснушек на лице. У него курчавые, ярко-рыжие волосы, которые сдерживает бронзовая сетка, мешающая волосам

падать на лицо. С двух сторон головы его — выпуклые золотые бляхи. Плащ на плечах его — с разрезами на локтях, а в руках его — жезл из красного золота, которым он направляет коней.

Вскоре Кухулин примчался к месту, где сидели девушки. Он приветствовал их. Эмер подняла свое милое лицо, узнала Кухулина и сказала ему:

— Пусть бог устелет мягкую дорогу перед тобой!

— А вам, — отвечал он, — я желаю быть невредимой от всякого зла.

— Откуда прибыл ты? — спросила она[10].

— Из Интиде Эмна.

— Где ночевал ты?

— Мы ночевали, — был ответ, — в доме человека, пасущего стада на равнине Тетраха.

— Чем питались вы там? — спросила она.

— Нам сварили обломки колесницы, — отвечал он.

— Какой дорогой приехал ты?

— Мы проехали между двух лесистых гор.

— А дальше как?

— Не трудно ответить, — сказал он. — От покрова моря по великой тайне племени Данан и по пене двух коней Эмайн; через сад Морриган, по хребту великой свиньи; по долине великой лани, между богом и пророком; по спинному мозгу жены Федельма, между кабаном и кабанихой; по берегу коней Деа, между королем Анада и его слугой, до Монкуйле, что у четырех углов света; по великому преступлению и остаткам великого пира; между большим и малым котлом до садов Луга и, наконец,

до дочерей племянника Тетраха, короля фоморов. А теперь, девушка, что скажешь ты о себе?

— Поистине, не трудно ответить, — сказала девушка. — Я — Темра женщин, самая белая из девушек, пример чистоты, нерушимый запрет, незримый страж. Скромная женщина подобна червю, подобна тростинке, к которой никто не смеет приблизиться. Королевская дочь, это — пламя гостеприимства, запретный путь. Есть бойцы, ходящие следом за мной и стерегущие, как бы кто-нибудь не увидел меня без согласия их, без ведома их и Форгала.

— Кто ж бойцы эти, ходящие следом за тобой, девушка? — спросил Кухулин.

— Поистине, не трудно сказать, — сказала девушка. — Двое по имени Луи, двое — Луат; Луат и Лат Гойбле, сыны Тетраха; Триат и Трескат; Брион и Болор; Бас, сын Омнаха; восемь по имени Кондла; и еще Конд, сын Форгала[11]. Каждый из них обладает силой ста воинов и подвигами девяти героев. Но трудно описать мощь самого Форгала. Он сильнее любого работника, ученее друида, мыслью тоньше певца. Бо̀льшим делом, чем ваши игры, было б сразиться с Форгалом. Много ходит рассказов о его мощи и доблестных подвигах.

— Почему б тебе, девушка, не включить и меня в число этих сильных людей? — спросил Кухулин.

— Если идет молва о твоих подвигах, у меня нет причины не включить тебя в их число.

— Поистине, клянусь тебе, девушка, — сказал Кухулин, — я совершу такие подвиги, что о них пройдет молва, как о славнейших подвигах других героев.

— Какова же сила твоя? — спросила Эмер.

— На это мне легко ответить, — сказал он. — Когда моя сила в бою бывает слабее всего, я могу биться с двадцатью. Одной трети моей силы хватило бы на тридцать мужей. Один я могу биться против сорока. Из страха предо мной воины бегут от брода и с поля сражения. Войска, полчища, толпы воинов бегут в ужасе пред лицом моим.

— Все это — славная драка для нежного мальчика, — отвечала девушка. — Но ты еще не достиг силы повелителя колесницы.

— Поистине, девушка, — сказал он, — хорошо я был воспитан моим милым приемным отцом Конхобаром. — Не как скряга, ждущий прибыли от детей, меж плитой и квашней, меж очагом и стеной, не у притолки кладовой воспитал меня Конхобар, но среди повелителей колесниц и бойцов, среди музыкантов и друидов, среди певцов и ученых людей, средь хозяев и властителей земель Улада был я вскормлен, так что усвоил я обычаи и способности всех этих людей.

— Кто же были обучившие тебя всем делам, которыми хвастаешь ты? — спросила Эмер.

— Поистине, легко ответить на это. Прекрасноречивый Сенха[12] обучил меня так, что я стал сильным, мудрым, проворным, ловким. Разумен я в суждении, и память у меня хорошая. Пред лицом мудрецов многим я могу ответить; я разбираюсь в словах мудрости. Я направляю умы людей Улада, и, благодаря обученью у Сенхи, тверды все решенья мои. Блаи[13], властитель земель, — ибо он из коро-

левского рода, — взял меня в дом свой, и я многое усвоил у него. Я призываю людей королевства Конхобара к королю их. Я веду беседу с ними целую неделю, определяю их способности и раздаю им добро; я помогаю им в делах чести и назначаю выкупы чести. Фергус[14] воспитал меня так, что я сокрушаю могучих воинов силою моего мужества. Горд я в мощи и доблести моей и способен охранить рубежи страны от внешних врагов. Я — защита каждого бедняка, я — боевой вал всякого крепкого бойца. Я даю удовлетворение обиженному и караю проступки сильного. Все это приобрел я чрез воспитание у Фергуса. У колен певца Амаргена[15] проводил я дни мои. Потому способен я прославить короля, восхвалив величие его. Потому могу я состязаться с любым в мужестве, доблести, мудрости, блеске, разуме, справедливости, смелости. Я могу поспорить с любым повелителем колесницы. Благодарность мою воздаю я лишь одному Конхобару, Победителю-в-Битвах. Финдхойм вскормил меня, и Конал Победоносный — молочный брат мой. Ради Дехтире, матери моей, Катбад Миловидный обучал меня так, что я стал искусен в служеньи друидическом и учен в науках превосходных. Все люди Улада приняли участие в воспитании моем, как возницы, так и повелители колесниц, как короли, так и певцы верховные; я — любимец войск и собраний, и сражаюсь равно за честь всех. Славу и честь передали мне Луг, сын Конда, сына Этлена, и Дехтире в доме Бругском[16]. А теперь, девушка, — добавил Кухулин, — расскажи, как ты воспиталась в Садах Луга?

— Не трудно сказать тебе, поистине, — отвечала девушка. — Я воспиталась в древних добродетелях, в законном поведении, в соблюдении чистоты, в достоинстве королевском, во всяком благонравии, так что признано за мною всякое достоинство и благонравие среди стаи женщин Ирландии.

— Прекрасны добродетели эти, — сказал Кухулин. — Раз так, то почему бы не соединиться нам? Ибо до сей поры я не мог сыскать девушки, способной стать вровень со мной.

— Один вопрос я задам тебе, — сказала девушка. — Не было ли у тебя уже жены до этого?

— Не было, — отвечал Кухулин.

Тогда девушка сказала:

— Не могу я выйти замуж раньше, чем выйдет замуж моя сестра, которая старше меня, — Фиал, дочь Форгала, которую ты видишь здесь вместе со мною. Она в превосходстве владеет мастерством в ручной работе.

— Поистине, не ее полюбил я, — сказал Кухулин. — А кроме того, никогда бы я не согласился взять в жены ту, которая знала мужа до меня; а я слышал, что эта девушка была некогда возлюбленной Кайрпре Ниафера.

В то время как они беседовали таким образом, Кухулин увидел грудь девушки, выступавшую под вырезом ее рубашки. И он сказал:

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры.

Девушка же ответила такими словами:

— Нет доступа к этой равнине тому, кто не убьет ста воинов у брода, что между Бродом Скенмен при Ольбине и Банхуйнг Аркайтом, где быстрый Бреа рассекает бровь Фёдельма[17].

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры, — сказал снова Кухулин.

— Нет доступа к этой равнине, — отвечала она, — тому, кто не совершит подвига убиения трижды девяти мужей одним ударом, и притом так, чтобы оставить в живых по одному мужу в середине каждой девятки.

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры, — сказал еще раз Кухулин.

— Нет доступа к этой равнине, — отвечала она, — тому, кто не бьется на поединке с Бенд Суайном, сыном Роскмелька[18], с конца лета до начала весны, с начала весны до майских дней и с конца майских дней снова до начала зимы.

— Так, как ты сказала, — молвил Кухулин, — и будет сделано мною.

— В таком случае я принимаю твое предложение, соглашаюсь на него и выполню его, — сказала Эмер. — Но еще один вопрос: из какого рода ты?

— Я — племянник мужа, что̀ исчезает в лесу Бодб, — отвечал он.

— А как имя твое? — спросила она.

— Я — герой чумы, поражающей псов, — сказал Кухулин[19].

После этих значительных слов Кухулин удалился, и в тот день они больше не беседовали.

Когда Кухулин ехал обратно через Брег, Лойг, его возница, спросил его:

— Скажи мне теперь, что разумел ты под словами, которыми обменялся с Эмер?

— Разве не знаешь ты, — отвечал Кухулин, — что я сватаюсь к Эмер? По этой причине и говорили мы иносказаниями, чтобы другие девушки

не поняли, что я сватаюсь. Ибо, если бы Форгал узнал об этом деле, мы не получили бы его согласия.

И Кухулин повторил своему вознице всю беседу от начала до конца, поясняя каждое слово, чтобы заполнить досуг в дороге. Так продолжал он прямо свой путь и к ночи прибыл в Эмайн-Маху.

Тем временем дочери владельцев земель, соседей Форгала, рассказали своим отцам о юноше, который приезжал на великолепной колеснице, и о беседе, которую он вел с Эмер. Они прибавили, что не поняли речей их и что юноша затем уехал прямо на север по Брегской равнине. А владельцы земель рассказали обо всем этом Форгалу Хитрому.

— Поистине, — сказал Форгал Хитрый, — это бешеный из Эмайн-Махи приезжал сюда беседовать с Эмер, и девушка влюбилась в него; вот о чем была беседа между ними. Но это им ни к чему не послужит: я воспрепятствую им.

После этого Форгал Хитрый отправился в Эмайн-Маху, нарядившись чужеземцем, под видом посольства от короля галлов к Конхобару, с предложением ему золотых изделий, галльского вина и многих ценных вещей в придачу. Послов этих числом было трое. Пышный прием был оказан им. Когда на третий день Форгал, отослав своих людей, остался один, улады стали восхвалять перед ним Кухулина, Конала и других повелителей колесниц в Уладе. Форгал же сказал, что все это правда и что удивительные вещи совершили перед ним повелители колесниц уладские, но что если бы Кухулин побывал у Домнала

Воинственного в Альбе[20], он проявил бы еще более удивительное боевое искусство, а если бы побывал он еще у Скатах, чтобы обучиться у нее боевым подвигам, то он стал бы самым великим воином во всей Европе.

Он предлагал это Кухулину для того, чтобы тот не вернулся обратно живым. Ибо он считал, что если Кухулин слюбится с его дочерью, то сам он, Форгал, может погибнуть от дикости и ярости его. Кухулин согласился отправиться в это предприятие, и Форгал обязался доставить ему все, что ему понадобится для похода, если он выступит в течение условленного времени. После этого Форгал вернулся к себе, а Кухулин со своими спутниками встали рано поутру и снарядились в поход.

Двинулись в путь Кухулин, Лойгайре Сокрушитель и Конхобар; другие же говорят, что был с ними еще Конал Победоносный. Но Кухулин прежде всего проехал через Брегскую равнину, чтобы повидаться еще раз с девушкой. Он еще раз побеседовал с Эмер, прежде чем сесть на корабль, и девушка рассказала Кухулину, что это переодетый Форгал побывал в Эмайн и посоветовал ему отправиться обучаться воинским подвигам, с тем чтобы никогда им обоим больше не встретиться. Она предупредила его, чтобы он все время был настороже, ибо Форгал ищет его гибели. Каждый из них обещал другому хранить верность до встречи, разве что один из них умрет за это время. Они простились, и Кухулин со своими спутниками отправился в Альбу.

Когда они явились к Домналу, тот прежде всего стал учить их, как надувать кожаные мехи,

лежа под плоским камнем с маленькой дырочкой. Им приходилось трудиться над этим до того, что пятки их начинали чернеть или синеть. Затем он научил их другой вещи: взлезать по копью, воткнутому в землю, до самого его верха и стоять там одной ногой на острие. Это называлось *изгиб героя на острие копья* или *стоянка героя на макушке копья.*

Случилось, что дочь Домнала, Дорнолла, полюбила Кухулина. Была она очень уродлива: колени ее были широки, пятки вывернуты вперед, а ступни обращены назад, темно-серые глаза огромны, лицо черно, как чашка смолы, лоб страшно широк, жесткие ярко-красные волосы завязаны косами вокруг головы. Кухулин отверг ее любовь, и она поклялась отомстить ему.

Домнал сказал Кухулину, что его обученье не будет закончено, если он не побывает у Скатах, живущей на востоке Альбы. Все трое, Кухулин, Конхобар, король Улада, и Лойгайре Сокрушитель, двинулись в путь через Альбу. Но тут взору их представилась Эмайн-Маха, и Конхобар и Лойгайре почувствовали, что не в силах итти дальше. Дочь Домнала наслала на них видение, чтобы отнять у Кухулина товарищей, на погибель ему. По другим же рассказам, видение это наслал на них Форгал Хитрый, чтобы побудить их всех вернуться назад и чтобы Кухулин таким образом не выполнил обещания, данного ему в Эмайн, и тем обесславил себя; в случае же, если Кухулин все же проявит великое мужество и двинется дальше один, на восток, чтобы изучить боевые приемы, ведомые и неведомые, — тогда легче сможет он погибнуть, оставшись один.

И вот Кухулин решил расстаться с товарищами и пошел один по неведомой дороге. Велика была сила девушки, творившей зло против него и разлучившей его со спутниками.

Печален и мрачен был Кухулин, когда шел он один по Альбе, потеряв товарищей. К тому же он не знал, куда направить свой путь, чтобы разыскать Скатах. Но, расставаясь с товарищами, он дал обет, что не вернется в Эмайн-Маху без удачи и либо найдет Скатах, либо умрет. Растерянный и беспомощный, затосковал он. И, будучи в таком положении, он внезапно увидел огромного, страшного зверя в роде льва, приближавшегося к нему. Зверь зорко следил за ним, не причиняя ему вреда. Затем зверь пошел вперед, оглядываясь, идет ли за ним Кухулин. Тот сначала шел за ним, а потом вскочил ему на спину. Он не направлял зверя, но позволил ему нести себя, куда он захочет. Таким способом странствовали они четыре дня, пока не добрались до крайних пределов обитаемых мест. Там, на острове, жили юные воины, плававшие на небольшом озере. Они стали смеяться, увидев такую необычайную вещь, что дикий зверь служит человеку. Кухулин спрыгнул со зверя, и тот удалился, после того как Кухулин простился с ним.

Пройдя немного далее, Кухулин достиг большого дома, расположенного в глубокой ложбине. Внутри дома была девушка, прекрасная обликом; она приветствовала его:

— Добро пожаловать, Кухулин!

Он спросил ее, откуда она знает его. Она отвечала, что оба они были любимыми учениками Ульбекана Сакса.

— В то время, когда я была там, и ты обучался у него сладкому пению, — сказала она [21].

Она предложила ему пищу и питье, и он, насытившись, пошел дальше. Ему повстречался юный воин, который также приветливо поздоровался с ним. Кухулин завел с ним беседу и спросил, как пройти к замку Скатах. Юноша указал ему дорогу; надо было перебраться через Равнину Несчастья, лежавшую перед ним. В первой половине ее ноги шагающих плотно приставали к земле, а во второй половине росла высокая, твердая трава, и кончики травинок, не сгибаясь, поддерживали ступни идущих. Юноша дал Кухулину колесо и яблоко: в первой половине равнины он должен был следовать за катящимся колесом, во второй — за яблоком. Таким образом он должен был добраться до конца равнины.

Еще юноша предупредил его, что дальше он попадет на большую равнину с узкой тропою, полною чудовищ, которых наслал Форгал, чтобы погубить его, и что вслед за этим путь к дому Скатах лежит по горному кряжу устрашающей высоты. Затем Кухулин и юноша, имя которого было Эоху Байрхе [22], простились.

Следуя указаниям юноши, Кухулин прошел Равнину Несчастья и Опасную Долину. Таков был путь, каким дошел он до места, где были в сборе ученики Скатах. Он спросил их, где находится она сама.

— На том острове, — отвечали ему.

— Каким путем можно попасть туда? — спросил он.

— По мосту Срыва, — был ответ, — одолеть который может лишь совершивший деяния великой доблести.

Вот как был устроен этот мост. Оба конца его опускались книзу, середина же высоко вздымалась; когда кто-нибудь ступал на один конец, другой конец поднимался вверх, и идущий отбрасывался назад [23]. Трижды пытался Кухулин перейти мост и не мог этого сделать. Все стали смеяться над ним. Тогда он от ярости чудесно исказился [24], сделал *геройский прыжок лосося* и оказался на середине моста; когда он попал на нее, передний конец еще не успел вполне подняться, чтобы отбросить его, и Кухулин перебрался на остров.

Он дошел до замка и стукнул в дверь древком копья так, что оно пробило ее насквозь. Сообщили об этом Скатах.

— Поистине, — сказала она, — это некто, совершивший уже раньше славные подвиги.

И она выслала свою дочь Уатах [25] посмотреть, что это за юноша. Та вышла, чтобы побеседовать с Кухулином, но не могла вымолвить ни слова, — так восхитила ее красота юного воина. Она вернулась к матери и стала восхвалять ей достоинства пришельца.

— Полюбился тебе человек этот? — спросила ее мать.

— Да. В эту ночь он разделит мое ложе и будет спать рядом со мной.

— Не возражаю против твоего желания, — отвечала ей мать.

Уатах подала Кухулину воды, чтобы умыться, затем принесла ему пищу и вообще оказала наи-

лучший прием, прислуживая ему. Кухулин ударил ее и сломал ей палец. Уатах испустила крик. Все обитатели замка сбежались, чтоб защитить ее. Кохор Круфе, могучий воин на службе Скатах, выступил против Кухулина. Они сразились, и Кохор Круфе пал от руки Кухулина. Очень опечалила Скатах его смерть. Тогда Кухулин обещал отслужить ей вместо могучего воина, которого она потеряла.

На третий день пребывания там Кухулина Уатах дала ему совет:

— Раз ты пришел сюда, чтобы обучиться боевому искусству, вот что ты должен сделать. Пойди и разыщи Скатах в том месте, где она сейчас находится, занятая обучением двух своих сыновей, Куара и Кета. Геройским *прыжком лосося* перенесись в тисовую рощу, где она находится. Сейчас она спит. Приставь меч к ее груди и потребуй от нее исполнения трех дел. Первое — пусть она обучит тебя боевому искусству полностью, ничего не утаив. Второе — пусть она даст тебе меня в жены, и ты поднесешь мне свадебный дар, как полагается. Третье — пусть она предскажет тебе все, что случится с тобою в жизни, ибо она знает будущее.

Все произошло так, как сказала Уатах.

В то время как Кухулин жил на Альбе у Скатах, будучи мужем Уатах, вот что произошло в Ирландии. Один славный воин из Мумана, король Лугайд Нойс, сын Аламака[26], молочный брат Кухулина, явился с запада в Темру вместе с двенадцатью повелителями колесниц, чтобы посвататься к двенадцати девушкам из

племени Мак-Росс. Но все эти девушки были уже раньше просватаны за других. Когда Форгал Хитрый услыхал об этом, он поспешил в Темру и сообщил Лугайду, что в его доме есть девушка, дочь его, превосходящая всех девушек Ирландии как красотой своей, так и чистотой и мастерством в рукодельи. Лугайд сказал, что она подошла бы ему. Форгал немедленно просватал дочь свою за короля, а за двенадцать князей, пришедших с Лугайдом, он просватал двенадцать дочерей владетелей земель в Бреге.

Король отправился вместе с Форгалом в его замок для совершения свадьбы. Когда привели к Лугайду Эмер и посадили рядом с ним, она закрыла свое лицо обеими руками и, призвав во свидетели честь и жизнь свою, объявила, что она полюбила Кухулина, что Форгал восстал против их любви и что если кто-нибудь другой возьмет ее теперь в жены, то это будет ущербом для ее чести. После этого, из страха перед Кухулином, Лугайд не решился взять Эмер и ни с чем вернулся обратно.

В то время Скатах вела войну с другими племенами, над которыми властвовала королева по имени Айфе [27]. Войска обеих сторон снарядились в бой. Но Скатах удержала Кухулина в доме. Она дала ему сонный напиток, чтобы помешать ему выйти на бой, ибо она боялась, как бы с ним не приключилась беда. Но не прошло и часа, как Кухулин внезапно пробудился от сна. Силы напитка, который всякого другого удержал бы во сне целые сутки, для него хватило лишь на один час. Он выступил вместе с двумя сыновьями Скатах против трех сыновей Айфе.

Но случилось так, что ему привелось сразиться с ними одному, и все трое пали от его руки.

На следующее утро битва возобновилась. Оба войска ринулись друг на друга, пока ряды их не сомкнулись вплотную. Три сына Эйс Энхен [28], Кире, Бире и Байлькне, выступили против двух сыновей Скатах. Они шли тропою подвигов. Скатах испустила стон, ибо она не знала, чем кончится это дело. Первой заботой ее было то, что у ее сыновей не было третьего соратника, чтобы сразиться с тремя врагами, второю — страх перед Айфе, которая была самым грозным в мире бойцом. Но Кухулин подоспел на подмогу ее сыновьям; он выступил на тропу, встретил один врагов, и все трое пали от его руки.

Тогда Айфе вызвала на бой Скатах, но вместо той вызвался с нею биться Кухулин. Перед боем он спросил Скатах, что̀ любит Айфе больше всего на свете. Та сказала ему:

— Больше всего на свете Айфе любит своих двух коней, колесницу и возницу.

Кухулин и Айфе вступили на тропу подвигов, и начался их поединок. Айфе раздробила оружие Кухулина, и его меч сломался у самой рукоятки. Тогда он воскликнул:

— Увы! Возница Айфе с обоими конями и колесницей опрокинулись в долине, и все они погибли!

На этот возглас Айфе обернулась. Кухулин тотчас же набросился на нее, схватил за бока под обеими грудями, закинул ее себе на спину, словно мешок, и отнес так к своему войску. Там он бросил ее на землю и занес над ней обнаженный меч.

— Жизнь за жизнь, о Кухулин! — вскричала Айфе.

— Обещай исполнить три моих требования! — сказал он.

— Назови их, и они будут исполнены, — отвечала она.

— Вот три моих требования, — сказал Кухулин. — Ты должна дать Скатах заложников и никогда больше с ней не воевать, ты должна стать моей женой в эту же ночь перед твоим замком, и, наконец, ты должна родить мне сына.

— Обещаю тебе все это! — сказала Айфе.

Все так и произошло. Айфе сказала Кухулину, что зачала от него и родит ему сына.

— Через семь лет, ровно в этот день, я пошлю его в Ирландию, — сказала она. — Ты же скажи, каким именем назвать его.

Кухулин оставил ей для сына золотое кольцо и сказал, чтобы она послала его разыскивать отца в Ирландию тогда, когда это кольцо окажется ему впору на палец. Он велел назвать его Кондлой и передать ему три зарока: никому не должен он говорить о своем происхождении, никому не уступать дорогу и ни с кем не отказываться от боя [29]. После этого Кухулин направился к дому Скатах.

По дороге, которою он шел обратно, ему повстречалась старуха, кривая на левый глаз [30]. Она попросила его посторониться и не заступать ей дорогу. Он ответил, что ему некуда поставить ногу, разве что на скалу, свисавшую над морем. Он все же уступил ей дорогу, причем ему пришлось опираться на землю лишь пальцами ног. Когда старуха проходила мимо него, она ударила

его по пальцам, чтобы сбросить его вниз со скалы. Кухулин, заметив это, сделал *прыжок лосося* и срубил старухе голову. Это была Эйс Энхен, мать трех воинов, павших от руки Кухулина; чтобы погубить его, она подстроила эту встречу в пути.

Все воины Скатах вместе с ней самою вернулись в ее страну. Айфе дала Скатах заложников. Кухулин прожил там некоторое время, оправляясь от ран, полученных в бою. Под конец он обучился у Скатах всем приемам боевой ловкости. Он усвоил: прием с яблоком, прием боевого грома, прием с клинком, прием движенья навзничь, прием с копьем, прием с веревкой, прыжок кота, прыжок лосося, метанье шеста, прием вихря смелого повелителя колесницы, прием удара рогатым копьем [31], прием быстроты, прием с колесом, прием сильного дыханья, геройский клич, геройский удар и встречный удар, бег по копью и стоянку на острие его, прием косящей колесницы, геройский изгиб острия копья [32]. После этого к нему пришли послы с родины, чтобы звать его домой, и он собрался в путь.

Скатах же предсказала ему все, что случится с ним в жизни. Она спела ему песню зрящей, мудрой провидицы. Вот слова ее:

Привет тебе, о герой победоносный!
При похищеньи коров из Брега
Много единоборств ты выдержишь,
О славный повелитель колесницы!

Великие опасности ждут тебя:
Ты один сразишься с огромным войском,

Воинов из хищного Круахана
Ты один рассеешь своей рукою [33].

Твое имя дойдет до мужей из Альбы,
Твоя слава достигнет дальних краев.
Тридцать лет — вот предел твоей доблести,
Больше этого не сулю я тебе.

Затем Кухулин сел на корабль и отплыл в Ирландию. Вместе с ним отплыли на корабле этом Лугайд и Луан, два сына Лоха, Фербайт, Ларин, Фердиад и Дурст, сын Серба. Они прибыли в дом Руада, короля островов, в ночь Самайн [34]. Конал Победоносный и Лойгайре Сокрушитель как раз были там, занятые взиманием дани. Ибо в те времена Острова Иноземцев платили дань уладам.

Заслышал Кухулин плач и стоны, доносившиеся из королевского замка.

— Что это за жалобы? — спросил он.

— Дочь Руада отдают в дань фоморам [35], — отвечали ему.

— Где находится девушка?

— На берегу, там, пониже.

Кухулин пошел на берег и нашел там девушку. Он расспросил ее об ее участи, и она подробно ему все рассказала.

— С какой стороны придут эти люди за тобой? — спросил он.

— С того дальнего острова, — отвечала она. — Не оставайся здесь, — прибавила она, — чтобы разбойники тебя не заметили.

Однако он остался там, дождался фоморов и убил троих из них в жаркой схватке. Последний из убитых успел ранить его в запястье, и девушка

перевязала ему рану, оторвав для этого полосу от своего платья. Затем он удалился, не сказав ей, кто он. Девушка вернулась в замок и рассказала отцу все, что произошло. Вскоре затем пришел в замок и Кухулин, как простой захожий гость. Конал и Лойгайре приветствовали его, не узнав его. Многие из бывших в замке хвастались, что это они убили фоморов, но девушка не признавала их. Тогда король велел истопить баню, где все стали мыться по очереди. Когда дошел черед до Кухулина, девушка признала его.

— Я отдам тебе в жены свою дочь, с богатым приданым, — сказал король.

— Не подходит мне это, — отвечал Кухулин. — Но если она согласна, пусть является в этот самый день, ровно через год, в Ирландию: там она разыщет меня.

Затем Кухулин вернулся в Эмайн и рассказал там о всех своих приключениях. Отдохнув от своих трудов, он отправился к замку Форгала добывать себе Эмер. Целый год провел он около замка, но никак не мог приблизиться к девушке из-за многочисленной стражи. В последний день года он подошел к своему вознице и сказал ему:

— На сегодняшний день, Лойг, назначена встреча наша с дочерью Руада, но мы не знаем в точности места, где искать ее, ибо по неразумию мы не условились. Отправимся на берег моря.

Когда они подъехали к берегу у Лох Куана[36], они завидели двух птиц над морем. Кухулин вложил камень в пращу, прицелился и попал в одну из птиц. Птицы спустились на берег, и оба

воина направились к ним. Когда они подошли совсем близко, то увидали пред собою двух женщин, прекраснейших в мире. То были Дерборгиль, дочь Руада, и ее прислужница.

— Злое дело совершил ты, Кухулин, — сказала королевская дочь. — Мы пришли на свиданье с тобой, а ты напал на нас.

Кухулин высосал камень, вонзившийся в нее, вместе со сгустком крови.

— Теперь я не могу жениться на тебе, раз я испил твоей крови, — сказал Кухулин. — Но я выдам тебя за друга моего, который здесь со мной, за Лугайда Кровавых Шрамов [37].

После этого он решил напасть на замок Форгала. На этот раз снарядили ему колесницу с косами. Подъехав к замку, он перескочил геройским *прыжком лосося* через три стены и очутился в ограде замка. Три удара нанес он во дворе трижды девяти воинам, бывшим там, и от каждого удара пало по восьми человек, а по одному от каждой девятки уцелело: именно Скибур, Ибур и Кат, три брата Эмер. Форгал перепрыгнул через замковый вал, спасаясь от Кухулина, но, падая, разбился насмерть. Кухулин же увлек с собой Эмер и ее молочную сестру, с множеством золотых и серебряных украшений, перепрыгнув обратно через ограду.

Со всех сторон неслись вслед им крики. Скенмен, сестра Форгала, ринулась на него. Кухулин убил ее у брода, который назван был поэтому бродом Скенмен [38]. Затем они добрались до Глондата, где Кухулин перебил сотню преследовавших его врагов.

— Великий подвиг совершил ты, убив сотню крепких бойцов, — сказала Эмер.

Дальше преследователи настигли их у брода Имфуат на Бойне. Эмер сошла с колесницы, и Кухулин долго гнал врагов вдоль берега реки, так что комья земли из-под копыт его коней летели через брод на север. Затем он повернул и погнал их к северу, так что комья из-под копыт его коней летели через брод на юг. Оттого что комья летели в обе стороны, и зовется место это *Бродом Двояких Комьев.* И дальше, у каждого брода, от Брода Скенмен подле Ольбине до Бойны Брегской, Кухулин убивал по сотне врагов, совершая этим те подвиги, которые обещал девушке. Целым и невредимым вышел он из всех этих схваток и к ночи достиг Эмайн-Махи.

Когда Эмер ввели в Дом Красной Ветви к Конхобару и мужам Улада, все приветствовали ее. Затем Кухулин взял ее в жены, и с той поры они никогда, до самой смерти, не расставались.

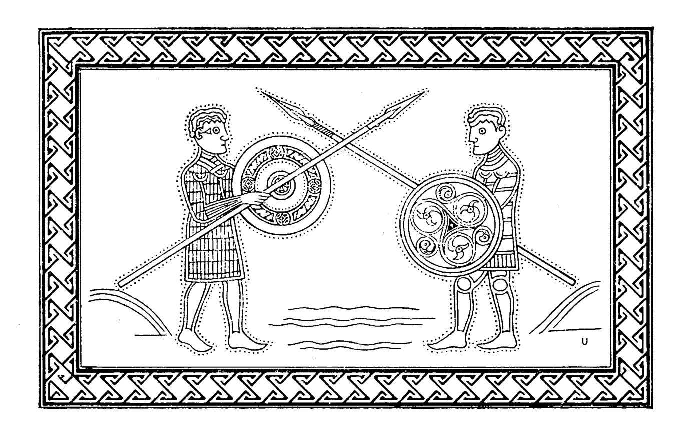

БОЙ КУХУЛИНА С ФЕРДИАДОМ

Из множества поединков, которые, в эпопее *Похищение быка из Куальнге* (см. вступит. статью, стр. 51), Кухулину пришлось выдержать, самый блестящий — его бой с Фердиадом. Мы сочли себя в праве дать его в выделенном виде, ибо есть указания, что эпизод этот первоначально рассказывался самостоятельно и лишь позднее, из стремления к циклизации, был включен в названную эпопею. Он тесно связан с сагой *Сватовство к Эмер.* Вообще это — наиболее подробное и величественное описание поединка двух героев, какие только знает ирландский эпос, и, прибавим, одно из самых эффектных, какие встречаются в мировом эпосе. К грандиозности самой картины боя присоединяется глубокий психологический драматизм: по воле злой судьбы, должны биться на смерть два любящих друга, два побратима (см. вступит. статью, стр. 33).

Эпизод этот стилистически — один из самых разработанных и разукрашенных. Это проявляется, между прочим, как в огромном количестве аллитераций в прозаическом повествовании (некоторые из них, особенно в начале саги, мы пытались частично передать в нашем переводе), так и в подавляющей массе стихов, которыми пересыпана проза (часть их мы выпустили в переводе). Среди них выделяется прекрасный «плач» Кухулина над телом мертвого Фердиада.

Текст издан E. W i n d i s c h'ем, «Irische Texte (Extraband). Die altirische Helldensage Táin bó Cúalnge», Leipz., 1905.

СТАЛИ мужи Ирландии думать, кто бы мог сразиться и выдержать бой с Кухулином завтра поутру. И сказали все, что способен на это лишь Фердиад, сын Дамана, сына Даре, храбрейший герой из рода Домнана. Ибо в битве, в борьбе и в бою они были равны меж собой. У одних воспитательниц обучались они ловким приемам мужества и силы боевой, в школе Скатах, Уатах и Айфе [1]. И не было ни у одного из них никакого преимущества перед другим, если не считать удара *рогатым копьем*, которым владел Кухулин, взамен чего Фердиад имел роговой панцырь для сраженья и единоборства с противником у брода [2].

Послали вестников и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал обратно вестников и послов. Не пошел на их зов Фердиад, ибо он знал, чего хотели пославшие их: чтобы он бился с другом, товарищем, названным братом своим.

Тогда Медб послала друидов, заклинателей и злых певцов к Фердиаду, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания и наслали три нарыва на его лицо,—нарывы позора, стыда и поношения, от которых должен был он умереть, если не тотчас, то не позже, чем через девять дней, если откажется притти [3]. И Фердиад пошел с ними, ибо легче казалось ему пасть от копья силы, смелости и ловкости боевой, чем от копья позора, стыда и поношения.

Когда прибыл Фердиад, его приняли с честью и приветом, предложили ему приятный, пьянящий напиток, от которого он захмелел и развеселился, и обещали великие дары в награду за предстоящий бой-поединок. Вот что обещали ему: колесницу ценою в четырежды семь рабынь, цветные одежды всех цветов на двенадцать человек, и в обмен на его собственную землю — землю на плодоносной равнине Маг-Ай, свободную от дани и податей, с освобождением от службы и повинностей его самого, его сыновей и всего прямого потомства на вечные времена, а еще — Финдабайр [4] в жены ему и, кроме того, золотую пряжку из плаща Медб.

Заговорила Медб, и Фердиад обменялся с ней такими речами:

Медб

Ты получишь от нас награду великую:
Мою пряжку, землю с полем и лесом
И свободу от службы для всего потомства
С этого дня до конца времен.

О Фердиад, сын Дамана,
Получишь ты превыше желанья!
Отвергнешь ли ты дары мои,
Которые принял бы охотно всякий?

Фердиад

Не приму я даров твоих без поруки[5],
Ибо искусен я в метании копий.
Завтра поутру будет мне тяжко,
Нужда мне будет во всей моей силе!

Жестоко пронзает копье героя,
Носящего имя Пес Кулана!
Грозен его удар боевой,
Страшные раны наносит он!

Медб

Будут даны тебе поручители,
Не придется тебе разыскивать их.
Прекрасные кони с прекрасной сбруей
Будут даны как крепкий залог тебе.

О Фердиад, могучий в битве,
О самый смелый из всех бойцов,
Ты станешь моим любимым героем,
Превыше других, над всеми свободный!

Фердиад

Нет, не пойду я без заложников
В игры страшные играть у брода, —
Об их ужасе и мужестве
Память останется до конца времен!

Не пойду я туда, кто б ни звал меня,
Кто бы здесь ни стоял передо мною,

Прежде чем ты мне клятву не дашь
Солнцем, луной, землею и морем![6]

Медб

Что ж тебя заставляет медлить?
Заключим договор, чтоб ты был доволен!
Дай твою руку, — в нее вложат
Правую руку короли и князья[7].

Того, что дано тебе, мы не отнимем,
Ты все получишь, чего пожелаешь.
Ведь нам известно, что поразишь ты
Мужа, с которым сразишься завтра.

Фердиад

Лишь тогда приму я твои условья,
Если ты дашь мне шесть поручителей,
Прежде чем выйду на этот подвиг
Пред лицом войска, что там собралось.

Если исполнишь ты мою волю, —
Хотя и будет тот бой не равен, —
Я согласен выйти на поединок
Против кровавого Кухулина.

Медб

Пусть то будет Домнан, пусть будет Кайрпре,
Или Ниаман, блистающий в битве,
Или кто хочешь из моих бардов, —
Они охотно дадут согласье.

Возьми себе Морана [8] в поручители,
Если таково твое желание,
Возьми себе Кайрпре из Мин-Манана,
Возьми обоих сыновей наших.

Фердиад

О Медб, с языком, исполненным яда,
Чужда тебе жалость к жениху дочери!
Поистине, ты пастух суровый
В Круахане с могильными рвами![9]

Вперед же к славе, с дикой силой!
Меня ждет бархат пестрых одежд.
Дай мне золото, дай серебро мне,
Дай мне немедля то, что обещано.

Медб

Не ты ль, герой, наша опора,
Кому отдам я пряжку с кольцом?
Все богатства мира ты так же получишь,
Как эту пряжку, о славный герой!

Что дочери моей Финдабайр,
Королевы западного царства,
Она станет твоей — сдержи свое сердце! —
Лишь поразишь ты Пса Кузнеца.

Таким образом Медб получила от Фердиада согласие сразиться на следующее утро с шестью воинами-поручителями, если он не захочет биться с Кухулином. И в то же время Фердиад получил от нее согласие на то, что эти шесть мужей будут поручителями перед ним в том, что̀ Медб обещала ему дать, в случае если Кухулин будет сражен им.

Привели к Фергусу[10] его коней, запрягли их в колесницу его, и он поехал ту̀да, где находился Кухулин, чтоб рассказать ему обо всем этом. Приветствовал Кухулин Фергуса:

— В добрый час явился ты, господин мой Фергус, — сказал он.

— С доверием принимаю я привет твой, — отвечал ему Фергус. — Но я явился к тебе с целью назвать тебе того, кто завтра утром выйдет на бой с тобой.

— Послушаем тебя, — молвил Кухулин.

— Знай же, — сказал Фергус, — что это друг, товарищ и названный брат твой, муж, равный тебе в ловкости, смелости и силе боевой, Фердиад, сын Дамана, сына Даре, храбрейший герой из мужей Домнана!

— Правду сказать, — отвечал Кухулин, — я хотел бы, чтобы не для боя со мной пришел друг мой!

— Потому и явился я, — сказал Фергус, — предупредить тебя, чтобы ты приготовился к бою, ибо не таков, как иные, на этот раз противник твой, Фердиад, сын Дамана, сына Даре!

— На этом месте крепко стою я, — сказал Кухулин, — отражая силу четырех королевств Ирландии, с понедельника начала зимы до начала весны, и за все это время не нашлось бойца, пред которым отступил бы я на шаг; думаю, что не отступлю и перед этим.

После этого Фергус вернулся на стоянку свою, в лагерь мужей Ирландии.

Фердиад вошел в свою палатку и, созвав своих воинов, рассказал им о договоре, заключенном им с Медб. Не веселы были в эту ночь воины Фердиада, но смущены, опечалены и озабочены, ибо они знали, что раз сойдутся в бою два таких героя-крушителя сотен бойцов

в сече, то неминуемо должен пасть один из них, если только не оба вместе; и что если суждено одному из двоих пасть, то, думалось им, это скорее будет их господин, ибо не легко было биться с Кухулином.

Крепким сном проспал Фердиад первую часть ночи, но к концу ночи сон бежал от него, и хмель покинул его. И встала перед ним мысль об ожидающем его поединке. Он приказал своему вознице привести коней и запрячь в колесницу. Возница попробовал отговорить его.

— Лучше было бы тебе не выезжать на бой,— сказал он.

— Молчи, мальчик,— отвечал Фердиад,— не тебе судить о наших делах.

Обменялись Фердиад и возница такими речами:

Фердиад

Мы устремляемся на поединок,
Чтобы сразиться с бойцом, чтó ждет нас.
Скоро мы достигнем славного брода,
Над которым Бодб [11] испустит свой крик.

Ибо я встречу там Кухулина,
Копьем пронжу его малое тело [12],
Тяжелую рану я нанесу ему,
Неминуемо от нее он умрет.

Возница

Лучше б тебе было остаться дома,
Тяжкая опасность грозит тебе.
Одному из двух там плохо придется,
Печально будет расставанье ваше.

Бой с благороднейшим из уладов
Беду великую принесет тебе.
Долгой будет память об этом!
Горе всякому, кто затеял такое!

Фердиад

Не годится то, что ты говоришь,
Не пристало герою трусливым быть.
Не дело для нас нерешительность,
И слова твои не остановят нас.

Не тебе решать, что делать бойцам!
Нынче час настал быть доблестным.
Лучше мужество, чем робость для нас.
Устремимся ж скорей навстречу врагу!

Привели коней Фердиада и запрягли их в колесницу; и он устремился на ней к боевому броду, когда день полным светом еще не взошел над ним.

— Эй, мальчик, — сказал Фердиад, — возьми с колесницы одеяла и меха и расстели их здесь для меня, чтобы я проспал сильную дремоту мою, ибо конец этой ночи не спал я от мыслей о бое-поединке.

И возница выпряг коней, разостлал одеяло и меха, и, легши на них, Фердиад крепко уснул.

С Кухулином же в эту ночь было вот что. Он встал не раньше, чем день полным светом озарил его, дабы мужи Ирландии не могли сказать, что страх и боязнь пробудили его. Когда же день засиял полным светом, он приказал своему вознице привести коней и запрячь их в колесницу.

— В добрый час, мальчик, — сказал Кухулин, — запрягай коней, ибо имеет обычай рано вставать герой, идущий на бой с нами, Фердиад, сын Дамана, сына Даре!

— Кони уже приведены и запряжены,—отвечал тот. — Всходи на колесницу, и да не коснется позор твоего оружия!

И тогда герой разящий, свершитель ловких боевых приемов, победоносный в бою, с алым мечом, Кухулин, сын Суалтама, взошел на колесницу. И испустили крик вокруг него демоны *козловидные* и *бледноликие*, духи долин и воздуха [13], ибо племя богини Данан всегда поднимало крик вокруг Кухулина, чтобы еще более увеличить страх, трепет, ужас и содрогание, которые вызывал он в каждом бою, битве, сражении, сече, где только бился он.

Недолго пришлось ждать вознице Фердиада, пока он заслышал нечто. То было гуденье, грохот, гул, гром, шум, треск, стук; гул от сшибанья щитов и ловких ударов копья, звон мечей, шлема, панцыря и иного оружия, сотрясаемого в яростной боевой игре, стон канатов, песнь колес, скрип колесницы, звон подков, а громче всего этого—мощный голос бойца-героя, устремляющегося к броду.

Подошел возничий Фердиада к своему господину и положил руку на его плечо.

— В добрый час, Фердиад, — воскликнул он, — поднимайся! Уже ждут тебя у брода!

И он прибавил:

Я слышу катящуюся колесницу
С прекрасной серебряной дугою.

Лицо великого воина
Высится над жестокой колесницей.

Пересекши Бри-Росс, миновав Бране,
Они несутся по ровной дороге
Мимо дерева Байле-ин-Биле [14].
Победоносно их величье!

То Пес искусный свой бег торопит,
Воин прекрасный, рвущий победу,
То сокол дивный коней устремляет
В сторону юга, нам навстречу.

Как кровь, весь алый — герой кривоглазый [15].
О, нет сомненья, он к нам стремится.
Ведь всем известно, — к чему скрывать? —
Что он несется на битву с нами.

Горе воину, который встретит
На холме высоком дивного Пса!
Скоро год минет, как предсказал я,
Что на нас ринется, в час нежданный,

Этот грозный Пес из Эмайн-Махи,
Этот ярый Пес с разноцветным лицом.
Пес стерегущий, Пес лютой битвы.
Я слышу его, — и он нас учуял!

— Эй, мальчик, — сказал Фердиад, — почему ты прославляешь этого человека с тех пор, как выехал из дома. Чрезмерна твоя похвала ему, и, поистине, я мог бы разгневаться на тебя. Айлиль и Медб предсказали, что он падет от моей руки. И ради великой награды скоро я раздроблю его. Настал час быть тебе в помощь мне!

Немного времени потратил возница Фердиада, чтобы достигнуть брода. И там он увидел прекрасную колесницу с четырьмя осями, несшуюся в стремительном порыве, искусно управляемую, с зеленым пологом, с разукрашенным остовом из тонкого, сухого, длинного, твердого как меч дерева, влекомую двумя конями, быстрыми, резвыми, длинноухими, прыгающими, с чуткими ноздрями, широкой грудью, крутыми бедрами, громадными копытами, тонкими ногами,—сильными, пылкими, стремительными.

Один из коней был серый, с крутыми бедрами, с длинной гривой, делавший короткие прыжки; другой—черный, с вьющимся волосом, длинным шагом и короткой спиною. Подобны соколам, налетающим на добычу, когда дует резкий ветер, подобны порыву бурного ветра, несущегося по равнине в мартовский день, подобны дикому оленю, почуявшему впервые охотничьих псов, были кони Кухулина. Они казались несущимися по пламенным, раскаленным камням, и земля дрожала, трепетала под ними от неистового их бега.

Кухулин достиг брода. Фердиад ожидал его с южной стороны брода. Кухулин стал на северной его стороне.

Приветствовал Фердиад Кухулина:

— В добрый час явился ты, Кухулин! — воскликнул он.

— Правду сказал ты о *добром часе*,—ответил Кухулин, — лишь про это мгновенье нашей встречи. А дальше нет во мне веры словам твоим. Больше пристало бы, Фердиад, чтоб я

приветствовал твой приход, чем ты мой, ибо ты вступил в область и королевство, где стою я! И не очень пристало тебе являться сюда, чтобы нападать и биться со мной, а скорей бы мне пристало напасть и биться с тобой, ибо от тебя идет обида нашим женам, сыновьям и детям, нашим коням и табунам, нашему скоту и стадам!

— Ладно, Кухулин, — молвил Фердиад. — Что за причина тебе биться-сражаться со мной? Когда мы жили вместе у Скатах, Уатах и Айфе, ты прислуживал мне, готовил копья, стелил постель.

— Правда что так, — отвечал Кухулин. — По молодости, по юности своей делал я это для тебя, теперь же дело иное. Нет ныне бойца на свете, которого бы я не мог сразить.

И они стали осыпать друг друга горькими упреками за измену былой дружбе. Обменялись они такими речами:

Фердиад

Что привело тебя, кривоглазый,
На поединок со мной, могучим?
Все тело твое обольется кровью
Над дымящимися конями твоими!

На горе себе ты выехал нынче!
Ты вспыхнешь, как уголь в горящем доме,
Большая нужда в враче у тебя будет,
Если сможешь только до дома добраться!

Кухулин

Я стою впереди молодых воинов,
Как древний вепрь, все крушащий кругом,

Пред войсками, пред сотней бойцов,
Чтоб утопить тебя в этой воде,

Чтоб в гневе лютом испытать твою мощь
В бою с сотней разных ударов.
Придется тебе понести потерю:
Тебе сниму я голову с плеч.

Фердиад

Здесь найдется, кто раздробит тебя,
Я пришел, чтоб тебя убить.
Тебя ждет сейчас от руки моей
Страшная смерть в кровавой схватке,

Пред лицом героев, что здесь собрались,
Пред лицом уладов, глядящих на бой,
Чтоб должную память сохранили они
О том, как мощь моя сокрушила их силу.

Кухулин

Как же станем мы биться с тобой?
Тела застонут наши от ран.
Что ж, нет нужды, мы с тобой сойдемся
В поединке у этого брода!

Будем ли биться тяжкими мечами
Иль кровавыми остриями копий, —
Сражен ты будешь пред лицом войска,
Ибо настал для этого час.

Фердиад

До захода солнца, до начала ночи,
Раз суждено мне напасть на тебя,
Будем мы биться у горы Бойрхе.
Вдоволь прольется в этой схватке крови!

На крик твой смертный сбегутся улады.
«Он повалил его!» — воскликнут они.
То, что увидят, тяжко им будет,
Не скоро забудут этот горестный вид!

Кухулин

Ты стоишь у гибельной бездны,
Конец твоей жизни уже настал.
Я исторгну ее лезвием меча,
Будут дивиться моему удару.

Будет слава бойцу, что убьет тебя,
Будет долгой о нем людская молва.
Не водить тебе больше воинов в бой
С этого дня до конца времен!

Фердиад

Прочь от меня с твоим предвещанием,
О, величайший болтун на свете!
Не получишь ты ни награды, ни чести,
Не твоему древу вознестись над моим!

Я, что стою здесь, тебя знаю.
У тебя сердце трепетной птицы,
Ты, слабый мальчик, боишься щекотки,
Чужда тебе доблесть, чужда тебе сила.

Кухулин

Когда мы вместе жили у Скатах,
У нее обучаясь ловкости в битве,
Всюду мы вместе с тобой бродили,
Рядом стояли в каждой схватке.

Всегда для меня ты был другом сердца,
Мне соплеменный, родной по крови.
Еще не встречал я, кто был бы мне дороже,
Тяжким горем будет мне твоя гибель!

Фердиад

Слишком же мало дорожишь ты честью,
Коль предлагаешь отказаться от боя!
Прежде, чем успеет петух прокричать,
Я вздену твою голову на копье мое!

О Кухулин, боец из Куальнге,
Ярое безумье охватило тебя.
Если погибнешь ты от руки моей,
В этом виновен будешь лишь сам!

— О Фердиад, — сказал Кухулин, — не ладно, что вышел ты на бой-поединок со мной, побуждаемый Айлилем и Медб, из-за распри, что ведут они с нами. Никто из выходивших на меня доселе не добывал себе ни чести, ни выгоды; и ты тоже падешь от руки моей.

Еще сказал он Фердиаду, слушавшему его:

Не выходи на бой со мною,
О Фердиад, сын Дамана!
Исход для тебя печален будет,
Многие гибель твою оплачут.

Идя на меня, ты правду рушишь.
Тебе смертное ложе уготовлю я.
Как другие, ты не избегнешь кары, —
Геройских моих боевых ударов.

Сокрушат тебя моя сила и ловкость,
Не спасет тебя роговой твой панцырь.
Девушку, ради которой бьешься,
Не получишь ты, о сын Дамана.

Финдабайр, дочь королевы Медб, —
Хоть прекрасна она лицом своим,
Хоть пленяет тебя ее красота, —
За битву тебе не достанется.

О ней, что ты ждешь в награду за бой,
Вот тебе слово мое правдивое:
Многие были уж ею преданы,
Многие погибли за нее, как ты.

Не нарушай же ты безрассудно
Нашей верности, нашей дружбы,
Не нарушай слова, нас связавшего,
Не иди на меня, о славный герой!

Пятидесяти воинам (о безумные!)
Была уж обещана эта девушка.
Всех пятьдесят уложил в могилу я,
Они изведали правду копья моего.

Могуч был Фербайт, вождь смелых бойцов, —
Одним ударом свалил я его.
Славой великой был украшен Срубдайре, —
Не спасли его ни одежды, ни золото.

Если б мне обещали Финдабайр,
На которую вся страна любуется,
То, поверь мне, я не поднял бы
На тебя руку ради красы ее.

— Поистине, Фердиад, — продолжал Кухулин, — не должен был ты вызывать меня на

бой-поединок, после того как, живя у Скатах, Уатах и Айфе, мы вместе ходили в каждую битву и сражение, в каждую схватку и боевую затею, в каждый лес и пустыню, в каждую темь и логовище.

И он прибавил:

Мы были названными братьями,
Товарищами в темных лесах,
Мы всегда делили ложе,
Когда спали глубоким сном
После тяжких боев и схваток
Во многих дальних, чудесных странах!
Всегда вместе мы всюду бродили.
Рыскали в каждом лесу опасном,
Обучаясь у Скатах искусству боя!

Отвечал ему Фердиад:

О Кухулин милый, в приемах искусный,
Подвизались мы вместе с ловкостью равной.
Ныне дружбу нашу договор превозмог.
Поделом тебе будут твои первые раны.
Не вспоминай о побратимстве нашем,
О кривоглазый, не поможет тебе это!

Затем он воскликнул:

— Слишком долго медлим мы! С какого оружия начнем мы сегодня, о Кухулин?

— Тебе принадлежит сегодня выбор оружия, — отвечал тот, — ибо ты первый пришел к броду.

— Помнишь ты первые боевые приемы, — спросил Фердиад, — которым мы обучились у Скатах, Уатах и Айфе?

— Конечно, я помню их.

— Если так, начнем с них.

И они приступили к первым приемам боя. Они взяли два равных больших щита, восемь малых щитов с острыми бортами, восемь дротиков, восемь мечей с рукоятками из рыбьего зуба и восемь копий, отделанных рыбьим зубом.

Полетели их дротики и копья вперед и назад, подобно пчелам в ясный день. Не было удара, который не попал бы в цель. Каждый из обоих старался поразить другого, отражая удары противника шишками и бортами щитов; и длилось это от утреннего рассвета до середины дня. Насколько превосходно было нападение, настолько же превосходна была и защита, и ни один из них не мог окровавить другого.

— Бросим эту игру, — сказал Фердиад: — видно, таким путем не решить нам спор.

Они прекратили бой и перекинули свои дротики в руки возниц.

— Каким же оружием станем мы теперь биться?—спросил опять Фердиад.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Кухулин, — ибо ты первый пришел к броду.

— Если так, то возьмемся за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна.

— Возьмемся за них, — сказал Кухулин.

Они схватили два крепких, равных щита и взялись за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна. Каждый стремился поразить копьем другого, и длилось это от середины дня до захода солнца. И хотя превосходна была защита, еще превосходнее было нападение,

и ни один из них не мог окровавить и ранить другого.

— Бросим это, Кухулин, — сказал, наконец, Фердиад.

— Бросим, — сказал Кухулин, — уже пора.

Они прервали бой и перекинули свое оружие в руки возниц. После этого они подошли друг к другу, обнялись за шею и трижды поцеловались.

Эту ночь их кони провели в одном загоне, и их возницы сошлись у одного костра; из свежего тростника они изготовили два ложа с подушками для раненых героев. Знахари и лекари были присланы к ним, чтобы залечить раны и исцелить их; они наложили травы, лекарственные растения на их раны, язвы, опухоли, больные места и спели целительные заклинания над ними. И от каждой травки, от каждого лекарственного растения, от каждого заклинания на его раны, язвы, опухоли и больные места Кухулин пересылал половину через брод, на запад, Фердиаду, чтоб мужи Ирландии не могли потом сказать, если Фердиад падет от его руки, что Кухулин имел избыток лечебной помощи. А от каждой пищи, от каждого вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии, тот пересылал половину через брод, на север, Кухулину, ибо больше людей доставляло пищу Фердиаду, чем Кухулину. Все мужи Ирландии несли пищу Фердиаду, защищавшему их от Кухулина, а тому носили пищу только люди из Маг-Брега [16], каждую ночь приходившие к нему для беседы.

Так провели Кухулин и Фердиад эту ночь. На другой день рано утром встали они и снова сошлись у боевого брода.

— За какое оружие возьмемся мы сегодня, Фердиад? — спросил Кухулин.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Фердиад, — ибо вчера выбирал я.

— Возьмемся же за наши тяжелые, самые большие копья, — сказал Кухулин. — Быть может, прямыми ударами сегодня скорей решим мы спор, чем вчера метаньем. Возьмем коней и запряжем в колесницы: будем вести бой с конями, на колесницах.

— Пусть будет так, — сказал Фердиад.

На этот раз они схватили свои самые широкие и крепкие щиты и взялись за тяжелые, самые большие копья. Каждый из них старался пронзить, прободать, сшибить, повалить другого, и длилось это с утреннего рассвета до начала вечера. Птицы, что слетаются на тела павших воинов, носились вокруг них, стремясь урвать куски тела и крови от ран их, чтоб унести с собою за облака на небо.

Когда приблизился вечер, измучились кони обоих, изнемогли возницы их, истощилась сила самих героев, храбрых бойцов.

— Прервем бой, — сказал Кухулин, — ибо кони наши измучились и возницы изнемогли: не то же ли и с нами?

— Прервем бой, — сказал Фердиад, — уже пора.

Они прекратили бой и перекинули свое оружие в руки возниц. Потом подошли друг к другу, обнялись за шею и трижды поцеловались.

Эту ночь их кони снова провели в одном загоне, и их возницы сошлись у одного костра; из свежего тростника они изготовили два ложа для раненых героев. Пришли знахари и лекари, чтобы осмотреть их, оказать им помощь, провести ночь подле них. Так ужасны были их уколы, раны, язвы и повреждения, что ничего иного они не могли сделать для них, как только дать им волшебные напитки и спеть свои заклинания и заговоры, чтобы успокоить их кровь, остановить кровотечение и утолить боль. И от каждого волшебного напитка, от каждого заклинания, от каждого заговора на его раны и язвы Кухулин половину пересылал через брод, на запад, Фердиаду. А от каждой пищи, от каждого вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии, тот пересылал половину через брод, на север, Кухулину. Ибо больше людей доставляло пищу Фердиаду. Все мужи Ирландии несли пищу Фердиаду, защищавшему их от Кухулина, а тому носили пищу только люди из Маг-Брега, каждую ночь приходившие к нему для беседы.

Так провели Кухулин и Фердиад и эту ночь. На третий день утром встали они и снова сошлись у боевого брода. Заметил Кухулин, что плохой вид у Фердиада и что мрачен он.

— Плохой вид у тебя сегодня, Фердиад! — сказал он. — Цвет волос твоих стал блеклым, и взор потускнел; вид, облик и повадка твоя — не прежние.

— Если и так, то не из боязни и страха перед тобой, — отвечал Фердиад, — ибо нет сейчас во всей Ирландии героя, которого я не мог бы сразить.

Горько опечалился и стал сетовать о нем Кухулин.

Вот какими речами обменялись они:

Кухулин

О Фердиад! Каков ты здесь предо мною,
Поистине, ты обречен на смерть.
О, зачем ты вышел, побуждаемый женщиной,
На поединок с названным братом?

Фердиад

О Кухулин, питомец мудрости,
Цвет геройства, цвет всего воинства,
Каждый из живущих должен уйти
Под землю, на свое последнее ложе.

Кухулин

Финдабайр, дочь королевы Медб,
Со всей пленяющей красотой ее,
Не из любви тебе обещали,
Но чтоб испытать твою королевскую силу.

Фердиад

Моя сила давно уже испытана,
О Пес, одаренный всеми совершенствами!
О большей смелости, чем моя, не слыхал никто.
Равного себе я не встречал еще.

Кухулин

Ты сам лишь виновен в том, что свершится,
О сын Дамана, сына Даре!

Не должен был итти ты, по воле женщины,
Рубиться мечами с названным братом!

Фердиад

Если б мы разошлись без боя,
Как названные братья, о Пес мой милый,
Плохо было б с моей честью и словом,
Данным мной Айлилю и Медб из Круахана!

Кухулин

Никогда еще не вкушали пищу
И не рождались на этом свете
Король и королева, ради которых
Я бы замыслил на тебя зло.

Фердиад

О Кухулин, славный подвигами,
Это не ты, а Медб нас предала.
Тебе достанется победа и слава,
Наша вина тебя не запятнает.

Кухулин

Мое доброе сердце обливается кровью.
Едва от меня не отлетает жизнь.
Неравен будет, при моих подвигах,
Мой бой с тобою, о Фердиад!

— Довольно тебе оплакивать меня, Кухулин! — сказал Фердиад. — Каким оружием будем мы биться нынче?

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Кухулин, — ибо вчера выбирал я.

— Возьмемся же, — сказал Фердиад, — за наши тяжелые, жестоко разящие мечи: быть может, рубящими ударами мы скорей решим спор, чем колющими, как вчера.

— Возьмемся за них, — сказал Кухулин.

Они схватили два громадных, длинных щита и взялись за тяжелые, жестоко разящие мечи. Каждый из них старался ударить и сшибить, поразить и повалить другого, — и величиной с голову месячного ребенка были куски тела, которые они вырубали из плечей, бедер и лопаток друг у друга. И так рубились они от утреннего рассвета до начала вечера.

— Прервем бой, Кухулин, — сказал Фердиад.

— Прервем бой, — сказал и Кухулин, — пора.

Они прекратили бой и перекинули свое оружие в руки возниц. Если встреча их была встречей двух радостных, довольных, беспечных, бодрых воинов, то расставанье их было расставаньем двух воинов омраченных, озабоченных, опечаленных. Их кони не провели эту ночь в одном загоне, их возницы не сошлись у одного костра.

Так провели Кухулин и Фердиад эту ночь. На другой день рано утром встал Фердиад и пришел один к боевому броду. Он знал, что настал день решительного боя, в который один из них падет, если не оба. Он надел на себя свой наряд сражений, битв и поединков до прихода Кухулина. Вот каков был его наряд сражений, битв и поединков.

Он надел на свое белое тело шелковые штаны с многоцветной золотой каймой. Поверх их он надел другие штаны из хорошо вылощенной

коричневой кожи. Спереди он прикрепил к ним большой крепкий камень, величиной с мельничный жернов. Поверх этого он надел третью пару штанов, крепких, глубоких, из литого железа, прикрывших большой, крепкий камень величиной с мельничный жернов, — из страха и боязни в этот день перед *рогатым копьем* Кухулина. На голову же он надел свой шлем сражений, битв и поединков, с гребнем, с сорока самоцветными камнями, прекрасно убранный и отделанный красной эмалью, кристаллами и самоцветными камнями, со светящимися изображениями растений восточного мира.

В правую руку он взял свое разящее копье; с левого боку привесил свой кривой боевой меч с рукояткой и перекладиной из красного золота. На свою крутую спину он возложил большой, прекрасный щит из воловьей кожи, с пятьюдесятью шишками, каждая из которых могла бы вместить изображение вепря, — а в середине была громадная шишка из красного золота.

Снарядившись так, Фердиад начал совершать высоко в воздухе разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которым он доселе ни у кого не обучался, ни у женщины, ни у мужчины, ни у Скатах, ни у Уатах, ни у Айфе: он сам изобрел их в тот день, чтобы совершить их пред лицом Кухулина [17].

Кухулин также пришел к броду и увидел разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которые Фердиад совершал высоко в воздухе.

— Видишь ты, братец мой Лойг, — сказал Кухулин своему вознице, — эти разнообразные,

многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которые Фердиад совершает высоко в воздухе? Всеми ими и я сейчас овладею. Если сегодня я начну уступать в бою, ты должен воспламенять меня, понося и браня, дабы усилить ярость и пыл мой. Если же я стану брать верх, ты должен давать советы, восхвалять и поощрять меня, дабы усилить мое мужество.

— Будет сделано, как ты сказал, мой Кукук[18], — ответил Лойг.

Тогда и Кухулин надел свой наряд сражений, битв и поединков и принялся совершать высоко в воздухе такие же разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которым он доселе ни у кого не обучался, ни у Скатах, ни у Уатах, ни у Айфе. Увидел это Фердиад и понял, что всеми ими тотчас же может овладеть и Кухулин.

— За какое оружие возьмемся мы нынче, Фердиад? — спросил Кухулин.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Фердиад.

— Если так, то начнем *игру в брод*, — сказал Кухулин.

— Начнем *игру в брод*, — сказал Фердиад.

Хоть Фердиад и сказал так, невесело ему было итти на это, ибо он знал, что Кухулин побеждал каждого героя и воина, бившегося с ним в *игре в брод*.

Великое дело должно было в этот день совершиться у брода. Два героя, два первых бойца, два колесничных бойца Западного Мира, два блестящих светоча боевого искусства Ирландии,

две щедрых десницы, расточавшие милость и награду в Северо-Западном Мире, два вождя доблести Ирландии, два ключа боевой мудрости Ирландии, — шли в бой друг на друга, сойдясь издалека, из-за распри, затеянной Айлилем и Медб, из-за ков их. И каждый старался победить другого своими приемами, от утреннего рассвета до середины дня.

Когда настал полдень, распалилась ярость бойцов, и они тесно сошлись. Прыгнул Кухулин со своего края брода прямо на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но Фердиад левым локтем встряхнул свой щит, — и Кухулин отлетел от него, как птица, на свою сторону брода. И снова прыгнул Кухулин со своего края на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но ударом левого колена Фердиад тряхнул щитом своим, — и Кухулин отлетел от него, как маленький ребенок, на свою сторону брода.

Увидел это Лойг.

— Горе тебе! — воскликнул он. — Противник наказал тебя, как милая женщина наказывает малого ребенка! Он вымыл тебя, как в лоханке моют чашки! Он размолол тебя, как мельница мелет доброе зерно! Он рассек тебя, как топор рассекает дуб! Он обвил тебя, как вьюнок обвивает дерево! Он обрушился на тебя, как обрушивается ястреб на малых пташек! Отныне — навеки конец притязаньям и правам твоим на славу и честь боевую, о маленький бешеный гном!

Тогда в третий раз метнулся Кухулин со скоростью ветра, с быстротой ласточки, с порывом

заоблачного дракона и обрушился на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но снова Фердиад тряхнул своим щитом, и Кухулин отлетел насередину брода, где был он до своего прыжка.

Тогда произошло с Кухулином чудесное искажение его[19]: весь он вздулся и расширился, как раздутый пузырь; он стал подобен страшному, грозному, многоцветному, чудесному луку, и рост храброго бойца стал велик, как у фоморов, далеко превосходя рост Фердиада.

Так тесно сошлись бойцы в схватке, что вверху были их головы, внизу ноги, в середине же, за бортами и над шишками щитов, руки. Так тесно сошлись они в схватке, что щиты их лопнули и треснули от бортов к середине. Так тесно сошлись они в схватке, что копья их согнулись, искривились и выщербились. Так тесно сошлись они в схватке, что демоны *козловидные и бледноликие*, духи долин и воздуха, испустили крик с бортов их щитов, с рукояток их мечей, с наконечников их копий [20]. Так тесно сошлись они в схватке, что вытеснили поток из его русла, из его пространства, так что в его ложе образовалось достаточно свободного места, чтобы лечь там королю с королевой, и не осталось ни одной капли воды, не считая тех, что два бойца-героя, давя и топча, выжали из почвы. Так тесно сошлись они в схватке, что ирландские кони в страхе запрыгали и сорвались с мест, обезумев, порвали привязи и путы, цепи и веревки, и понеслись на юго-запад, топча женщин и детей, недужных и слабоумных в лагере мужей Ирландии.

Бойцы теперь заиграли лезвиями своих мечей. И было мгновенье, когда Фердиад поразил Кухулина, нанеся ему своим мечом с рукояткой из рыбьего зуба удар, ранивший его, проникший в грудь его, так что кровь Кухулина брызнула на пояс его и брод густо окрасился кровью из тела героя.

Не стерпел Кухулин этих мощных и гибельных ударов Фердиада, прямых и косых. Он велел Лойгу, сыну Риангабара, подать ему *рогатое копье*. Вот как было оно устроено: оно погружалось в воду и металось двумя пальцами ноги; единое, оно внедрялось в тело тридцатью остриями, и нельзя было вынуть его иначе, как обрезав тело кругом [21].

Заслышал Фердиад речь о *рогатом копье* и, чтобы защитить низ тела своего, он опустил щит. Тогда Кухулин метнул ладонью дротик в часть тела Фердиада, выступавшую над бортом щита, повыше ошейного края рогового панцыря. Чтобы защитить верх своего тела, Фердиад приподнял щит. Но не кстати была эта защита. Ибо Лойг уже приготовил *рогатое копье* под водою, и Кухулин, захватив его двумя пальцами ноги, метнул дальним ударом в Фердиада. Пробило копье крепкие, глубокие штаны из литого железа, раздробило натрое добрый камень величиной с мельничный жернов и сквозь одежду вонзилось в тело, наполнив своими остриями каждый член, каждый сустав тела Фердиада.

— Хватит с меня! — воскликнул Фердиад. — Теперь я поражен тобою насмерть. Но только вот что: сильный удар ты мне нанес пальцами ноги, и не можешь сказать, что я пал от руки твоей.

И еще он прибавил:

О Пес искусный в боевых приемах,
Не должен был ты убивать меня!
На тебя перейдет вина моя,
На тебя теперь моя кровь падет!

Зол жребий того, кто пал в бою,
Кто низвергнут в бездну предательства!
Слаб голос мой, умираю я,
Увы, отлетает уж жизнь моя!

Перебиты ребра мои насмерть,
Все сердце мое залилось кровью.
Не было мне удачи в бою,
Я поражен тобою, о Пес!

Одним прыжком Кухулин очутился рядом. Обхватив тело обеими руками, он перенес его, вместе с оружием, доспехами и одеждой, через брод, чтобы водрузить этот трофей победы на северной стороне брода, не оставив его на южной, среди мужей Ирландии. Он опустил его на землю, но тут, пред челом убитого Фердиада, свет померк в глазах Кухулина, слабость напала на него, и он лишился чувств.

Увидел это Лойг, увидели и мужи Ирландии, и двинулись все, чтобы напасть толпой на него.

— Поднимайся, скорей, Кукук! — воскликнул Лойг. — Мужи Ирландии идут на тебя, и это будет уж не поединок, но толпой нападут они на тебя, чтобы отомстить за смерть Фердиада, сына Дамана, сына Даре, сраженного тобой.

— К чему вставать мне, мальчик? — сказал Кухулин. — Вот здесь лежит он, пораженный мною!

И они обменялись речами:

Лойг

Поднимись, о Пес боевой из Эмайн!
Всегда ты должен быть тверд духом.
Ты поразил бойца Фердиада.
Богом клянусь, тяжел удар твой!

Кухулин

К чему теперь мне вся твердость духа?
Тоска и безумье мной овладели
Пред этой смертью, что причинил я,
Над этим телом, что я сразил.

Лойг

Скорей хвалиться тебе подобает,
Чем убиваться над этой смертью.
Над грозным врагом с копьем кровавым
Теперь ты стонешь, рыдаешь, плачешь!

Кухулин

Пусть отрубил бы он мне ногу,
Пусть отрубил бы он мне руку, —
Все было б лучше, лишь бы остался
Он сам в живых, коней повелитель!

Лойг

То, что случилось, все ж утешительней
Девушкам в собраньи Красной Ветви [22], —
Ведь он убит, а ты жив остался.
Не шуткой была ваша схватка смертная.

Кухулин

С того самого дня, как стал я в Куальнге,
На дороге Медб с надменной силой,

Не без славы была кровавая бойня,
Многих бойцов ее перебил я!

Лойг

Не знал ни разу ты сна спокойного
С того дня, как бьешься с вражеской ратью.
Все войско наше — лишь ты один.
Рано ж тебе вставать приходилось!

Принялся Кухулин стонать и оплакивать Фердиада. Говорил он:

«Горе тебе, о Фердиад, что не спросил ты никого из испытавших подвиги смелости и ловкости моей, прежде чем выйти против меня на бой-поединок!

Горе тебе, что Лойг, сын Риангабара, не напомнил, в укор тебе, годов обученья нашего в ловкости воинской, годов побратимства!

Горе тебе, что не внял ты увещаньям мудрого Фергуса!

Горе тебе, что Конал прекрасный, Победоносный, в боях непобедимый, не помог советом тебе, напомнив годы обученья нашего общего!

Ибо эти мужи отвели бы твой ум от посольств, пожеланий, свиданий, посулов обманных хитроумных женщин из Коннахта!

Ибо ведают эти мужи, что не родился еще тот, кто б способен был наносить такие удары великие, тяжкие коннахтам, какие я наношу им, — и никогда не родится!

Ибо нет мне равного в управлении щитами и тарчами, мечами и копьями, в игре на шахматной доске боевой, в управленьи конями иль колесницей!

Теперь не найдется руки бойца, разящей героев, как их разила рука Фердиада, подобного облаку!

Теперь не услышать дикого клича Бодб с губами красными, какой испускала она, когда Фердиад пролом совершал в рядах бойцов, над грудой щитов!

Теперь вовек не предложит другому Круахан договора такого, какой заключил он с тобой, о краснолицый сын Дамана!»

Окончив плач свой, Кухулин оторвался от головы Фердиада и сказал:

— О Фердиад, предали и обрекли тебя на гибель мужи Ирландии, побудив на бой-поединок со мной; ибо не легко вести бой-поединок со мной при похищеньи быка из Куальнге.

И он еще прибавил:

О Фердиад, ты пал жертвой вероломства!
Была горькой встреча наша последняя!
Вот, нынче ты мертв, я ж остался жив.
Будет вечной тоска разлуки вечной!

Когда мы были с тобою вместе
Там, у Скатах, Уатах и Айфе,
Казалось нам — вовеки-веков
Дружбе нашей конца не будет.

Мила мне алость твоя благородная,
Мил твой прекрасный, совершенный образ
Милы твои очи синие, ясные,
Мила твоя мудрость и речь складная.

Не ходил еще в бой, рассекая кожу,
Не распалялся еще боевым пылом,

Не носил щита на плечах широких
Тебе подобный, о красный сын Дамана!

Никогда не встречал я па поле битвы,
С той поры, как пал единый сын Айфе[23],
Тебе подобного в подвигах ратных, —
Не сыскал я такого, о Фердиад, доныне.

Финдабайр, дочь королевы Медб,
Со всею дивною красою своей,
Была для тебя, о Фердиад, не больше,
Чем ветка ивы на холме песчаном!

Кухулин устремил свой взор на тело Фердиада.

— Ну, что ж, господин мой Лойг, — сказал он, — раздень Фердиада, сними с него боевой наряд и одежду, чтобы поглядеть нам на пряжку, ради которой он пошел на бой-поединок.

Подошел Лойг к телу Фердиада и раздел его. Он снял с него боевой наряд и одежду, и Кухулин увидел пряжку. Снова начал он стонать и оплакивать Фердиада, говоря такие слова:

Горем стала золотая пряжка,
О Фердиад, повелитель рати,
Ты, наносивший удары тяжкие
Благородной, победоносной дланью!

Венец волос твоих светлых, курчавых
Был так огромен и дивен красотой!
Словно лиственный, гибкий пояс
Облекал твой стан, до самой смерти.

О наше милое побратимство!
О зоркий взгляд благородного ока!

Помню щит твой с бортами золотыми, —
Драгоценную доску для шахматных ударов!

Помню запястье из светлого серебра
Вокруг руки благородной твоей,
Помню меч твой, столь превосходный,
И твой пурпурный лик прекрасный!

Что ты повержен рукою моею —
Это было неладным делом.
Не был прекрасен наш поединок,
Горем стала золотая пряжка!

— А теперь, господин мой Лойг, — сказал Кухулин, — разрежь тело Фердиада и извлеки из него *рогатое копье*, — ибо я не могу остаться без моего оружия.

Подошел Лойг к телу Фердиада, разрезал его и извлек из него *рогатое копье*. Увидел Кухулин свое окровавленное, красное оружие рядом с телом Фердиада и сказал такие слова:

О Фердиад, скорбно наше свиданье!
Вот, вижу тебя кровавым и бледным.
Не смыть крови с моего оружья,
Ты ж распростерт на смертном ложе!

Если б были мы там, в стране восточной,
Как прежде, у Скатах, Уатах и Айфе, —
Не были б белы теперь твой губы
Предо мною, среди оружья.

Наша наставница нас связала
Славною связью союза дружбы,
Дабы не вставали чрез нас раздоры
Меж племенами светлой Ирландии.

Печально утро, это утро марта,
Принесшее смерть сыну Дамана!
Увы, вот пал мой любимый друг,
Алою кровью напоил я его!

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Я — изранен весь, залит кровью алой,
Ты ж не сядешь на колесницу вновь!

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Я — изранен весь, и кровь запеклась,
Ты же мертв совсем, без возврата, навек.

Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитавшимися.
Тебя смерть сразила, я же бодр и жив.
Биться в яром бою — вот удел мужей.

— Ну, что ж, Кукук, — сказал Лойг, — уйдем теперь от брода. Слишком долго мы здесь пробыли.

— Да, пойдем, — отвечал Кухулин. — Знай, что игрою, легкой забавой были для меня все бои и поединки, которые я выдержал здесь, по сравнению с боем-поединком с Фердиадом.

И еще сказал он, — таковы его слова:

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
У нас были с ним ученье общее,
Общая мощь и общая щедрость,
Общая милая обучительница,
И он был ее избранником.

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Мы равный ужас вселяли в врагах.
Было равным искусство наше в бою.
Дала нам Скатах два равных щита.
Один — Фердиаду, другой же — мне.

Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
О милый друг, о столп золотой,
Поверженный мной в бою у брода!
О вепрь народов, неистовый вепрь,
Ты был смелее, чем все другие!

Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Этот пламенный и свирепый лев,
Буйная волна, грозная, как страшный суд.

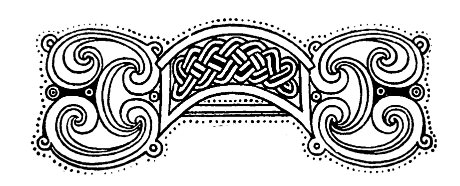
Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Думалось мне, что милый Фердиад
Будет другом мне навеки-веков.
Вчера он был, как гора, велик,
Сегодня — лишь тень осталась его.

Трижды врагов несметные полчища
Я сокрушил рукой своею.
Сколько быков, коней и воинов
Я разметал здесь во все стороны!

Хоть и бесчисленно было воинство,
Что наслал на нас хищный Круахан,
Больше третьей части, с половину их
Умертвил я здесь в игре жестокой.

Не бывал в боях тот сын королевский.
Ирландия грудью не вскормила того,
Не являлся еще ни с суши, ни с моря,
Кто бы славою мог превзойти меня!

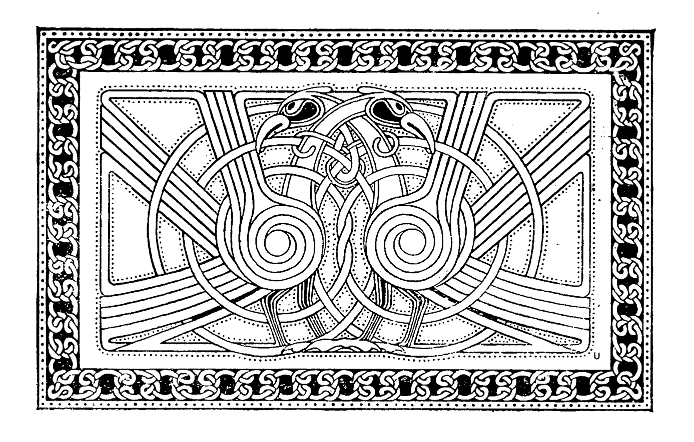
Здесь кончается повесть о смерти Фердиада.

БОЛЕЗНЬ КУХУЛИНА

Среди саг о Кухулине эта сага занимает видное место, ибо она обогащает его поэтическую биографию двумя важными чертами. С одной стороны, высший подвиг для эпического героя — проникнуть в «потусторонний мир» и с честью выдержать представившиеся ему там испытания. Подобно Гильгамешу, Вейнемейнену, Одиссею и многим другим героям, Кухулин также посещает «тот свет», но, в отличие от них, он получает туда приглашение от самих божественных существ, которые не могут обойтись без помощи земного героя. Как Диомед в *Илиаде*, выступающий против Арея и ранящий Афродиту, Кухулин бьется с бессмертными и побеждает их. С другой стороны, этот героический мотив связан здесь с мотивом страстной любви. Именно на величайшего ирландского героя также распространен мотив любви между смертным и феей-*сидой* (см. вступит. статью, стр. 35), столь излюбленный в ирландском эпосе (см. саги *Смерть Муйрхертаха*, *Исчезновение Кондлы* и вступительную заметку к последней). По этому поводу в нашу сагу вставлены обширные стихотворные описания чудес «нездешней страны», весьма похожие на таковые же в *Плавании Брана*.

Единственная дошедшая до нас редакция саги издана E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. I, Leipz. 1880. К сожалению, она испорчена тем, что одна половина ее взята из одной версии, другая — из другой, в силу чего получилось несколько повторений и противоречий. Мы пытались в нашем переводе устранить некоторые из них, следуя в общем соображениям, изложенным H. Zimmer'ом в «Zeitschr. für vergl. Sprachforschung», т. XXVIII, стр. 594, и R. Thurneysen'ом в «Sagen aus dem alten Irland», Berl., 1901, стр. 81.

Раз в году собирались все улады вместе в праздник Самайн [1], и длилось это собрание три дня перед Самайн, самый день Самайн и три дня после него. И пока длился праздник этот, что справлялся раз в году на равнине Муртемне [2], не бывало там ничего иного, как игра да гулянье, блеск да красота, пиры да угощенье. Потому-то и славилось празднование Самайн по всей Ирландии.

Любимым же делом собравшихся воинов было похваляться своими победами и подвигами. Чтобы подтвердить свои рассказы, они приносили с собой в карманах отрезанные концы языков всех убитых ими врагов [3]; многие же, чтобы увеличить число, еще прибавляли к ним языки четвероногих животных. И начиналась похвальба, причем каждый говорил по очереди. Но при этом бывало вот что. У каждого воина на боку висел меч, и, если воин лгал, острие

его меча непременно обращалось против него. Так меч был порукою правдивости воина.

Раз собрались на такой праздник, на равнине Муртемне, все улады; недоставало только двоих: Конала Победоносного и Фергуса, сына Ройга [4].

— Начнем празднество, — сказали улады.

— Нельзя начинать его, — возразил Кухулин, — пока не пришли Конал и Фергус.

Ибо Фергус был его приемным отцом, а Конал — молочным братом. Тогда сказал Сенха [5]:

— Будем пока играть в шахматы, слушать песни и смотреть на состязания в ловкости.

В то время как они развлекались всем этим, над озером, бывшим неподалеку от них, слетелась стая птиц [6]. Более прекрасных птиц никто не видывал в Ирландии. Женщин охватило желание получить их, и они заспорили между собой, чей муж окажется ловчее в ловле этих птиц.

— Я хотела бы получить по одной птице на каждое плечо, — сказала Этне Айтенкайтрех, жена Конхобара.

— И мы все хотели бы то же самое, — воскликнули остальные.

— Если только для кого-нибудь будут пойманы эти птицы, то прежде всего для меня, — сказала Этне Ингуба, возлюбленная Кухулина.

— Как же нам быть? — спросили женщины.

— Не трудно сказать, — молвила Леборхам, дочь Ауэ и Адарк [7], — я пойду к Кухулину и попрошу его исполнить ваше желание.

Она подошла к Кухулину и сказала ему:

— Женщинам было бы приятно, если бы ты достал им этих птиц.

Кухулин схватился за меч, грозя ударить ее:

— Уладские блудницы не нашли ничего лучшего, как посылать меня сегодня охотиться на птиц для них!

— Ты неправ, — возразила Леборхам, — гневясь на них. Ведь ты виновник одного из трех ущербов, постигших уладскпх женщин,—виновник их кривизны.

(Ибо три ущерба постигли уладских женщин: горбатость, заиканье и кривизна. Именно все те из них, что были влюблены в Конала Победоносного, горбились: те, что были влюблены в Кускрайда Заику из Махи, сына Конхобара, говорили заикаясь; те же, что были влюблены в Кухулина, кривели на один глаз ради сходства с ним, из любви к нему,—ибо когда Кухулин приходил в боевую ярость, один глаз его так глубоко уходил внутрь головы, что журавль не мог бы его достать, а другой выкатывался наружу, огромный, как котел, в котором варят целого теленка.) [8]

— Приготовь для нас колесницу, о Лойг! — воскликнул Кухулин.

Лойг запряг коней, и Кухулин помчался на колеснице. Он совершил на птиц такой налет со своим мечом, что их лапы и крылья попадали в воду [9]. Кухулин, с помощью Лойга, захватил всех птиц и разделил их между женщинами. Каждая получила по две птицы, кроме одной лишь Этне Ингубы, которой ничего не досталось. Подошел Кухулин к своей возлюбленной.

— Ты сердишься на меня? — спросил он ее.

— Вовсе нет, — отвечала она, — я охотно уступила им этих птиц. Ведь ты знаешь, что нет

среди них ни одной, которая бы не любила тебя и не принадлежала бы тебе хоть частью. Я же ни частицей не принадлежу никому другому: я вся твоя.

— Так не сердись же, — сказал Кухулин. — Когда снова появятся птицы на равнине Муртемне или на Бойне [10], ты получишь двух самых прекрасных из них.

Немного погодя, над озером появились две птицы, соединенные в пару цепочкой из красного золота. Они пели так сладко, что все слышавшие их впали в сон. Кухулин тотчас же устремился на них.

— Послушайся нас, не трогай этих птиц, — сказали ему Лойг и Этне. — В них скрывается тайная сила.

— Будет случай, — добавила Этне, — и ты достанешь мне других.

— Вы думаете, я не сдержу своего слова! — воскликнул Кухулин. — Не бывать этому. Вложи камень в пращу, о Лойг!

Лойг взял камень и вложил в пращу. Кухулин метнул его в птиц, но промахнулся.

— Горе мне! — воскликнул Кухулин.

Он взял другой камень, снова метнул его и опять промахнулся.

— Пришла напасть на меня! — воскликнул он. — С тех пор, как владею я оружием, никогда до этого дня не давал я промаха.

Он метнул в птиц свое копье. Оно пронзило крыло одной из них, и тотчас же обе они скрылись под водой.

Тогда Кухулин отошел в сторону. Он прислонился спиной к высокому плоскому камню [11],

Тоска напала на него, и вскоре он погрузился в сон. И во сне явились ему две женщины, одна — в зеленом плаще, другая — в пурпурном, пять раз обернутом вокруг плеч. Та, что была в зеленом, подошла к нему, засмеялась и ударила его плетью. Затем подошла вторая, засмеялась тоже и ударила его таким же образом. И так длилось долго: они подходили к нему по-очереди и ударяли его, пока он не стал уже совсем близок к смерти; тогда они обе исчезли.

Улады, видя, что с Кухулином творится что-то неладное, хотели его разбудить.

— Не прикасайтесь к нему, — сказал Фергус. — У него сейчас видение.

Пробудился Кухулин от сна.

— Что с тобой было? — спросили его улады.

Но он в силах был сказать только одно:

— Отнесите меня в мой дом, на постель.

Его отнесли, как он сказал, и он пролежал в постели целый год, никому не вымолвив ни слова.

Ровно год спустя, в такой же день Самайн, Кухулин лежал у себя, а вокруг него сидело несколько уладов: по одну сторону его — Фергус, по другую — Конал Победоносный, у изголовья — Лугайд Кровавых Шрамов [12], а у ног его — Этне Ингуба. Внезапно вошел в дом некий муж и сел против ложа Кухулина.

— Для чего пришел ты сюда? — спросил его Конал Победоносный.

— Если б был здоров тот, что лежит здесь, — ответил пришелец, — он был бы защитой мне против всех уладов. Больной же и слабый, каков он ныне, он мне будет еще лучшим защитником.

Я пришел, чтобы с ним поговорить, и потому никого не боюсь я.

— Если так, добро пожаловать! — отвечали улады. — Не бойся ничего.

Тогда поднялся пришелец и запел:

О Кухулин, горестен вид твой!
Долго ль продлится недуг твой?
Тебя б исцелили, если б были здесь,
Милые дочери Айда Абрата.

Сказала Либан, царственная подруга
Лабрайда Быстрого на равние Круах
(Она знала, что Фанд, милая сестра ее,
Разделить жаждет ложе Кухулина):

«Светел будет день для страны моей,
Когду Кухулин посетит ее!
Он получит здесь серебро, золото,
Сколько захочет вина для жажды своей.

О, если б уж был здесь теперь мой милый,
Герой Кухулин, сын Суалтама!
То, что предстало в сонном виденьи,
Один свершишь ты, без помощи войска».

В стороне юга, на равнине Муртемне,
В ночь под Самайн, о Кухулин мой,
Не во зло себе, а на исцеленье
Встретишь ты Либан, что я шлю к тебе [13].

— Что ты за человек? — спросили его присутствующие.

— Я — Айнгус [14], сын Айда Абрайта, — отвечал он.

И он тотчас же исчез, и никто не знал, откуда явился он и куда девался. Кухулин же поднялся с ложа своего и заговорил.

— Долго мы ждали, пока ты встанешь! — воскликнули улады. — Расскажи нам теперь, что было с тобой?

— В прошлый Самайн впал я в сон, — сказал Кухулин, и он рассказал им все, что привиделось ему.

— Что же мне теперь делать, о Конхобар, господин мой? — спросил он, окончив свой рассказ.

— Что тебе делать? — ответил тот. — Встань и пойди сейчас к тому самому камню, у которого предстало тебе видение.

Так и сделал Кухулин, и у камня этого явилась ему женщина в зеленом плаще.

— В добрый час, Кухулин, — сказала она ему.

— Для меня-то это не в добрый час, — отвечал он. — Что означало ваше посещение год тому назад?

— Мы приходили тогда вовсе не для того, чтоб причинить зло тебе, но чтобы просить тебя о дружбе и помощи. Вот и теперь меня послала к тебе Фанд, дочь Айда Абрата, чтобы переговорить с тобой. Мананнан, сын Лера [15], ее супруг, покинул ее, и ныне она устремила к тебе любовь свою. Я же — Либан, сестра ее. Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки, супруг мой, готов отдать тебе Фанд, если только ты согласен биться хоть один день вместе с ним против Сенаха Призрака, Эохайда Иула и Эогана Инбира [16], врагов его.

— Сейчас я не в силах сражаться с воинами, — сказал Кухулин.

— Скоро ты будешь совсем здоров, — отвечала Либан, — и вернется к тебе вся сила, кото-

рой еще недостает тебе. Ты должен сделать это для Лабрайда, ибо он величайший герой в мире.

— Где же обитает он? — спросил Кухулин.

— Он обитает на Равнине Блаженства, — отвечала она.

— Легче бы было мне пойти в другие края, — сказал Кухулин. — Пусть сначала пойдет с тобой Лойг, чтобы разузнать страну, откуда пришла ты.

— Пусть же он идет со мной, — сказала Либан.

Лойг отправился вместе с ней, и они достигли пределов страны, где находилась Фанд. Приблизилась Либан к Лойгу и, взяв его за плечо, сказала:

— Теперь не уйдешь ты живым отсюда ни за что, если женщина не поможет тебе.

— Непривычно было для нас доселе, — сказал Лойг, — чтобы женщины защищали нас.

— Жаль, очень жаль все же, — сказала Либан, — что не Кухулин здесь сейчас вместо тебя.

— Да и я был бы рад, если б он был здесь вместо меня, — молвил Лойг.

Они двинулись дальше и пришли на берег, против которого лежал остров. Прямо перед собой на воде они увидели бронзовую ладью. Они сели в нее, переправились на остров и подошли к двери дома. Навстречу им вышел муж. Либан обратилась к нему:

Скажи мне, где Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки,
Вождь-повелитель победоносной рати,
Что красит кровью острия копий,
Чью колесницу венчает победа?

Отвечал ей муж:

— Ты вопросила, где Лабрайд Сын Быстроты?
Он не мешкает, он на подвиг скор,
Собирает он свою рать на бой,
Что зальет собой поле Фидги [17] все.

После этого они вошли в дом. Было в нем трижды пятьдесят лож, и трижды пятьдесят женщин были там. Все они приветствовали Лойга:

— Привет тебе, Лойг, ради той, с кем ты пришел! И раз уж ты пришел сюда, то привет тебе ради тебя самого!

— Что ты хочешь делать сейчас, о Лойг? — спросил Либан. — Пойдешь ли ты к Фанд, чтобы поговорить с ней?

— Я пошел бы сейчас, если б знал, где ее найти, — отвечал тот.

— Не трудно сказать, — молвила Либан. — Она в комнате рядом.

Они прошли к Фанд, и она приветствовала их так же, как другие женщины.

(Фанд была дочерью Айда Абрата, имя которого значит *Пламя Ресницы*, а это означает зрачок. Имя же Фанд, дочери его, значит *Слеза*, ибо слеза есть дочь зрачка, из которого она вытекает. Так назвали девушку из-за ее чистоты, а также по причине красоты ее, — ибо не сыскать было в мире другой, подобной ей по красоте.) [18]

В это время они заслышали шум колесницы Лабрайда, подъезжавшего к острову [19].

— Не радостен нынче Лабрайд, — сказала Либан. — Пойдем поговорим с ним.

Они вышли ему навстречу, и она приветствовала его такой речью:

Привет тебе, Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки,
Наследник предков — копьеносцев малых [20],
Что дробишь щиты, ломаешь копья,
Ранишь воинов, сокрушаешь славных!

Ты рвешься в сечу — как в ней ты прекрасен! —
Ты крушишь войска, мечешь богатства,
О герой-вихрь, привет тебе, Лабрайд!
Привет, о Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки!

Ничего не ответил Лабрайд. Снова заговорила девушка:

Привет тебе, Лабрайд, Меч-Быстрый-в-Сече,
Скорый на милость, для всех защитник,
Жадный до боя, ран не бегущий,
С высокой речью, с крепкою правдой,

С доброю властью, смелой десницей,
Разящий в гневе, смиритель бойцов,
Владыка коней! Привет тебе, Лабрайд!
Привет тебе, Лабрайд, Меч-Быстрый-в-Сече!

Но Лабрайд продолжал безмолвствовать. И снова запела девушка:

Привет тебе, Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки,
Из бойцов храбрейший, надменней моря,
Крушитель дерзких, зачинатель битв,
Решето бойцов, защитник слабых,
Смиритель гордых! Привет, о Лабрайд!
Привет тебе, Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки!

— Не мила мне речь твоя, о женщина, — ответил Лабрайд и запел:

Чужда мне гордость, чужда надменность,
Не мутит мне разум обман гордыни!
Трудная битва, тяжкая, злая
Ожидает нас в сверканьи мечей,
Против обильной, сплоченной рати
Врагов — Эохайда Иула племени.

— Порадуйся же, — сказала Либан. — Лойг, возница Кухулина, здесь с нами. Это Кухулин прислал его сюда, и он наверное даст нам войско в подмогу.

Тогда Лабрайд сказал Лойгу:

— Привет тебе, о Лойг, ради женщины, с которою ты прибыл сюда, и ради того, кто послал тебя! Теперь же возвратись к себе, о Лойг: Либан проводит тебя.

Лойг вернулся обратно и поведал Кухулину и другим уладам все, что с ним случилось и что он видел:

Видел страну я добрую, светлую,
Нет там обмана, и ложь неведома,
Видел я еще бойцов короля,
Лабрайда Быстрой-на-Меч-Руки-в-Сече.

Когда проходил я равнину Луад,
Видел на ней я Древо Победы.
На холме одном, в той же равнине,
Видел я пару змей двуглавых.

Когда достиг я светлого места,
Где живет Либан, она мне сказала:
«Мил ты, о Лойг, мне, но все ж милее
Мне был бы Кухулин вместо тебя».

Красота — победа без пролитья крови —
Удел дочерей Айда Абрата.
Фанд так прекрасна — о, блеск славы! —
Что королевам с ней не сравниться.

Там обитает — мне так сказали —
Безгрешное племя отца-Адама [21].
Но красотою Фанд, как я видел,
И всех живущих там превосходит.

Еще я видел бойцов там светлых,
Которые бились разным оружьем,
Также одежды, цветные ткани,
Много прекрасней наших одежд.

На пиру я видел много милых женщин,
Много девушек, прекрасных собою.
А на охоте, средь холмов лесистых,
Там состязались красивые юноши.

В доме — много певцов и музыкантов
Для увеселенья женщин и девушек.
Если б не спешил я скорей обратно,
Я б там предался истоме сладкой.

Прекрасна Этне, когда пред нами
Стоит она на холме высоком.
Но та женщина, что я тебе назвал,
Красотой несравненной отнимает разум.

Слушая его, Кухулин приподнялся на ложе и сидел, закрыв лицо рукою. По мере того как Лойг рассказывал, он чувствовал, как разум его проясняется и силы прибывают.

Немного погодя, Кухулин сказал Лойгу:

— Теперь, о Лойг, пойди разыщи Эмер, жену мою, и расскажи ей все, что со мною было. Скажи ей также, что мне с каждым часом становится лучше. Пусть она придет навестить меня.

Пошел Лойг к Эмер и рассказал ей, в каком положении находится Кухулин.

— Плохо для твоей чести, о Лойг, — сказала ему Эмер, — что, имея дело с сидами, ты не достал от них средства для исцеления твоего господина. Позор уладам за то, что они не ищут способа помочь ему. Если бы Конхобар был ранен, или Фергус впал в сон, или Конал Победоносный получил увечье, — Кухулин быстро бы помог им!

И она запела:

Горе! Тяжкая боль меня охватила
Из-за любимого моего Кухулина,
Сердце и кожа болят у меня,
О если б могла я помочь ему!

Горе! Сердце мое окровавлено
Страданием за бойца равнин,
Что не может он нынче выйти, как встарь,
На собрание в праздник Самайн.

Пригвожден он к своему ложу
Из-за видения, что предстало ему.
Гаснет голос мой, ослабел совсем
От страдания из-за мук его!

Месяц, зиму, лето, целый год уже,
В вечной дреме злой, без доброго сна,
В тяжком молчаньи, слова ласки не слыша,
Лежит, о Лойг, страдая, Кухулин мой!

Быстро собралась Эмер, пришла в Эмайн-Маху, вошла в дом Кухулина и села у его ложа.

— Позор тебе, — сказала она, — что лежишь ты больной из-за любви женщины. От долгого леванья усиливается недуг твой.

Долго говорила она ему так, а потом запела:

О, восстань от сна, герой Улада!
Восстань скорее, бодрый и крепкий!
Вспомни великого короля Эмайн, —
Не мила ему дремота твоя.

Вспомни его могучие плечи,
Рога в доме его, полные пивом!
Вспомни колесницы, что мчатся по равнине,
Игра в шахматы — их геройский бег!

Взгляни на силу его воинов,
На его девушек, благородных и нежных,
На его храбрых царственных вассалов,
На величавых королей его!

Взгляни: подступает уж время зимнее,
Каждый час близит волшебство зимы.
Взгляни на все, что творит она:
Какой долгий холод! Как увяли все краски!

Сон упорный несет хворь, нездоровье,
Долгое леванье отнимает силу,
Сон чрезмерный вреден, как сытому — пища,
Он вестник смерти, ее брат родной.

Стряхни же дрему, этот отдых пьяных,
Отринь ее силой пламенной воли!
Говорю я это из любви к тебе:
О, восстань скорей, герой Улада!

Приподнялся Кухулин, провел рукой по лицу и стряхнул с себя слабость и оцепенение. Он поднялся совсем и пошел к камню, у которого было ему видение. Там снова явилась ему Либан и опять стала звать его в свою страну.

— Где же обитает Лабрайд? — спросил Кухулин.

— Не трудно сказать, — ответила Либан.

И она запела:

Обитает Лабрайд над светлой водою,
Там, где блуждают толпы женщин.
Без труда большого ты туда прибудешь,
Коль отыскать хочешь Лабрайда Быстрого.

Смелая длань его поражает сотни.
Должен быть искусен, кто его опишет.
Чистый пурпур, самый прекрасный —
Вот цвет лица Лабрайда.

Скалит волчью пасть лютая сеча
Под его острым, красным мечом.
Он сокрушает копья диких полчищ,
Дробит щиты — защиту врагов.

Все тело его — зрящее око,
Он не выдаст в бою товарища.
Первый средь всего своего народа,
Он один сразил многие тысячи.

Этот дивный герой, к врагу беспощадный,
Ныне вторгся в страну Эохайда Иула.
Его волосы — золотые ветви,
Его дыханье — аромат вина.

Этот дивный герой, к врагу беспощадный,
Устремил свой набег в дальние области.
Ладьи состязаются в беге с конями
Вокруг острова, где обитает Лабрайд.

Свершитель многих на море подвигов —
Лабрайд Быстрой-на-Меч-Руки.
Не похож он вовсе на псов ленивых,
Защищает он многих, охраняя их сон.

Удила коней его — из красного золота.
Все полно у него драгоценностей.
На хрустальных столбах и на серебряных
Стоит тот дом, где Лабрайд живет.

Два короля обитают в нем:
Лабрайд — один, другой — Файльбе Светлый[22].
Трижды пятьдесят мужей вокруг каждого,
Всех их вмещает один дом.

Каждое ложе — на ножках бронзовых,
Столбы белые позолочены.
Каждое ложе, словно свечой,
Озаряется ярким самоцветным камнем.

Снаружи, пред дверью, со стороны запада,
Там, где заходит солнце вечером,
Пасутся кони с пестрой гривой,
Серой иль темнопурпурной масти.

Пред другой дверью, со стороны востока,
Стоят три дерева, пурпурно-стеклянные,
Птицы на ветвях их сладким пением
Нежат слух детей дома королевского.

Посреди двора стоит дерево,
С ветвей его льется сладкая музыка.
Все из серебра оно, в солнечных лучах
Сияет оно, словно золото.

Трижды двадцать дерев там, ветви которых
То сплетаются вместе, то расходятся.
Каждое питает триста мужей
Плодами обильными, без твердой кожицы.

Есть тайник чудесный в благородном *сиде*,
Трижды пятьдесят в нем цветных плащей,
К каждому из них с краю прилажена
Ярко сверкающая золотая пряжка.

Есть там боченок с веселящим пивом
Для обитателей дома этого.
Сколько бы ни пили, не иссякает,
Не убывает, — вечно он полон [23].

Кухулин отправился вместе с ней в ее страну; он захватил с собой и свою колесницу и Лойга-возницу. Когда они прибыли на остров Лабрайда, все женщины там приветствовали его. В особенности же приветствовала его Фанд.

— Что мы будем теперь делать? — спросил Кухулин.

— Не трудно ответить, — сказал Лабрайд. — Мы пойдем взглянуть на войска врагов.

Они приблизились к вражескому войску и окинули его взором: несметным показалось оно им.

— Теперь удались, — сказал Кухулин Лабрайду.

Тот ушел, и Кухулин остался один подле врагов. Его присутствие выдали врагам два волшебных ворона, которых они создали в помощь себе.

И все войско выстроилось сомкнутым строем, так чтобы нельзя было ворваться в середину его: вся страна, казалось, была занята им.

Рано поутру пошел Эохайд Иул к ручью, чтобы умыть руки. Кухулин узнал его по плечу, просвечивавшему под плащом. Он метнул в него копье, и оно пронзило Эохайда и еще тридцать трех воинов, стоявших позади него. Тогда ринулся на него Сенах Призрак, и долго бились они, но под конец одолел Кухулин и его.

Тем временем подоспел Лабрайд, и враги обратились в бегство пред ними.

Лабрайд попросил Кухулина прекратить побоище. Тогда Лойг сказал ему:

— Я боюсь, как бы господин мой не обратил свой боевой пыл против нас, ибо он еще не насытился битвой. Пойдите и приготовьте три чана с холодной водой, чтобы он остудил в них свой пыл. Он прыгнет в первый чан — и вода закипит в нем; прыгнет затем во второй — и вода в нем станет нестерпимо горяча; и лишь когда он прыгнет в третий чан, вода станет в меру горячей.

Когда женщины увидали Кухулина, возвращающегося с битвы, Фанд запела ему:

Дивный герой на колеснице
Возвращается к нам; он безбород и юн,
Прекрасен и славен его победный въезд
Этим вечером после боя в Фидге.

Не нежную песню парус[24] поет
На колеснице, кровью окрашенной;
Слух поражает гром колесницы,
Мерная песня колес звенящих.

Мощные кони мчат колесницу.
Не оторвать мне от них взора:
Я не видала им подобных,
Они быстрее весеннего ветра.

Пятьдесят золотых яблок в руках его,
Он их бросает и ловит на лету [25].
Не найти короля, ему равного
Ни по кротости, ни по ярости.

На каждой щеке его — два пятнышка:
Одно пятнышко — как алая кровь,
Другое — зеленое, голубое — третье,
Четвертое — нежного цвета пурпура.

Взор его мечет семь лучей света [26],
Лгут говорящие, будто в гневе он слепнет [27],
Над прекрасными его очами —
Изгибы черных, как жучки, бровей.

А на голове бойца дивного —
Об этом знает вся Ирландия —
Три слоя волос разного цвета.
Юн и прекрасен безбородый герой.

Меч в руке его кровавый, разящий.
Рукоятка его — серебряная.
Золотые шишки на щите его,
А края щита — из белой бронзы.

Попирает врагов в лютой сече он,
Рассекает поле пламенной битвы.
Средь всех бойцов не найдете вы
Равного Кухулину юному!

Вот пришел в наши края Кухулин,
Юный герой с равнины Муртемне!

Долго ждали его, и встретили —
Мы, две дочери Айда Абрата.

Капли красной крови стекают
По древку копья, что в руке его.
Клич издает он могучий, грозный.
Горе врагам, что его заслышат!

Затем запела Либан, приветствуя его:

Привет тебе, вепрь победоносный!
О повелитель равнины Муртемне!
Высок твой помысел! Гордость бойцов ты!
Цвет воинства! Испытатель мощи!

Готовый к бою с врагами уладов!
Сердце победы! Алый, как кровь!
Мил взору женщин твой лик прекрасный!
Привет тебе, Кухулин, алый, как кровь!

После этого Кухулин разделил ложе Фанд и пробыл целый месяц подле нее. По прошествии же месяца он простился с ней. Она сказала ему:

— Куда бы ты ни призвал меня на свиданье любви, я приду.

Вскоре после возвращения Кухулина в Ирландию, он призвал Фанд на свиданье любви в Ибур-Кинд-Трахта[28]. Проведала об этом Эмер, жена Кухулина. Она взяла нож и отправилась в назначенное место в сопровождении пятидесяти женщин, чтобы убить девушку.

Кухулин и Лойг сидели в это время и играли в шахматы, не замечая приближения женщин. Но Фанд увидела их и сказала Лойгу:

— Погляди, о Лойг, что я там вижу!

— Что там может быть? — молвил Лойг и посмотрел.

Сказала ему Фанд:

— Оглянись, о Лойг, назад. Тебя подслушивают прекрасные мудрые женщины. Их грудь разукрашена золотом, и у каждой из них по острому ножу голубой стали в правой руке. Подобны свирепым воинам, устремляющимся в бой, эти прекрасные женщины. Вижу я, это — Эмер, дочь Форгала. Изменила она свой пол и нрав.

Сказал Кухулин, обращаясь к Фанд:

Не бойся ничего. Не тронет тебя она.
Взойди на колесницу, сядь на подушку,
Залитую солнцем, под мою защиту.
Я охраню тебя против всех женщин,

Сколько б их ни было, с четырех концов Улада.
Смелое дело Эмер замыслила,
Дочь Форгала, со своими подругами.
Но она не посягнет на тебя, пока ты со мной.

И, обращаясь к Эмер, он продолжал:

Я отступаю перед тобой, о женщина,
Как отступают перед друзьями.
Не поражу я копьем жестоким
Твою дрожащую, занесенную руку.

Я не выбью из руки твоей тонкий нож.
Слаб твой гнев против нас и беспомощен,
Слишком велика сила моя,
Чтоб склониться перед волей женщины.

— Скажи мне, о Кухулин, — сказала Эмер, — что заставило тебя покрыть меня позором пред лицом всех женщин Улада, пред лицом всех женщин Ирландии, пред лицом всех людей чести? Тайно пришла я сюда, но с твердой решимостью. Ибо, при всей гордости своей, ты не можешь покинуть супругу, как бы сильно ни желал этого.

— Скажи мне, о Эмер, — отвечал Кухулин, — для чего ты хочешь помешать мне побыть немного подле этой женщины? Чиста, благородна, светла, достойна короля эта женщина, что прибыла сюда по великим, широким волнам из-за моря. Прекрасна она собой и из высокого рода, искусна в вышиваньи и всяком рукодельи, разумна, тверда в мыслях, рассудительна. Богата она конями и всяким скотом, и нет ничего под сводом небесным, чего бы она ни сделала ради своего милого друга, как бы трудно ни было ей это, если бы он того пожелал. А ты, Эмер, не сыщешь другого бойца, прекрасного, не боящегося ран, победоносного в сече, который был бы равен мне.

— Женщина, к которой ты ныне привязан, — сказала Эмер, — без сомненья, не лучше, чем я. Но, поистине, ведь все красное — красиво, новое — бело, высоко лежащее — желанно, все привычное — горько, все недостающее — превосходно, все изведанное — презренно: в этом вся человеческая мудрость. О супруг мой, некогда была я в чести у тебя, и это могло бы опять быть так, если б ты захотел!

И она впала в великую скорбь.

— Клянусь тебе, — воскликнул Кухулин, — ты мне дорога, и будешь дорога мне, пока живешь!

— Значит, ты покидаешь меня? — спросила Фанд.

— Вернее, меня покидает он, — сказала Эмер.

— Нет! — воскликнула Фанд. — Это меня он покидает. Мне уже давно угрожало это.

Она впала в скорбь и печаль. Стыдно стало ей, что она покинута и так быстро должна вернуться к себе. Страданием стала для нее великая любовь ее к Кухулину, и свою жалобу она излила в песне:

Теперь должна я двинуться в путь,
Милое место я должна покинуть,
Не по воле своей, — честь зовет меня,
Меж тем как я хотела б остаться.

Не дивись же ты, что мне было б милей
Остаться здесь, рядом с тобой,
Под защитой твоей, чем возвращаться
В терем свой, к Айду Абрату.

О Эмер, с тобой остается муж твой,
Он покинул меня, жена прекрасная!
Хотя рука моя не достанет его,
Душа будет стремиться к нему.

Много героев сваталось ко мне
И в доме моем, и в чаще лесной, —
Я отвергла все их исканья,
Блюдя свою недоступность.

Горе приносит любовь к человеку,
Что от любящей отвращает взор свой!
Лучше уйти, чем оставаться,
Когда не встречаешь к себе любви.

Пятьдесят подруг привела с собою
Ты сюда, Эмер светловолосая,
Чтоб напасть на Фанд — о поступок злой! —
Чтоб обидеть ее, чтоб убить ее.

Трижды пятьдесят есть подруг у меня,
Красоты великой, мужа не знавших,
В доме моем, и всегда они
Отстранят обиду, защитят меня.

В это время узнал Мананнан о том, что происходит, — о том, что Фанд, дочь Айда Абрата, супруга его, выдерживает неравную борьбу против жен Улада, и что Кухулин должен покинуть ее. Он поспешил к ней с востока и разыскал ее. Он приблизился к ней так, что никто, кроме нее одной, не увидел его.

Смущенье и раскаянье охватили Фанд, когда она увидела его, и она запела:

Смотрите на Мананнана, сына Лера,
Жителя равнин Эогана Инбира!
Мананнан, высоко стоящий в мире!
Было время, когда я его любила.

Но потом случилось — громкий крик сердца! —
Я его разлюбила ради другого.
Хрупка любовь, идет путем тайным,
Нам не понять его, если б и хотели.

Когда была вместе я с сыном Лера
В терему своем, в замке Инбира,
Казалось нам, что ничто на свете
Никогда не разлучит меня с ним.

Когда, прекрасный, он стал моим мужем,
Я была ему верною супругою.
Золотое запястье мне подарил он,
Как выкуп чести, дар свадебной ночи.

Когда шла я к нему, привела с собой
Пятьдесят девушек в пестрых одеждах
И дала ему пятьдесят мужей
Для службы ему, кроме девушек.

Четырежды пятьдесят — то не вымысел! —
Число людей дома нашего:
Дважды пятьдесят мужей, счастливых, здоровых,
Дважды пятьдесят девушек, прекрасных, цветущих.

Вижу, по морю скачет сюда за мною,
Невидимый взору неразумных людей,
Всадник, покрытый пеной морскою;
Нет нужды ему в ладье деревянной.

Вот прискакал он, уже средь нас он,
Лишь тот его видит, кто из племени сидов:
Он своею мудростью видит всех живущих,
Даже когда они вдали от нас.

Такова судьба моя, — уже свершилась она.
Нет у нас, женщин, в любви разума;
Тот муж, кого так сильно полюбила я,
Нынче принес мне горькое страданье.

Прощай, Кухулин, мой Пес прекрасный!
Честь зовет меня прочь от тебя.
Если не нашла я того, что хотела,
Моим остается право уйти.

Вот настала минута разлуки.
Не с легким сердцем я удаляюсь.
Тяжело оскорбленье, нанесенное мне.
Прощай, о Лойг, сын Риангабара!

Возвращаюсь я к моему супругу,
Который ничем меня не обидит.
Чтоб не сказали, что исчезла я тайно,
Смотрите все, как я удаляюсь.

Окончив речь свою, девушка подошла к Мананнану. Тот приветствовал ее и сказал:

— Добро тебе, девушка! Станешь ли ты теперь ждать Кухулина, или последуешь за мной?

— Вот мое слово,—отвечала она.—Есть среди вас двоих один, которого бы я предпочла иметь своим мужем. Но я последую за тобою и не стану ждать Кухулина, ибо он покинул меня. И еще есть тому причина, о мой милый: подле тебя нет достойной тебя королевы, у Кухулина же есть такая.

Но, когда Кухулин увидел, что девушка удаляется с Мананнаном, он воскликнул:

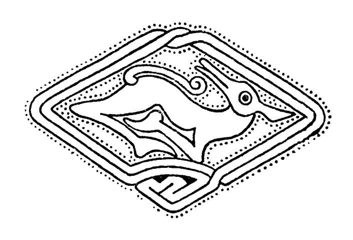
— Что же будет теперь, о Лойг?

— Что будет? — отвечал тот. — Фанд удаляется с Мананнаном, сыном Лера, потому что она не полюбилась тебе.

Тогда Кухулин сделал три великих прыжка [29] вверх и столько же на восток, в сторону Луахайра. И долгое время после этого он жил, не принимая пищи и питья, в горах. Ночевал же он на дороге, ведущей в Мид-Луахайр [30].

Эмер пошла к Конхобару в Эмайн-Маху и рассказала ему, что случилось с Кухулином. Тогда

Конхобар послал певцов, ведунов и друидов за Кухулином, чтобы они взяли его и привели в Эмайн-Маху. Кухулин хотел сначала убить их. Но они запели перед ним волшебные песни свои, крепко держа его за руки и за ноги, пока не начал проясняться его ум. После этого он попросил пить. Они дали ему напиток забвения. И, выпив его, он забыл о Фанд и обо всем, что с ним было. Затем они дали такой же напиток Эмер, ибо и она была в таком же положении. Мананнан же потряс своим плащом между Фанд и Кухулином, чтобы они после этого никогда больше не встречались.

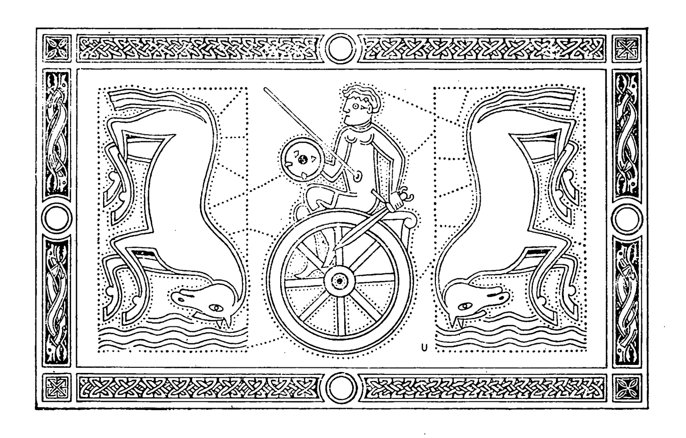

СМЕРТЬ КУХУЛИНА

Из всех саг о Кухулине сага о его смерти — едва ли не самая замечательная как по героическому своему пафосу, так и по сжатой силе выражения. Трагизм здесь — двоякий: Кухулин гибнет жертвою отчасти лежащих на нем роковых «зароков» (см. вступит. статью, стр. 39—40), которые он вынужден нарушить, отчасти — своего собственного благородства.

Сага эта дошла до нас в двух вариантах: древнем, но, к сожалению, неполном, изданном по рукописи около 1100 года Wh. Stokes'ом в «Revue Celtique», т. III, 1882, и в другом, полном, но гораздо более позднем. Несмотря на то, что в древнем варианте недостает начала, мы все же остановили свой выбор на нем. Для понимания начала необходимо дать очерк предшествовавших событий, изложенных в поздней, более подробной версии.

Своими подвигами Кухулин приобрел множество врагов, которые решили, наконец, его уничтожить соединенными усилиями. Во главе предприятия становится королева коннахтская Медб, избравшая момент, когда все улады, за исключением одного Кухулина, пораженные магической болезнью (см. *Недуг уладов*), не в состоянии были сражаться. Таким образом, Кухулин, в качестве защитника страны, должен один принять бой с врагами. Но, предчувствуя, что битва эта будет для него последней, улады пытаются удержать Кухулина. Он, однако, не в силах видеть разорение родного края, производимое вражеским войском. После некоторых колебаний он решает положиться на совет Ниам, жены Конала Победоносного. Тогда враги прибегают к помощи волшебства: в то время как Ниам отлучилась из дома, они создают призрак ее, который убеждает Кухулина выехать на бой. Сохранившийся текст начинается с описания колебаний Кухулина, выступить ли ему против врагов.

НИКОГДА еще до этого дня, — сказал Кухулин, — я не слышал жалоб женщин или детей без того, чтобы помочь им.

Пятьдесят женщин королевского рода преградили ему путь. Цель их была — отвлечь его от выезда на новые подвиги, удержать его в Эмайн-Махе [1]. Принесли также три чана с водой, чтобы, погрузившись в них, он охладил свой боевой пыл [2]. Таким способом удалось удержать его от выезда на бой в этот день.

Враги Кухулина стали ждать до утра. Сыны Калатина [3] расположили свое войско вокруг Эмайн-Махи. Дым пожарищ от зажженных ими сел образовал громадное облако, которое покрыло собою всю Эмайн-Маху. Войско сынов Калатина производило такой шум, что королевский дом в Эмайн-Махе весь сотрясался, и оружие падало со стен. Плохие вести доходили до Кухулина.

Тогда запела Леборхам [4]:

Встань, о Кухулин, встань, чтобы помочь
Жителям равнины Муртемне [5]
Против воинов Лагена, о сын Луга,
О герой, на благо взрощенный,
Обрати на врагов свои дивные боевые приемы.

В ответ ей запел Кухулин:

Оставь меня в покое, о женщина!
Не один я боец в стране Конхобора.
Велики обязанности и заботы мои,
Но не один боец я здесь, о женщина!

Недобрый совет даешь ты мне,
После столь многих и великих трудов
Мне ли итти с охотой
Навстречу смертельным ранам?

Запела Ниам, дочь Кельтхайра, жена Конала Победоносного [6]:

Ты должен итти в бой, о Кухулин,
Лишь ты один поразишь врагов.

Тогда Кухулин бросился к своему оружию. Он надел свой боевой наряд, но в то время как он одевался, пряжка, которою скреплялся плащ, выпала из рук его [7]. Он запел:

Это не вина моего плаща,
Не его трение ранит меня.
Это вина моей пряжки,
Что пронзила мою кожу,
Упав мне на ногу.

Он кончил снаряжаться, схватил свой щит с острыми бортами и бахромой и сказал, обращаясь к Лойгу, сыну Риангабара:

— Милый Лойг, приготовь для нас колесницу.

— Клянусь богом, которым клянется мой народ, — отвечал Лойг, — если б все люди из королевства Конхобара обступили Серого из Махи, то и им бы не удалось впрячь его в колесницу. Никогда до этого дня не давал он тебе предвещания, которое бы не исполнилось. Если хочешь, пойди к Серому сам и вопроси его.

Кухулин подошел к коню. И тот трижды повернулся к нему левым боком [8].

В ночь накануне Морриган разбила колесницу Кухулина. Она не хотела, чтобы он шел в бой, ибо знала, что он не вернется в Эмайн-Маху [9].

Но Кухулин обратился к своему коню и спел ему:

Не таков был твой обычай, о Серый из Махи,
Чтоб отвечать зловещим знаком на мой призыв.

И тогда подошел к нему покорно Серый из Махи, но он уронил две большие кровавые слезы на свои ноги. Кухулин вскочил на колесницу и устремился в сторону юга, по дороге, ведущей в Мид-Луахайр [10].

Стала перед ним женщина, Леборхам, дочь Ауэ и Адарк, раба и рабыни Конхобара, из королевского дома его. Она запела:

Не покидай нас, не покидай нас, Кухулин!
Твое лицо в боевых шрамах — наша защита,
Оно — наше милое счастье.
Горе женщинам.
Горе сынам!
Долгим будет плач о твоей гибели!

Трижды пятьдесят женщин королевского рода из Эмайн-Махи вторили громким голосом той песне.

— Лучше было бы нам не выезжать, — сказал Лойг. — До этого дня сохранял ты в себе целиком силу, полученную тобой от материнского рода.

— Нет, увы! — отвечал Кухулин. — Двигайся в путь, Лойг. Вознице подобает править конями, воину — защищать слабых, мудрому — давать советы, женщинам — сетовать. Вези меня в бой. Стоны ни к чему не служат, они не защитят от врага.

При выезде Лойг сделал колесницей полный оборот вправо. Тогда женщины испустили крик скорби, крик страдания, крик жалобы, ударяя в ладони. Они знали, что Кухулин, их защитник, не вернется живым в Эмайн-Маху, что в этот же день примет он смерть. Они запели:

Стая женщин печальна.
Она проливает обильные слезы.

Кончив петь, они испустили крик скорби, крик страдания. Они знали, что герой Кухулин не вернется обратно.

На пути Кухулина находился дом его кормилицы, взрастившей его. Он заходил к ней всякий раз, когда ехал на юг Ирландии или возвращался с той стороны. У нее всегда был кувшин пива для него. Кухулин выпил пиво и поехал дальше, простившись с кормилицей.

Он ехал по дороге в Мид-Луахайр и миновал равнину Могна. Тут завидел он на своем пути

трех старух, слепых на левый глаз [11]. Они жарили на вертелах из веток рябины собачье мясо, приправляя его ядом и заклинаниями. На Кухулине лежал зарок — не отказываться от пищи с любого очага. Другой зарок лежал на нем — не есть мяса своего тезки [12]. Не задерживаясь, он хотел миновать старух, ибо знал, что ничего доброго для него тут нет. Но одна из старух сказала ему:

— Посети нас, о Кухулин!

— Не пойду я к вам, поистине, — отвечал Кухулин.

— У нас здесь собачье мясо, — сказала старуха. — Будь у нас богатый очаг, ты, конечно, зашел бы. Но, так как то, что у нас есть, ничтожно, ты и не заходишь. Недостойно поступает великий человек, гнушаясь малым.

Тогда Кухулин подошел к ней, и старуха подала ему собачью лопатку левой рукой. И Кухулин стал есть собачье мясо левой рукой и клал его под свою левую ляжку. И левая рука его, которой он брал собачье мясо, и левая ляжка, под которую он клал его, были поражены во всю их длину, и не стало в них прежней крепости.

Поехали Кухулин и Лойг дальше по дороге в Мид-Луахайр. Они обогнули гору Фуат [13]. Когда они оказались с южной стороны ее, спросил Кухулин:

— Что видно впереди нас, милый Лойг?

— Множество жалких врагов, а значит — великая победа.

— Горе мне, — сказал Кухулин и запел:

Я слышу большой шум,
Мы увидим коней темнокрасной масти.

Вот сшибутся щиты, подъятые левой рукой.
Первым падет возничий,
Вслед за ним падут кони пред бойцом.
Увы! Долго водил я в бой воинов Ир-
ландии!..

Кухулин и Лойг продолжали свой путь к югу, по дороге в Мид-Луахайр, пока не завидели замка на равнине Муртемне. Там встретили они врагов. Эрк, сын Кайрпре, павшего от руки Кухулина, запел:

Я вижу несущуюся на нас
Прекрасную, изукрашенную колесницу.
Над ней реет широкое зеленое[14] знамя,
На ней — воин, рвущийся в бой.

— Этот воин стремится сюда, чтобы напасть на нас. Приготовимся же встретить его, — сказал Эрк и запел вновь:

Подымайтесь, мужи Ирландии, подымайтесь!
Пред нами Кухулин воинственный,
Победитель с красным[15] мечом.
Подымайтесь, мужи Ирландии!

— Как построимся мы для битвы? — спросили воины.

— Вот мой совет, — отвечал Эрк. — Вы все родом из четырех разных королевств Ирландии. Соединитесь же в одно тело в бою. Сомкните ваши щиты, чтобы образовать как бы единую стену со всех сторон, и с боков и сверху. На каждом из углов выдвиньте вперед по три человека; двое из них должны быть из числа сильнейших воинов, и пусть они бьются друг с дру-

гом[16], третьим же пусть будет возле них заклинатель. Он попросит Кухулина одолжить его копье, по имени Славное-из-Славных. Просьба заклинателя будет иметь такую силу, что Кухулин не сможет отказать в копье[17], и тогда оно будет пущено в него. Есть пророчество, что копье это должно поразить короля[18]. Если мы выпросим это копье у Кухулина, то не в ущерб нам свершится пророчество. Испустите крик тоски и крик призыва на помощь, — и пыл Кухулина и его. коней помешает ему запеть и начать вызывать нас на единоборство поодиночке, как он делал это в боях за быка из Куальнге[19].

Как сказал Эрк, так и было сделано.

Совсем приблизившись к войску, Кухулин на своей колеснице сделал три своих громовых приема[20]: гром ста, гром трехсот, гром трижды девяти мужей.

Подобно удару метлы, гонящей пред собой врагов на равнине Муртемне, настиг он вражеское войско и занес над ними свое оружие. Он работал одинаково как копьем, так и щитом и мечом; он пустил в ход все свои боевые приемы.

И сколько есть в море песчинок, в небе — звезд, у мая — капелек росы, у зимы — хлопьев снега, в бурю — градин, в лесу — листьев, на равнине Брега[21] — колосьев желтой ржи и под копытами ирландских коней — травинок в летний день, — столько же половин голов, половин черепов, половин рук, половин ног и всяких красных костей покрыло всю широкую равнину Муртемне. И стала серой равнина от мозгов

убитых после этого яростного побоища, после того как Кухулин поиграл там своим оружием.

Завидел Кухулин на краю вражеского войска двух бойцов, бьющихся друг с другом: казалось, нельзя их было оторвать друг от друга.

— Позор тебе, о Кухулин,— воскликнул заклинатель, — если ты не разнимешь этих двух людей.

Кухулин бросился на них и нанес каждому такой удар кулаком по голове, что мозг выступил у них наружу через уши и нос.

— Ты разнял их, — сказал заклинатель, — они больше не причинят зла друг другу.

— Они не были бы приведены в спокойствие, если бы ты не попросил меня вмешаться, — отвечал Кухулин.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Кухулин, — у тебя не больше нужды в нем, чем у меня. Мужи Ирландии нападают сейчас на меня, и я бьюсь с ними.

— Я сложу злую песню на тебя, если ты не дашь его, — сказал заклинатель.

— Никогда еще не бывал я проклят и опозорен за отказ в даре или за скупость.

С этими словами Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и поразило насмерть еще девять человек, стоявших за ним.

И Кухулин проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Лугайд, сын Курои, поднял смертоносное копье, что, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Кто падет от этого копья, о сыны Калатина? — спросил Лугайд.

— Король падет от этого копья, — отвечали те.

Тогда Лугайд метнул копье в колесницу Кухулина, и оно попало в Лойга, сына Риангабара, так что его внутренности выпали на подушку колесницы. Сказал Лойг:

— Я получил тяжкую рану.

Кухулин вытащил копье из раны и простился с Лойгом. И сказал он:

— Сегодня я буду и бойцом, и возницей.

И снова проехал он на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Когда он достиг края войска, он завидел других двух бойцов, бьющихся друг с другом, с заклинателем возле них.

— Позор тебе, о Кухулин, если ты не разнимешь нас, — сказал один из бившихся.

В ответ Кухулин кинулся на них и отбросил одного вправо, другого влево, с такой силой, что они упали мертвыми у подножия соседней скалы.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Кухулин, — у тебя не больше нужды в нем, чем у меня. Моей руке, моему мужеству и моему оружию надлежит сегодня очистить равнину Муртемне от войска четырех королевств Ирландии.

— Я сложу злую песню на тебя.

— Не должен я дважды в один день исполнять одну просьбу. Я уже выкупил свою честь, исполнив просьбу в первый раз.

— Я сложу злую песню на Улад из-за тебя,— сказал заклинатель.

— Никогда еще до этого дня не падали на Улад позор и проклятье за отказ мой в даре или за скупость. Хоть мало осталось мне жизни, не подвергнется Улад сегодня бесчестию.

И Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и поразило насмерть еще девять человек, стоявших за ним.

И Кухулин проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Эрк, сын Кайрпре, Геройского Воина, поднял смертоносное копье, что, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Что совершит это копье, о сыны Калатина? — спросил сын Кайрпре.

— Не трудно сказать. Король падет от этого копья, — отвечали сыны Калатина.

— Я уже слышал, как вы говорили, что от этого копья падет король, еще в тот раз, когда его метнул Лугайд.

— Так и вышло, — сказали сыны Калатина, — ибо от него пал король возниц Ирландии, возница Кухулина, Лойг, сын Риангабара.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Эрк, — король, о котором вы говорите, еще не тот король, которого Лугайд должен поразить этим копьем.

И Эрк метнул копье в Кухулина, и оно попало в Серого из Махи.

Кухулин вытащил копье из раны. Он и конь его простились друг с другом. Серый из Махи покинул его, убежал, унося на своей шее половину дышла, и бросился в Серое Озеро, у горы

Фуат. Из озера этого добыл его Кухулин, и в озеро это вернулся он, насмерть раненный.

— Сегодня, — сказал Кухулин, — я буду на колеснице с одним конем и с половиной дышла.

Кухулин уперся ногой в край сломанного дышла и еще раз проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

И завидел он вновь двух бойцов, бьющихся друг с другом, с заклинателем возле них. И он разнял их таким же образом, как и те две другие пары бойцов, которых встретил раньше.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— У тебя не больше нужды в нем, чем у меня, — ответил Кухулин.

— Я сложу злую песню на тебя.

— Я достаточно сделал для своей чести сегодня. Не должен я в один день исполнять одну просьбу больше одного раза.

— Я сложу злую песню на Улад из-за тебя.

— Я достаточно сделал для чести Улада сегодня, — сказал Кухулин.

— Я сложу злую песню на твой род, — сказал заклинатель.

— Не хочу я, чтоб до земель, в которых я не бывал, дошел слух о моем бесславии. Мало же осталось мне жизни!

И Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и еще трижды девять других мужей.

— Это дар гнева, о Кухулин, — сказал заклинатель.

И Кухулин в последний раз проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Лугайд, сын Курои, поднял смертоносное копье, что, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Что совершит это копье, о сыны Калатина? — спросил он.

— Король падет от него, — отвечали сыны Калатина.

— Слышал я это от вас, когда его метнул Эрк сегодня утром.

— Так и вышло, — сказали сыны Калатина, — ибо от него пал король коней Ирландии, Серый из Махи.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Лугайд, — удар, нанесенный Эрком, не поразил еще того короля, которого должно убить это копье.

И Лугайд метнул копье в Кухулина, и оно попало в него, так что его внутренности выпали на подушку колесницы. Тогда Черный из Чудесной Равнины убежал, унося с собой остатки дышла. Он достиг Черного озера при Мускрайг Тире [22], того места, откуда Кухулин добыл его. Конь бросился в озеро, и оно закипело. Остался Кухулин один на колеснице на поле битвы.

— Я хотел бы, — сказал он, — добраться до того озера, чтобы испить воды из него.

— Мы это тебе разрешаем, — был ему ответ, — с условием, что ты вернешься к нам обратно.

— Прошу вас притти за мной, — сказал Кухулин, — если я не смогу сам вернуться.

Он подобрал свои внутренности и дошел до озера, придерживая их на ходу рукой. Он испил воды и выкупался в озере, придавливая живот рукою: вот отчего озеро при равнине Муртемне зовется Озером Помогающей Руки.

Испив воды и выкупавшись, Кухулин прошел несколько шагов. Он попросил своих врагов подойти к нему. Большой отряд воинов приблизился к нему. Кухулин устремил взор на них. Он подошел к высокому камню[28], что был на равнине, прислонился к нему и привязал себя к нему поясом, ибо он не хотел умереть, ни сидя, ни лежа, но хотел умереть стоя.

Тогда воины окружили его, но они не осмеливались тронуть его, ибо им казалось, что он еще жив.

— Позор вам, — сказал Эрк, сын Кайрпре Геройского Воина, — если вы не снимете с него голову и не отомстите за моего отца, которому он снял голову.

И тогда прискакал Серый из Махи к Кухулину, чтобы защищать его, пока еще была в нем душа и исходил луч света от чела его. Три кровавых натиска совершил Серый из Махи из-за Кухулина, именно, своими зубами он убил пятьдесят, а каждым из своих копыт — по тридцати воинов. Потому-то и говорится: «Не бывает более сокрушительного натиска, чем совершонный Серым из Махи после смерти Кухулина».

Потом слетелись птицы и сели на плечи Кухулина.

— Не бывал он раньше столбом для птиц,— сказал Эрк, сын Кайрпре.

Лугайд ухватился за волосы Кухулина из-за спины его и отрубил ему голову. Тогда выпал меч из руки Кухулина и, ударив правую руку Лугайда, отсек ее, так что она упала на землю. В отмщение за это была отсечена правая рука у Кухулина [24].

После этого войско двинулось в путь, унося с собой голову Кухулина и правую его руку. Оно прибыло в Темру [25]. Там и были погребены голова Кухулина и его правая рука вместе со щитом.

Кенфайлад, сын Айлиля [26], сложил песню:

Он пал, Кухулин, прекрасный столб,
Сильный воин, могучий муж-защитник!
Он восстал, более мощный, чем целое войско,
На сына трех псов [27] — Лугайда, сына Курои.
Его лютая храбрость повергла множество врагов,
Смерть его не была смертью труса.
Четырежды восемь воинов и четырежды десять
И четыреста сорок — о грозный подвиг! —
И еще четырежды двадцать — все жертвы его славы! —
Пали под ударами сына Суалтама.

Затем войско двинулось дальше в сторону юга. Оно достигло реки Лиффея [28]. Прибыв туда, Лугайд сказал своему вознице:

— Пояс мой стал мне тяжел. Я хотел бы выкупаться.

Он отделился от войска и стал купаться. Войско же пошло дальше. Рыба скользнула между ног Лугайда; он поймал ее, вынул из воды и отдал своему вознице. Тот развел огонь, чтобы ее изжарить. Тем временем войско уладов [29] двигалось с севера, со стороны Эмайн-Махи. Оно подходило к горе Фуат, чтобы взимать там дань.

Кухулин и Конал Победоносный были двумя соперниками в подвигах [30], и был заключен между ними договор: тот из них, кто будет убит первым, будет отомщен другим. «Если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь ты за меня?» — спросил Кухулин. «В тот же день, в какой ты будешь сражен, я отомщу за тебя еще до вечера», — ответил Конал. «А если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь за меня ты?» — «Я не дам остынуть твоей крови на земле, — ответил Кухулин, — как ты уже будешь отомщен».

Конал был на своей колеснице, во главе войска уладов, у горы Фуат. Там встретил он Серого из Махи, всего в крови, бежавшего к Серому озеру. Запел Конал:

Если конь этот с дышлом мчится к Серому озеру,
Значит — пролилась кровь, разбиты колесницы,
Рассечены и отняты щиты,
Пролилась кровь людей и коней
Вокруг правой руки Лугайда.

— Лугайд, сын Курои, сына Даре, убил моего молочного брата Кухулина, — сказал он.

И Конал, ведомый Серым из Махи, стал осматривать всю местность кругом. И они увидели тело Кухулина у высокого камня. Подошел Серый из Махи и положил свою голову на грудь Кухулина.

— Великая печаль Серому из Махи — это тело, — сказал Конал.

Неподалеку оттуда Конал увидел вал.

— Клянусь клятвой моего народа, — сказал Конал, — этот вал будет зваться Валом Великого Вонна.

После этого Конал устремился дальше по следам войска. Лугайд купался в это время.

— Погляди вокруг, — сказал он вознице, — чтобы кто-нибудь не приблизился к нам незамеченным.

Тот посмотрел.

— Какой-то всадник [31] приближается к нам. Велика поспешность и быстрота, с какой он несется. Словно все вороны Ирландии носятся над ним, а перед ним будто от хлопьев снега пестреет равнина.

— Не мил мне этот всадник, который так спешит, — сказал Лугайд. — Это Конал Победоносный на своем коне Красной Росе. То, что кажется тебе птицами, носящимися над ним, это комья земли, кидаемые копытами его коня, а то, что кажется хлопьями снега, от которых пестреет перед ним равнина, это пена с морды коня, падающая с удил. Посмотри еще, по какой дороге направляется он.

— Он направляется к броду, — отвечал возница, — по той дороге, которой прошло наше войско.

— Пусть бы этот всадник миновал нас, — сказал Лугайд, — не мила нам боевая встреча с ним.

Когда Конал Победоносный достиг середины брода, он посмотрел в обе стороны.

— Вот два чужих воина, — сказал он.

Трижды посмотрел он на них.

— Прежде, чем продолжать путь, — сказал он, — надо разузнать, что это за люди.

И он подъехал к ним.

— Приятно видеть лицо должника, — воскликнул Конал Победоносный, — когда можно потребовать от него уплаты долга. Я твой заимодавец, а ты, убийца моего товарища Кухулина, мой должник. За этим-то долгом я и явился.

— Твое требование — не по праву, — отвечал Лугайд. — Иск твой будет законным только при условии, если бой между нами произойдет не здесь, а в Мумане [32].

— Я согласен, — сказал Конал, — с тем только, чтобы нам ехать туда не общей дорогой, дабы не быть нам вместе и не разговаривать в пути.

— Это не трудно сделать, — отвечал Лугайд. — Я поеду через Бел-Габруйн, Габар и Майрг-Лаген, а ты другой дорогой, и мы съедемся в Аргетросе [33].

Лугайд прибыл на место первым. Вскоре явился и Конал, который тотчас метнул в него копье. Лугайд в то мгновение, когда был поражен копьем, упирался ногой в высокий камень на равнине Аргетрос: вот почему один из камней на ней зовется Камнем Лугайда.

Получив эту первую рану, Лугайд стал отступать до местности, называемой ныне Могилой Лугайда, подле мостов Оссойрге [34]. Там бойцы обменялись речами.

— Я хотел бы, — сказал Лугайд, — чтобы ты поступил по правде людской.

— Что это значит? — спросил Конал Победоносный.

— А то, что ты должен биться одной рукой, ибо у меня лишь одна рука.

— Пусть будет так, — сказал Конал Победоносный.

И они привязали одну руку Конала к его боку. После этого они стали биться [35] и бились от одной стражи дня до другой [36], но ни один из них не мог одолеть другого.

Видя, что он не может сам одолеть противника, Конал Победоносный глянул на своего коня, Красную Росу, стоявшего возле. У коня этого голова была как у пса [37], и он имел обычай грызть людей в битвах и при единоборствах. Подскочил конь к Лугайду и вырвал у него кусок тела из бока, так что внутренности его упали к его ногам.

— Горе мне! — вскричал Лугайд. — Не по правде людской поступил ты, Конал.

— Я поручался лишь за себя, — отвечал тот, — а не за зверей и неразумных существ.

— Знаю я теперь, — сказал Лугайд, — что не уйдешь ты, не унеся с собой мою голову, как мы унесли голову Кухулина. Бери же, мою голову в придачу к твоей голове и мое княжество — к твоему княжеству, и мое оружие — к твоему оружию. Согласен я на то,

чтобы ты отныне был первым героем Ирландии.

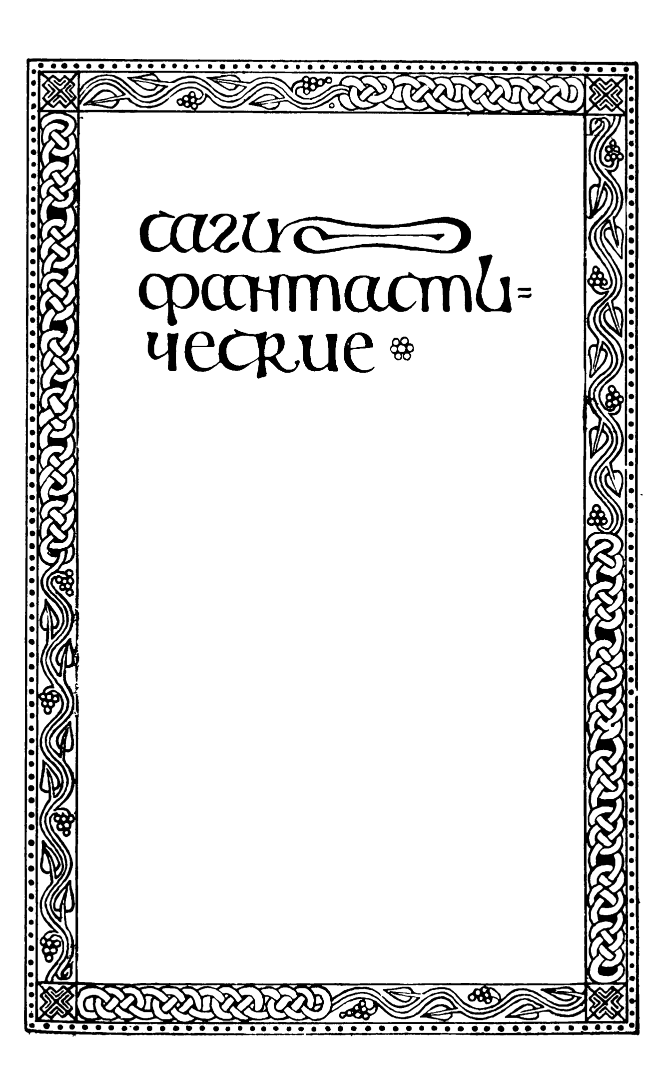
И Конал Победоносный отрубил голову Лугайду, сыну Курои.

Он уехал, увозя с собой эту голову. Он настиг войско уладов в Ройрене[38], что в Лагене.

Улады не нашли в себе мужества, чтобы вступить с торжеством в Эмайн-Маху в эту неделю. Мужество это принадлежало лишь Кухулину. Его душа явилась пятидесяти женщинам королевского рода, которых его выезд на бой поверг в скорбь. Предстало зрелище невиданное: колесница Кухулина в воздухе, над Эмайн-Махой; и, стоя на ней, Кухулин, мертвый, пел:

О Эмайн-Маха. О Эмайн-Маха,
Великое, величайшее сокровище.

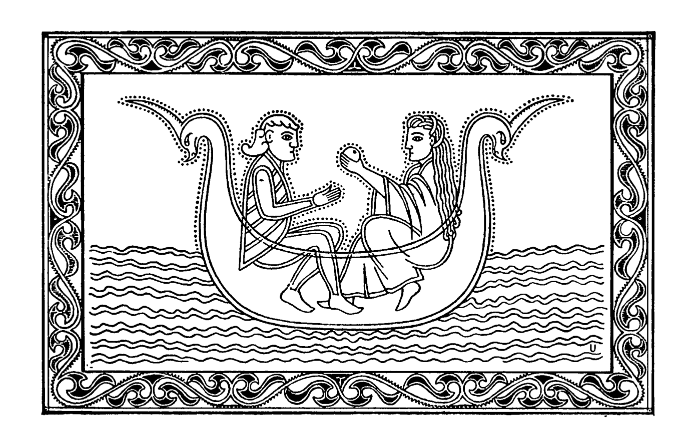

саги
фантасти=
ческие

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КОНДЛЫ ПРЕКРАСНОГО, СЫНА КОНДА СТА-БИТВ

С излюбленным в ирландской поэзии мотивом плавания смертного в «Страну блаженства» (ср. *Плавание Брана*) в этой саге соединился столь же распространенный у кельтов мотив любви феи-*сиды* к смертному (см. вступит. статью, стр. 35). При этом произошло характерное для сказочной фантазии смешение: обиталище феи — и волшебные холмы Ирландии («*сиды*»), и в то же время — заморская «Страна юности». Более подробно последняя изображена в *Плавании Брана*. Однако данная сага содержит два важных добавочных образа: 1) стеклянную ладью (стекло часто связано с образом «того света»; потусторонний волшебный остров в легендах о короле Артуре зовется «Стеклянным островом»), и 2) чудесное яблоко, соответствующее серебряной ветви в *Плавании Брана*. (Остров *Авалон*, куда фея Моргана уносит для исцеления и блаженной жизни тяжко раненого короля Артура, означает: «Остров яблок»; вспоминаются также яблоки чудесного сада Гесперид, на краю земли).

Мифическая тема саги искусственно приурочена к истории королей Конда и Арта, живших во II веке н. э. Последний христианский редактор или переписчик саги вложил в уста феи-*сиды* стихи, в которых она предсказывает, что скоро на смену религии друидов придет новая вера. Эти стихи, искажающие смысл саги, мы опустили в переводе, отметив этот пропуск многоточием.

Текст издан E. Windisch'ем, «Kurzgefasste irische Grammatik», Leipz., 1879.

ПОЧЕМУ прозван Арт Одиноким? Не трудно сказать.

Однажды Кондла Красный, сын Конда Ста-Битв [1], был вместе с отцом в верхнем Уснехе [2], когда увидел он женщину в невиданной одежде, приближавшуюся к нему.

— О женщина, откуда пришла ты?—спросил он.

— Я пришла,— отвечала женщина,— из страны живых, из страны, где нет ни смерти, ни невзгод. Там у нас длится беспрерывный пир, которого не надо готовить,— счастливая жизнь вместе, без распрей. В большом *сиде* [3] обитаем мы, и потому племенем *сидов* зовемся мы.

— С кем говоришь ты, мальчик?— спросил Конд сына, ибо никто не видел женщины, кроме одного Кондлы.

Отвечая за него, запела женщина:

Он ведет беседу с юной женщиной,
Прекрасной, из благородного племени,

Которой не коснутся ни дряхлость, ни смерть.
Я полюбила Кондлу Красного
И зову его на Равнину Блаженства,
Где царит король победоносный —
В стране, где нет ни жалоб, ни страданья
С той поры, как он в ней царствует.

И она продолжала, обращаясь к Кондле:

Пойдем со мной, о Кондла с украшенной шеей [4],
О Кондла Красный, алый, как пламя!
Золотой венец покроет твой пурпурный лик,
Чтоб почтить твой царственный образ.
Пожелай лишь — и никогда не увянут
Ни юность, ни красота твоих черт,
Пленительных до скончания века.

Тогда Конд обратился к друиду своему, по имени Коран, за помощью: ибо все слышали слова женщины, самой же ее не видел никто.

Прошу тебя, о Коран, помоги мне!
Ты владеешь могучими песнями,
Владеешь могучей тайной мудростью.
На меня напала сила некая,

Большая, чем разум мой и власть моя.
Никогда еще не являлся мне враг такой,
С той поры как принял я власть царскую.
Ныне борюсь я с образом невидимым,

Он одолевает меня чарами,
Хочет похитить сына моего,
Песнями женскими волшебными
Вырвать его из царственных рук моих.

И друид спел такое сильное заклятие, что неслышен для всех стал голос женщины, и сам Кондла перестал видеть ее. Но прежде чем удалиться от песен друида, женщина дала Кондле яблоко. И целый месяц Кондла не ел и не пил ничего, ибо ничто не казалось ему вкусным с той поры, как он отведал этого яблока. Но, сколько ни съедал он его, оно не уменьшалось и оставалось цельным. Тоска охватила Кондлу по женщине, которую он один раз увидел.

Однажды, по прошествии месяца, был он вместе с отцом своим в Маг-Архоммине[5], когда вновь увидел он ту же женщину, приближавшуюся к нему. Она запела ему:

На высоком месте сидишь ты, Кондла,
Среди смертных, среди всего тленного,
Ожидая смерти —ужаса великого.
Вечно-живущие зовут тебя!

Ты герой в глазах людей Тетраха[6],
Каждый день на тебя взирающих,
Когда ты бываешь в собрании
Твоих родных, близких и милых тебе.

Как только заслышал Конд голос женщины, сказал он людям своим:

— Позовите друида ко мне. Вижу я, сегодня заговорил вновь язык ее.

Тогда женщина запела:

О Конд Ста-Битв,
Не милы больше друиды,
Настал конец силе их.
. . . .[7]

Дивился Конд тому, что ни на какие речи не отзывался Кондла, лишь одно повторяя: «Вот пришла эта женщина!»

— Разумеешь ли ты, о Кондла, то, что говорит женщина? — спросил Конд.

Отвечал Кондла:

— Говорит она то, что легко бы сделать мне, если бы не любовь моя к близким моим. Тоска по этой женщине охватила меня.

В ответ ему запела женщина:

Давно влечет тебя сладкое желанье,
Со мной за волну унестись ты хочешь.
Если войдешь в мою стеклянную ладью,
Мы достигнем царства Победоносного.

Есть иная страна, далекая,
Мила она тому, кто сыщет ее.
Хоть, вижу я, садится уж солнце,
Мы ее, далекой, достигнем до ночи.

Радость вселяет земля эта
В сердце всякого, кто гуляет в ней,
Не найдешь ты там иных жителей,
Кроме одних женщин и девушек.

Едва девушка кончила речь свою, как Кондла, покинув своих, прыгнул в стеклянную ладью. И вскоре люди могли лишь едва-едва различить ее в такой дали, насколько хватало их зрения. Так-то уплыл Кондла с девушкой за море, и никто с тех пор больше не видел их и не узнал, что с ними сталось.

В то время, как все оставшиеся были погружены в раздумье, к ним подошел Арт.

— Теперь Арт стал одиноким, — сказал Конд. — Поистине, нет больше у него брата.

— Истинное слово молвил ты, — сказал Коран. — Так и будут отныне звать его: *Арт Одинокий*.

И осталось за ним это имя.

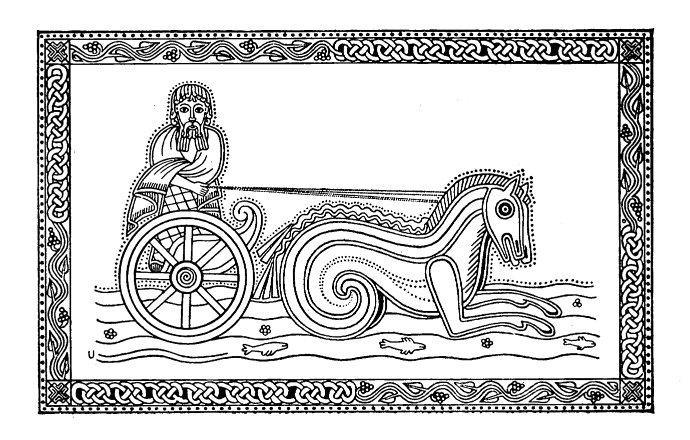

ПЛАВАНИЕ БРАНА, СЫНА ФЕБАЛА

Сага эта представляет собою одну из многочисленных вариаций ирландской легенды о плавании в «чудесную, потустороннюю страну». В основе ее лежит древнее языческое представление кельтов о «том свете», осложненное некоторыми чертами, заимствованными из христианских сказаний о «земном рае», а также, быть может, из античных мифов.

Композиция ее — весьма свободная. В середину ее вставлен эпизод о морском боге, предсказывающем свое будущее воплощение на земле (см. вступит. статью, стр. 37). Сверх того монах-переписчик совершенно механически внес несколько строф чисто христианского содержания. Эти последние, ничем с остальным не связанные, мы опустили в нашем переводе (см. прим. 6 и 8). Выразительность саги, сюжетно весьма бедной, сосредоточена в лирических описаниях.

Текст, сложившийся по меньшей мере уже в VII веке, издан, в сопровождении обширного историко-литературного и мифологического исследования, в книге: K. Meyer and A. Nutt, «The Voyage of Bran», 2 тт., Lond., 1895—1897.

Двадцать два четверостишия спела женщина неведомых стран, став среди дома Брана, сына Фебала [1], когда его королевский дом был полон королей, и никто не знал, откуда пришла женщина, ибо ворота замка были заперты.

Вот начало повести. Однажды Бран бродил одиноко вокруг своего замка, когда вдруг он услышал музыку позади себя. Он обернулся, но музыка снова звучала за спиной его, и так было всякий раз, сколько бы он ни оборачивался. И такова была прелесть мелодии, что он, наконец, впал в сон. Когда он пробудился, то увидел около себя серебряную ветвь с белыми цветами на ней, и трудно было различить, где кончалось серебро ветви и где начиналась белизна цветов.

Бран взял ветвь в руку и отнес ее в свой королевский дом. И, когда все собрались там, им явилась женщина в невиданной одежде, став

среди дома. И вот тогда она пропела Брану двадцать два четверостишия, и все собравшиеся слушали и смотрели на женщину.

Она пела:

Ветвь яблочного дерева из Эмайн [2]
Я несу, всем вам ведомую [3].
На ней веточки из белого серебра.
Бровки хрустальные с цветами.

Есть далекий, далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей [4],
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырех ногах стоит остров.

Радость для взоров, обитель славы —
Равнина, где сонм героев предается играм.
Ладья равняется в беге с колесницей
На южной равнине, на Серебристой Поляне.

Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блистающих до конца времен.
Милая страна, вовеки-веков,
Усыпанная множеством цветов.

Есть там древнее дерево в цвету,
На котором птицы поют часы [5].
Славным созвучием голосов
Возвещают они каждый час.

Сияет прелесть всех красок
На равнинах нежных голосов.
Познана радость средь музыки
На южной, туманной Серебристой Поляне.

Там неведома горесть и неведом обман
На земле родной, плодоносной,

Нет ни капли горечи, ни капли зла.
Все — сладкая музыка, нежащая слух.

Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости,
Вот — истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда.

Прекрасна страна чудесная,
Облик ее любезен сердцу,
Ласков для взора вид ее,
Несравненен ее нежный туман.

Взгляни на Страну Благодатную:
Море бьет волной о берег и мечет
Драконовы камни и кристаллы;
Волоски кристаллов струятся с его гривы.

Богатство, сокровище всех красок
Ты найдешь в Милой Стране, прекрасно-влажной.
Там ты слушаешь сладкую музыку,
Пьешь лучшее из вин.

Золотые колесницы на Равнине Моря
Несутся с приливом к солнцу,
Серебряные колесницы на Равнине Игр
И бронзовые, без изъяна.

Желто-золотые кони там, на лужайке,
Иные — красной масти,
Иные еще, с шерстью на спинах,
Небесно-голубой масти.

С восходом солнца придет
Прекрасный муж и осветит равнины.

Он едет по прекрасной приморской равнине,
Он волнует море, обращая его в кровь.

Будут плыть мужи по светлому морю
В страну — цель их поездки.
Они пристанут к блистающему камню,
Из которого несется сто песен.

Песнь несется к плывущим,
Несется долгие века, беспечальная.
Звучен напев стоголосых хоров,
Они избыли дряхлость и смерть.

О многовидная морская Эмайн,
И близкая и далекая,
С тысячами женщин в пестрых одеждах,
Окаймленная светлым морем!

Из вечно тихого, влажного воздуха
Капли серебра падают на землю.
Белая скала у морской гряды
Получает свой жар от солнца.

Мчатся мужи по Равнине Игр —
Прекрасная игра, не бессильная.
В цветистой стране, средь красоты ее,
Они избыли дряхлость и смерть.

Слушать музыку ночью,
Гулять в Стране Многоцветной,
В стране цветистой — о венец красы! —
Где мерцает белое облако!

Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана, от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них, или втрое [6],

Пусть же Бран средь мирской толпы
Услышит мудрость, ему возвещенную.
Предприми плаванье по светлому морю:
Быть может, ты достигнешь Страны Женщин.

Вслед за этим женщина покинула их, и они не знали, куда она ушла; и она унесла ветвь с собою. Ветвь выпала из руки Брана и перешла в руку женщины, и в руке Брана не было силы, чтобы удержать ветвь.

На другой день Бран пустился в море. Трижды девять мужей было с ним. Во главе каждых девяти был один его молочный брат и сверстник. После того как он пробыл в море два дня и две ночи, он завидел мужа, едущего навстречу ему по морю на колеснице. Этот муж спел ему двадцать два четверостишия; он назвал ему себя, — сказал, что он Мананнан, сын Лера [7].

Он спел ему:

Чудно, прекрасно Брану
В ладье на светлом море.
Для меня же, едущего на колеснице издалека,
Цветущая долина — то море, где плывет он.

То, что светлое море для Брана,
Плывущего в ладье с кормою, —
Радостная равнина с множеством цветов
Для меня, с моей двухколесной колесницы.

Бран видит множество волн,
Плещущих среди светлого моря, —
Я вижу, на Равнине Забав —
Цветы с красными головками, без изъяна,

Кони Лера блистают летом
Всюду, сколько хватает взора Брана.
Реки струят свой медвяный поток
В стране Мананнана, сына Лера.

Блеск зыбей, средь которых ты находишься,
Белизна моря, по которому плывешь ты,
Это — расцвеченная желтым и голубым
Земля, — она не сурова.

Пестрые лососи прыгают из недр
Белого моря, на которое глядишь ты:
Это—телята, разных цветов телята,
Ласковые, не бьющие друг друга.

Хоть видна тебе лишь одна колесница
В Счастливой Стране, обильной цветами, —
Много коней на ее пространствах,
Хотя для тебя они и незримы.

Велика равнина, много в ней мужей,
Краски блистают светлым торжеством.
Серебряный поток, золотые одежды —
Все приветствует своим обилием.

В прекрасную игру, самую радостную,
Они играют, вином опьяняясь,
Мужи и милые женщины, под листвою,
Без греха, без преступления.

Вдоль вершин леса проплыла
Твоя ладья через рифы.
Лес с прекрасными плодами
Под кормой твоего кораблика.

Лес дерев цветущих, плодовых, —
Среди них лоза виноградная, —
Лес не вянущий, без изъяна,
С листьями, цвета золота.
. . . . [8]
Это облик, тобою зримый, —
Он придет в твои края, в Ирландию,
Ибо мне надлежит путь к дому
Женщины из Лине-Мага.

Пред тобой Мананнан, сын Лера,
На колеснице, в обличьи человека.
Им будет рожден — на короткую жизнь —
Прекрасный муж с белым телом.

Он будет усладой холмов волшебных[9],
Он будет любимцем в доброй стране,
Он поведает тайны — поток мудрости —
В мире, не внушая страха к себе.

Он примет облик всякого зверя
И в голубом море, и на земле.
Он будет драконом пред войсками,
Он будет волком во всяком лесу.

Он будет оленем с серебряными рогами
В стране, где катятся колесницы,
Он будет лососем в глубоком озере,
Он будет тюленем, он будет прекрасным белым
лебедем.
Он будет, спустя долгие века,
Много лет прекрасным королем.
Он сокрушит полки — славная ему будет
могила,
Он зальет кровью равнины, оставляя след
колес.

Среди королей и витязей
Он будет героем прославленным.
На высокой твердыне уготовлю я
Ему кончину достойную.

Высоко я поставлю его средь князей.
Его одолеет сын заблуждения [10].
Мананнан, сын Лера, будет
Его отцом и наставником.

Он будет — кратка его жизнь! —
Пятьдесят лет в этом мире.
Драконов камень морской поразит его
В бою при Сенлаборе.

Он попросит испить из Лох-Ло [11],
Устремив взор на поток крови.
Белая рать унесет его на колесах облаков
В обитель, где нет скорби.

Пусть усердно гребет Бран, —
Недалеко до Страны Женщин.
Эмайн многоцветной, гостеприимной,
Ты достигнешь до заката солнца.

После этого Бран поплыл дальше. Вскоре он завидел остров. Бран стал огибать его. Большая толпа людей была на острове, хохотавших, разинув рот [12]. Они все смотрели на Брана и его спутников и не прерывали своего хохота для беседы с ним. Они смеялись беспрерывно, глядя плывущим в лицо. Бран послал одного из своих людей на остров. Тот тотчас же присоединился к толпе и стал хохотать, глядя на плывущих, подобно людям на острове. Бран обогнул весь

остров. Всякий раз, как они плыли мимо этого человека, его товарищи пытались заговорить с ним. Но он не хотел говорить с ними, а лишь глядел на них и хохотал им в лицо. Имя этого острова — Остров Радости. Так они и оставили его там.

Вскоре после этого они достигли Страны Женщин и увидели царицу женщин в гавани.

— Сойди на землю, о Бран, сын Фебала! — сказала царица женщин. — Добро пожаловать!

Бран не решался сойти на берег. Женщина бросила клубок нитей прямо в него. Бран схватил клубок рукою, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула ладью в гавань. Они вошли в большой дом. Там было по ложу на каждых двоих — трижды девять лож. Яства, предложенные им, не иссякали на блюдах, и каждый находил в них вкус того кушанья, какого желал. Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много, много лет.

Тоска по дому охватила одного из них, Нехтана, сына Кольбрана. Его родичи стали просить Брана, чтобы он вернулся с ними в Ирландию. Женщина сказала им, что они пожалеют о своем отъезде. Они все же собрались в обратный путь. Тогда она сказала им, чтобы они остерегались коснуться ногой земли.

Они плыли, пока не достигли селения по имени Мыс Брана [13]. Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран:

— Я Бран, сын Фебала.

Тогда те ему сказали:

— Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о Плавании Брана.

Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в груду праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет.

После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствиях с начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего не известно.

ПОВЕСТЬ О БАЙЛЕ ДОБРОЙ СЛАВЫ

Время возникновения этой саги с трудом поддается определению. Она сложилась бесспорно еще в Средние века, но все же значительно позднее других, собранных нами здесь саг. Помимо прочего, об этом свидетельствует отсутствие в ней первобытно-суровых, героических черт. Характерно прозвище Байле, буквально означающее — «тот, о котором все хорошо говорят», а также заключение, в котором поэт словно оглядывается на седую старину. Вообще это уже переход от эпоса к сказке или к лирической новелле.

Сага о Байле показывает, как много тем и образов мировой поэзии либо предвосхищено, либо находит параллели в древнем ирландском творчестве. С одной стороны, эта сага о смерти двух любящих во имя любви представляет собою параллель к античной легенде о Пираме и Тисбе или к итальянской новелле о Ромео и Джульетте. С другой стороны, «любовь, которая сильнее смерти», весьма напоминает такую же любовь Тристана и Изольды, легенда о которых — кельтского происхождения. (Кстати сказать, в некоторых версиях последней из смежных могил любящих также вырастают два деревца, сплетающиеся между собою, а в другом эпизоде ее Тристан сравнивает себя с жимолостью, обвивающейся вокруг ветви орешника — Изольды).

Текст издан К. Meyer'ом в «Revue Celtique», т. XIII, 1892.

Байле Доброй Славы был единственным сыном Бауна. Он вызывал любовь к себе во всех, кто хоть раз его видел или только слышал о нем, как в мужчинах, так и в женщинах, из-за доброй молвы, шедшей о нем. Но сильнее всех полюбила его Айлен, дочь Лугайда [1]. Он полюбил ее также. И они сговорились встретиться в Росс-на-Риге [2], что на берегу Бойны Брегской, чтобы заключить там союз любви.

Байле двинулся в путь из Эмайн-Махи к югу и, миновав гору Фуат и равнину Муртемне, достиг местности, прозванной Трайг-Байли [3]. Там он и его спутники выпрягли коней из колесниц и пустили их пастись на лужайке.

Они отдыхали там, когда вдруг предстал им страшный образ человека, направлявшийся к ним со стороны юга. Он двигался стремительно, он несся над землей, как ястреб, ринувшийся со скалы, как ветер с зеленого моря. Наклонен к земле был левый бок его.

— Скорей к нему! — воскликнул Байле. — Спросим его, куда и откуда несется он, к чему спешит так.

— Я стремлюсь в Туайг-Инбер[4], — был ответ им. — И нет у меня иной вести, кроме той, что дочь Лугайда полюбила Байле, сына Буана, и направлялась на свиданье любви к нему, когда воины из Лагена напали на нее и убили ее, как и было предсказано о них друидами и ведунами, что не быть им вместе в жизни, но что в смерти будут они вместе вовеки. Вот — весть моя.

И с этим он покинул их, и у них не было силы удержать его.

Когда Байле услышал это, он упал на месте мертвым, бездыханным. Вырыли могилу ему, насыпали вал вокруг нее, поставили каменный столб над ней, и стали улады справлять поминальные игры над могилой его. И выросло тисовое дерево на могиле этой, с верхушкой, похожей видом на голову Байле. Потому-то и зовется место это Трайг-Байли.

А страшный образ направился после этого на юг, в то место, где была Айлен, и проник в лиственный домик ее.

— Откуда явился этот неведомый? — спросила девушка.

— С севера Ирландии, из Туайг-Инбер, — был ей ответ.

— Какие же вести несешь ты? — спросила девушка.

— Нет у меня вести, из-за которой стоило бы печалиться здесь, кроме той, что в Трайг-Байли видел я уладов, справлявших поминальные игры,

после того как вырыли они могилу, насыпали вал вокруг нее, поставили каменный столб над ней и вырезали имя Байле, сына Буана, из королевского рода уладов. Ехал он к милой своей, к возлюбленной, которой отдал сердце свое; но не судьба была им вместе быть в жизни, увидеть друг друга живыми.

Он унесся, окончив злую повесть свою. Айлен же упала мертвой, бездыханной, и погребли ее, как и Байле. И выросла яблоня из могилы ее, разрослась она на седьмой год, а на верхушке ее — словно голова Айлен.

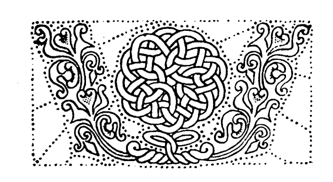
Когда прошло семь лет с того дня, друиды и ведуны срубили тис с головой Байле и сделали из его ствола таблички, на которых поэты и рассказчики стали записывать повести о любви, сватовствах и разных деяниях уладов. Так же поступили и лагены с яблоней Айлен; а они писали о своих деяниях на табличках из ее ствола.

Настал канун Самайн [5], и все собрались праздновать его у Кормака, сына Арта [6]. Поэты и люди всех ремесел сошлись на праздник по обычаю, и были туда же принесены таблички эти. Увидев их, Кормак велел подать их ему. Взял он их, одну в правую, другую в левую руку, так что они были обращены лицом друг к другу. И тогда одна сама прыгнула к другой, и они соединились так, как жимолость обвивается вокруг ветви; и невозможно было разъединить их.

Так и сохранили их, как другие драгоценные предметы, в сокровищнице Темры.

Сказал поэт:

Благородная яблоня Айлен,
Несравненный тис Байле!
Того, что хранят нам древние песни,
Не понять неразумному слуху.

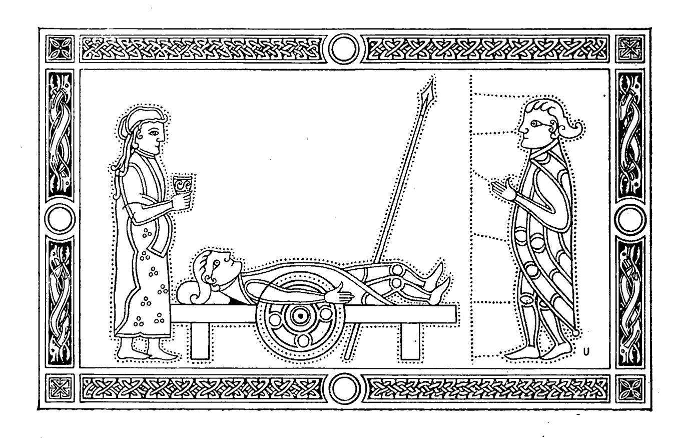

ЛЮБОВЬ К ЭТАЙН

Эта сага, содержащая уже знакомый нам мотив любви между смертным и *сидою* (см. вступит. статью стр. 35), может быть отнесена как к историческому, так и к мифологическому циклу. Она является частью сказаний об Этайн, которые можно восстановить лишь по сохранившимся обрывкам. Из них мы узнаем, что Этайн была некогда женою бога Мидера, но что их разлучила зависть другой *сиды* по имени Фуамнах. Превращенная волшебством ее в насекомое, Этайн семь лет носилась в воздухе, пока не попала в кубок с напитком, который выпила жена одного уладского воина, зачавшая от этого и возродившая Этайн в человеческом образе (сопост. подобный же глоток в саге *Рождение Кухулина*). Верховный король Ирландии избрал Этайн себе в жены за исключительную красоту ее, которой она была обязана своей сверхчеловеческой природе. Став земной женщиной, она сохранила волшебную способность вызывать к себе необычайную любовь (сопост. *Болезнь Кухулина*), как это показывает данная сага. В эпилоге к ней, сохранившемся не в оригинале, но лишь в пересказах, сообщается, что Мидер, безутешный после исчезновения Этайн, разыскал ее, наконец, и получил обратно от короля, ее мужа, путем хитрости. Явившись к нему в человеческом образе, он предложил ему сыграть партию в шахматы на любую ставку и, выиграв, увел с собой Этайн.

Действие саги, в особенности отношения между *сидами* и смертными, слегка напоминает *Сон в летнюю ночь* Шекспира, который в обрисовке царства эльфов несомненно воспользовался кельтскими сказочными представлениями. Эохайд Айрем, к которому приурочено это мифическое сказание, царствовал, согласно хроникам, во II веке н. э.

Мы избрали для перевода древнейшую из двух сохранившихся версий; текст ее издан E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. I, Leipz., 1880.

ЭОХАЙД Айрем был верховным королем Ирландии, и все пять королевств Ирландии быыли подвластн ему. Королями же в них были в то время: Конхобар, сын Несс, Мес-Гегра, Тигернах Тетбаннах, Курои и Айлиль, сын Маты Муйреск [1]. Два замка были у Эохайда: Фремайн в Миде и Фремайн в Тетбе [2]. Фремайн в Тетбе был его любимым замком из всех замков Ирландии.

В первый же год, как Эохайд стал королем, созвал он мужей Ирландии на празднество в Темре [3], чтобы назначить им подати и повинности на пять лет вперед. Но мужи Ирландии ответили Эохайду, что они не придут на празднество в Темру к королю без королевы, — ибо в то время, когда Эохайд принял власть, он не был женат.

Тогда послал Эохайд послов по всем пяти королевствам Ирландии, чтобы они разыскали прекраснейшую женщину или девушку, какая только найдется в Ирландии, для него в жены.

И он сказал при этом, что возьмет за себя лишь такую, которая не знала до него мужа. Ему нашли такую в Инбер Кихмайни [4] — Этайн, дочь Этайр. И Эохайд ввел ее в дом свой, ибо она подходила ему по красоте, юности и доброй славе своей.

Три сына были у Финда, сына Финдлуга, Сына Королевы [5]: Эохайд Айрем, Эохайд Фейдлех и Айлиль Ангуба [6]. На празднестве в Темре, после того как Этайн уже разделила ложе Эохайда, Айлиль Ангуба почувствовал любовь к ней и стал смотреть на нее, не отводя глаз. Так как пристальный взгляд есть признак любви, то он мысленно укорил себя за это. Но не с намерением делал он это, и волею своей обуздал он желание.

Не нарушив закона чести и не признавшись женщине в чувстве своем, он заболел от него. Когда пред его взором уже стояла смерть, пришел присланный к нему врач Эохайда, Фахтна, чтобы осмотреть его. И сказал ему врач:

— У тебя одна из двух смертельных болезней, против которых врач бессилен: либо болезнь любви, либо болезнь ревности.

Но Айлиль не сказал ему правды, ибо стыдился он. Оставили умирать его во Фремайне в Тетбе, в то время как Эохайд отправился в объезд Ирландии [7]. Но, уезжая, он оставил Этайн, чтобы та оказала последнюю честь Айлилю: присмотрела, чтобы вырыта была могила ему, спет был плач по нем и убиты были служившие ему животные.

Каждый день приходила Этайн в комнату, где лежал Айлиль больной, и беседовала с ним.

И, пока находилась она возле него, он, не отрываясь, смотрел на нее. Заметила она это и задумалась. Однажды, когда были они вдвоем, спросила она его, какая причина его болезни.

— Любовь к тебе, — ответил ей Айлиль.

— Жаль, что ты так долго не говорил этого, — сказала она. — Ты уже давно был бы здоров, если бы мы знали это.

— Я и теперь мог бы еще исцелиться, — сказал он, — если бы ты захотела.

— Видно нужно, чтобы я захотела.

Она продолжала каждый день навещать его и стала теперь мыть ему голову, сама подавать пищу и воду на руки. Через трижды девять дней был он здоров. Тогда сказал он Этайн:

— Когда же дашь ты мне то, чего недостает мне для полного исцеления?

— Завтра получишь ты это. Но только позор короля не должен совершиться в его собственном доме. Ты встретишь меня завтра под утро на холме возле нашего двора.

Первую часть ночи Айлиль бодрствовал. Но час свиданья проспал он и пробудился лишь поздно утром на следующий день. Этайн же пришла в условленное место и встретила там мужа, обликом подобного Айлилю. Он жаловался на слабость свою от болезни. Она же обошлась с ним так, как это было бы приятно Айлилю.

Поздно утром пробудился Айлиль. Когда Этайн вошла в дом, он посмотрел на нее долгим печальным взором.

— Отчего грустно лицо твое? — спросила она его.

— Оттого, что я сговорился с тобой о свидании и сам же не пришел на него. Сон одолел меня, и я только что пробудился. Теперь я вижу ясно, что не вернулось здоровье ко мне.

— Легко исправить беду, — отвечала Этайн, и она назначила ему свиданье на следующее утро.

И эту ночь бодрствовал Айлиль вначале; он развел большой огонь и поставил воду около себя, чтобы смачивать глаза. И все-таки опять заснул он. В условный час пришла Этайн в назначенное место и увидела там того же мужа в облике Айлиля и опять вняла любви его. Когда она пришла домой, она застала Айлиля плачущим.

И в третий раз пошла Этайн на место свидания и вновь встретила там того же мужа вместо Айлиля.

— Не тебе назначила я встречу, — сказала она. — Кто ты такой, стремящийся на свиданье со мной? Ведь тому человеку назначаю я свиданье любви не от греховной мысли или из суетного желания, — я, королева Ирландии, — но лишь для того, чтобы исцелить его от болезни, которая терзает его.

— Лучше было бы тебе, — был ответ ей, — ко мне притти. Ибо в те времена, когда имя твое было Этайн Эхриде, дочь Айлиля [8], я был супругом твоим. Дорогой ценой приобрел я тогда тебя, отдав лучшие поля и воды Ирландии и прибавив еще столько золота и серебра, сколько ты сама весила.

— Кто же ты такой? — спросила она.

— Я — Мидер из Бри-Лейта [9].

— Что же разлучило нас с тобой?

— Речи Фуамнах и заклинания Бресала Эхарлама [10], — сказал он, и прибавил: — Хочешь ты уйти со мной?

— Нет, — отвечала она, — не оставлю я короля Ирландии ради человека, рода и племени которого я не знаю.

— Это я, — сказал Мидер, — насылал столь долгое время на Айлиля любовь, проникшую в его тело и кровь. И я же отнимал силу у него, дабы честь твоя не подверглась позору. Скажи же, пойдешь ли ты в мою страну, если сам Эохайд предложит тебе это сделать?

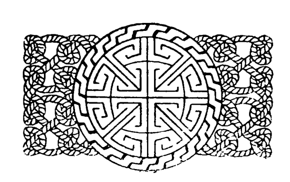
— На таких условиях я согласна, — ответила Этайн.

После этого она вернулась домой.

— Как хорошо, что мы так встретились! — воскликнул Айлиль. — Теперь я совсем здоров, притом же и честь твоя не пострадала!

— Прекрасно это, — сказала Этайн.

Когда Эохайд вернулся из своего объезда, очень был он рад, что нашел брата живым, и весьма благодарил Этайн за то, что она своим уходом спасла ему жизнь.

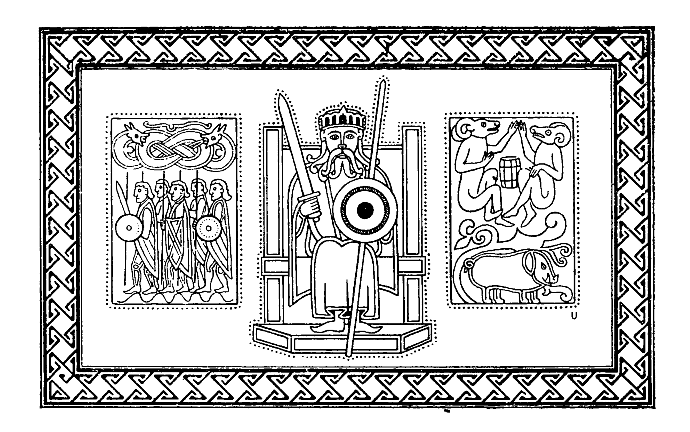

СМЕРТЬ МУЙРХЕРТАХА, СЫНА ЭРК

В основе этой саги лежит предание об историческом событии — трагической смерти короля Муйрхертаха, правившего в VI веке. Эпическое предание, сложившееся, без сомнения, вскоре после смерти короля, рано подверглось ряду видоизменений. Сначала оно окрасилось чертами языческой, сказочной фантастики путем введения образа феи-*сиды*, волшебницы Син. Затем, попав в руки монахов, оно подверглось наивной христианизации, с привнесением соответствующей морали. В частности, конец саги, искажающий ее первоначальный смысл и забавный своей наивной искусственностью, явно присочинен монахами. Попытка различить эти последовательные напластования и определить историческое ядро сказания, равно как и первоначальную его форму, сделано мною в статье: «Ирландская сага о смерти короля Муйрхертаха, сына Эрк», в «Записках Неофилологического Общества», вып. VIII, Пб., 1914.

Повесть эта — один из характерных примеров кельтских «легенд любви и смерти», с их живописной фантастикой и захватывающим трагизмом. Сохранившаяся ее версия содержится в рукописях XIV и XV веков, но, судя по языку, она сложилась уже в XI веке.

Текст издан Wh. Stokes'ом в «Revue Celtique», т. XXIII, 1902.

МУЙРХЕРТАХ[1], сын Муйредаха, сына Эогана, король Ирландии, жил со своей женой Дуайбсех, дочерью Дуаха Медного Языка, короля Коннахтского[2], в Клетехском доме, на берегу Бойны Бругской[3]. Однажды отправился он на охоту на окраине Бруга. Случилось так, что товарищи его по охоте оставили его одного на охотничьем холме.

Вскоре он увидел одинокую девушку, прекрасно сложенную, с прекрасным лицом, с ослепительно белой кожей, в зеленом плаще. Она сидела неподалеку от него, на могильном холме. Ему показалось, что он еще не встречал женщины, равной ей по красоте и очарованию. Все его тело и все его существо наполнились любовью к ней, и, глядя на нее, он подумал, что отдал бы всю Ирландию за то, чтобы провести одну ночь с ней: так страстно полюбил он ее

с первого взгляда. Он приветствовал ее, словно знал ее раньше, и спросил ее, кто она и откуда.

— Я отвечу тебе, — отвечала она. — Я — любовь Муйрхертаха, сына Эрк[4], короля Ирландии, и пришла сюда, чтобы встретиться с ним.

Приятно было это Муйрхертаху.

— Разве ты знаешь меня, девушка? — спросил он.

— Знаю, — отвечала она, — ибо сведуща я в делах еще более тайных, чем это, и известны мне и ты и другие мужи Ирландии.

— Пойдешь ты за мной, девушка? — спросил Муйрхертах.

— Я пойду за тобой, — отвечала она, — если ты дашь мне дар, который я попрошу.

— Я дам тебе все, что могу дать, девушка, — сказал сын Эрк.

— Дай мне слово в этом, — сказала она. Он тотчас дал ей слово.

— Я дам тебе сто голов от каждого стада, сто рогов, из которых пьют мед, сто чаш, сто золотых колец, и каждый второй вечер я буду устраивать для тебя пир в Клетехском доме.

— Нет, — сказала девушка. — Этого мне не надо. Но вот чего я требую: ты никогда не должен произносить моего имени; Дуайбсех, мать твоих детей, должна скрыться с моих глаз; люди церкви не должны ступать ногой в дом, где я буду жить.

— Пусть будет так, — отвечал король, — ибо я дал тебе мое слово, хотя легче мне было бы отдать тебе пол-Ирландии, чем исполнить то, что ты попросила. Скажи мне по правде, как твое имя, чтобы мы знали его и избегали произносить.

Она ответила:

— Вздох, Свист, Буря, Резкий Ветер, Зимняя Ночь, Крик, Рыданье, Стон.

Итак, король обязался исполнить все то, что она попросила. Они вернулись вместе в Клетехский дом.

Хорошо был устроен этот дом, полный мужей и добрых слуг. Все благородные потомки Ниала весело и радостно взимали в нем дань и подати со всех княжеств, в победном Клетехском доме, на берегу богатой лососями, вечно прекрасной Бойны, на окраине Бруга с зелеными вершинами.

Когда Син[5] увидела дом, полный народа, сказала она:

— Добрый дом, куда мы пришли.

— Да, добрый дом, — сказал король. — Ни в Темре, ни в Наасе, ни в Красной Ветви, ни в Эмайн-Махе, ни в Айлех-Нейте, ни в Клетехе не было построено другого такого дома[6]. И ты можешь сказать то же.

— Что мы будем теперь делать? — спросила девушка.

— То, что тебе будет угодно, — отвечал Муйрхертах.

— Если так, — сказала Син, — то пусть Дуайбсех со своими детьми уйдет прочь из дома; и пусть все мужи, занимающиеся каким-либо ремеслом или искусством, соберутся со своими женами в зале для пира.

Так и было сделано. Каждый из приглашенных стал хвалить свое ремесло или искусство, слагая стихи в его честь.

Когда пир кончился, сказала Син Муйрхертаху:

— Теперь пора предоставить мне дом, как было обещано.

И она изгнала сынов Ниала[7] и Дуайбсех с ее детьми из Клетеха; число их всех, мужчин и женщин, равнялось вместе двум полным равным полкам[8].

Пошла Дуайбсех со своими детьми из Клетеха в Туйлен[9], к другу души, святому епископу Кайрнеху[10], и поведала ему о своем горе. Тогда отправился Кайрнех к сынам Эогана и Конала[11], и все вместе пошли в Клетех, но Син не подпустила их близко к замку. Печальны и мрачны стали сыны Ниала. Сильно разгневался Кайрнех; он проклял это место и приготовил могилу королю.

— Тот, кому приготовлена эта могила, — сказал он, — конченный человек; поистине, конец его царствованию и владычеству.

Он велел бить в колокола: это было проклятием королю[12].

Итак, Кайрнех проклял замок короля и благословил все остальные места. В печаль и скорбь впал он.

— Благослови нас теперь, — сказали ему сыны Ниала, — перед тем как нам вернуться в свои земли: ведь мы не виновны перед тобой.

Кайрнех благословил их и дал доброе напутствие им, потомкам Конала и Эогана: пусть вечно власть и царство Ирландии будут в их руках, власть над всеми княжествами вокруг них: пусть они наследуют Айлех[13] и Темру, и Улад; никому не должны они служить за плату, ибо их наследственное право — власть над Ирландией; пусть не придется им никогда ни-

кому давать заложников; пусть погибнут их заложники, если убегут от них; пусть всегда будет им победа в бою, если только бой затеян ими за правое дело; пусть тремя святынями и знаменами их будут: Катах, колокол Патрика и книга Кайрнеха[14]; пусть сила этих святынь помогает каждому из них в бою. После этого они все разошлись по своим домам и замкам.

Теперь скажем о Кайрнехе. Он пошел в свой монастырь. По дороге он встретил большую толпу людей: это было племя Тадга, сына Киана, сына Айлиля Олома[15]. Они упросили его пойти с ними, чтобы он помог им заключить договор с Муйрхертахом, сыном Эрк.

Когда король узнал о их приходе, он вышел к ним и приветствовал их. Но когда он увидел, что с ними епископ, он покраснел от гнева и воскликнул:

— Зачем ты пришел к нам, церковник, после того как проклял нас?

— Чтобы примирить с тобой племя Тадга, сына Киана, и племя Эогана, сына Ниала, — отвечал тот.

После этого они заключили договор между собою, и Кайрнех смешал кровь обеих сторон в одном сосуде и записал условия договора[16]. Муйрхертах простился с епископом и велел ему близко не показываться. Когда договор был заключен, Кайрнех благословил всех, посулил краткую жизнь и муки ада тому, кто нарушит договор, и удалился в свой монастырь. Король же вернулся в свой замок, и с ним его вассалы, чтобы защищать его от сынов Ниала.

Король сел на трон, и Син — по правую руку его; еще не было на земле женщины более прекрасной обликом, чем она. Король глядел на нее и задавал ей вопросы, чтобы почерпнуть у нее мудрости. Она обладала, казалось ему, могуществом богини. Он спросил ее, откуда ее сила:

Скажи нам, милая девушка,
Веришь ли ты в бога монахов?
В этот мир откуда явилась ты?
Поведай о своем происхождении.

Отвечала ему Син:

Я верую в истинного бога,
Спасителя моего от смерти.
Не совершалось еще в мире чуда,
Которого бы и я не совершила[17].

Я — дочь женщины и мужчины
Из племени Адама и Евы.
Мила я для тебя и прекрасна,
Пусть раскаянье тебя не коснется.

Я могу создать и луну, и солнце,
И звезды, блистающие в небе,
Я могу создать храбрых воинов,
Бьющихся в жестоком сраженьи.

Могу в вино превратить — не ложь это! —
Воду Бойны: в моей это власти.
Я могу создать овец из камней,
Свиней из папоротника.

Сотворить я могу серебро и золото
Пред лицом всего войска.
Я могу создать славных мужей
Для тебя сейчас же. Я сказала.

— Соверши для нас одно из этих великих чудес, — сказал король.

Син вышла и тотчас создала два полка, равных по числу воинов, по силе, по красоте; присутствовавшим казалось, что никогда еще на земле не было двух полков более отважных и смелых людей, — в то время как они стремительно пронзали, ранили, убивали друг друга пред глазами собравшихся.

— Видишь, — сказала девушка, — кажется, моя сила — не обман?

— Вижу, — отвечал Муйрхертах.

Король со своими людьми вернулся в замок. В это время ему принесли воду из Бойны. Король попросил девушку превратить ее в вино. Девушка наполнила водой три боченка и произнесла над ними заклинания. Король и его люди нашли, что никогда еще на земле не было более вкусного и крепкого вина. Она также создала из папоротника волшебную, призрачную свинью и отдала вино и свинью воинам, которые разделили полученное между собой и, казалось им, насытились. Она же обещала им давать всегда, постоянно то же самое.

По окончании волшебного пира племя Тагда, сына Киана, охраняло короля в ту ночь. Когда он встал утром, он чувствовал себя обессиленным, и так же чувствовали себя все, кто отведал вина и призрачного, волшебного мяса, которое Син дала для пира.

Сказал опять король:

— Покажи мне что-нибудь из твоего тайного искусства, о девушка.

— Хорошо, я это сделаю, — отвечала она.

Муйрхертах и все его воины вышли в поле. Тогда Син создала из камней голубых людей и других еще людей, с козлиными головами[18]. Явилось четыре вооруженных полка пред лицом присутствующих, на Бругской лужайке. Схватил Муйрхертах свое оружие и, надев боевой наряд, ринулся на них словно быстрый, злой, бешеный бык, и сразу принялся избивать и ранить их; и каждый воин, которого он убивал, тотчас опять вставал. Так убивал он их целый день до вечера. Хотя велики были ярость и гнев короля, все же, наконец, он утомился.

Печальный вернулся он в свой замок, и Син дала ему волшебное вино и волшебную свинью. Он и его люди поужинали и заснули тяжелым сном до утра. Когда утром он пробудился, то не чувствовал в себе ни силы, ни крепости.

Внезапно услышал он крики воинов; большая толпа их вызывала Муйрхертаха на бой в поле. Ему предстали в Бруге два равных полка: один из голубых людей, другой из людей с козлиными головами. Пришел Муйрхертах в ярость, услышав вызов этого войска. Он встал во весь рост и грянулся о землю. Затем он устремился в Бруг и, напав на воинов, стал избивать и ранить их.

В то время как он бился, Кайрнех послал к нему трех монахов: Масана, Касана и Кридана, чтобы он мог иметь помощь божию, ибо великий святой знал о насилии, совершавшемся

над королем. Монахи встретили его в Бруге в то время, как он рубил камни, дерн и колосья. Они благословили короля и камни. Тотчас гнев Муйрхертаха улегся, он пришел в себя, осенил себя крестным знамением и увидел, что кругом не было ничего, кроме камней, дерна и колосьев.

— Для чего вы пришли? — спросил он монахов.

— Ради твоего бренного тела, — отвечали они, — ибо смерть близка к тебе.

Монахи показали ему церковь в Бруге и велели ему собственноручно вырыть ров для нее, во славу великого господа тварей.

— Это будет мною исполнено, — отвечал король и начал рыть ров.

Вот когда впервые была затронута лужайка Бруга [19].

Король поведал монахам о себе все и пламенно покаялся богу. После его покаяния монахи окропили его святой водою, и он причастился тела Христова. Он просил монахов сказать Кайрнеху о своем покаянии и раскаянии.

Эту ночь монахи остались в Бругской церкви; король же вернулся в Клетех и сел по правую руку своей жены. Спросила Син, что прервало его бой в этот день.

— Пришли ко мне монахи, осенили меня знаком креста Христова, и я увидел, что вокруг меня не было ничего, кроме камней и травы; и раз не с кем было больше сражаться, я ушел.

— Не верь монахам, — сказала Син, — они лгут. Я буду тебе лучшей помощницей, чем они.

И она усыпила его ум и стала между ним и учением монахов. В этот вечер она опять

создала волшебную свинью для короля и его воинов.

Это был седьмой вечер, что она занималась таким колдовством; и было это в вечер вторника, после праздника Самайн [20]. После того как воины охмелели, застонал сильный ветер.

— Это стон зимней ночи, — сказал король.

А Син сказала:

— Это я — Резкий Ветер, я — Зимняя Ночь, дочь прекрасных, благородных существ. Вот мое имя, всегда и всюду: я — Стон, я — Ветер, я — Зимняя Ночь...

Затем она вызвала снежную бурю. Никогда шум битвы не был сильнее, чем шум густого снега, падавшего в тот час; он несся с северо-запада [21]. Король ушел в глубину дома, но затем снова вернулся и стал сетовать на бурю.

Когда пир кончился, воины прилегли. Ни в одном из них не было силы хотя бы столько, сколько в женщине, рождающей ребенка. Король лежит на своем ложе. Тяжелый сон овладел им. Громко вскрикнул он во сне и пробудился.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Полчище демонов явилось мне, — отвечал он.

Король встал, ибо видение, явившееся ему, не давало ему спать. Он вышел наружу и увидел маленький огонек, горевший в Бругской церкви, у монахов. Он пришел к ним и сказал:

— Нет во мне ни силы, ни крепости в эту ночь, — и рассказал им свое сонное виденье. — Трудно было бы мне, — прибавил он, — до-

блестно отразить врагов, если бы они напали на меня этой ночью: в бессилье впали мы, и злая ночь сегодня.

Монахи начали наставлять его. Тогда он сразу ушел и вернулся домой. Там он повел беседу с девушкой.

Муйрхертах

Жестока буря[22] сегодня ночью
Для монахов в их убежище.
Они не могут заснуть, —
Так зла ночная буря.

Син

Зачем ты назвал *мое имя*, о человек,
Сын Эрк и Муйредаха?
Теперь ты примешь смерть — тихий праздник.
Не спи в Клетехском доме!

Муйрхертах

Скажи мне, беспечальная женщина,
Сколько воинов еще сражу я?
Не скрывай, скажи без принуждения,
Сколько воинов падет от руки моей?

Син

Ни один не падет от твоей руки,
О сын Эрк из рода высокого.
Поистине, ты достиг конца, о король,
Иссякла ныне сила твоя.

Муйрхертах

Большая беда, что нынче без силы я,
О благородная, многовидная Син.
Часто убивал я свирепых воинов,
В эту же ночь обессилел я.

Син

Многих мужей сразила сила твоя,
О сын высокой дочери Лоарна.
Великие войска сокрушил ты.
Горе, что пришла напасть на тебя.

— Это правда, девушка, — сказал король, — ибо было предсказано, что моя смерть будет подобна смерти Лоарна [23], моего предка: не в битве пал он, а сгорел живым.

— Спи в эту ночь, — сказала девушка, — предоставь мне охранять тебя и стеречь от врагов; и, если тебе не суждено, твой дом не сгорит надо мной в эту ночь.

— Я чую, — сказал король, — идет на меня со злыми намерениями Туатал Майльгарб [24], сын Кормака Одноглазого, сына Кайрпре, сына Ниала Девяти-Заложников.

— Пусть идет Туатал со всем своим войском со злыми намерениями на тебя, не страшись его в эту ночь, — отвечала девушка. — Усни.

Король лег на ложе и попросил у девушки испить. Она совершила сонные чары над обманным вином, и, выпив глоток его, король охмелел и стал без крепости, без силы. Он заснул тяжелым сном, и ему представилось в сонном видении, что он плывет по морю на корабле, что

корабль стал тонуть, и гриф, налетев на него, схватил его своими когтями и унес его в свое гнездо, и вскоре затем гнездо сгорело с ним, и сам гриф погиб вместе с ним.

Проснулся король и велел передать о своем видении своему молочному брату, Дуб Да Ринду, сыну друида Сайгнена, и тот так истолковал видение:

— Это — корабль, на котором ты находишься, корабль царствования на море жизни; ты — кормчий власти. Гибель корабля — конец власти и жизни твоей. Гриф с когтями, унесший тебя в свое гнездо — это та женщина, которая с тобой и которая опьяняет тебя, влечет тебя на свое ложе и держит тебя в Клетехском доме для того, чтобы он сгорел над тобой. Гриф, погибший вместе с тобой, — это женщина, которая погибнет ради тебя. Вот — изъяснение твоего видения.

Король снова заснул, после того как Син опять совершила сонные чары над ним.

В то время как он лежал, погруженный в сон, Син встала, собрала копья и дротики всех воинов в доме и поставила их в воротах, обратив острием к дому. Она создала множество воинов вокруг замка, затем вошла в дом, рассыпала огонь во всех направлениях по дому и по стенам крепости и легла в постель.

Пробудился король от сна.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Толпа демонов привиделась мне. Они зажгли дом надо мной и перебили моих людей у ворот.

— В этом нет беды, — отвечала девушка: — ведь это только приснилось тебе.

В то время как они говорили это, они заслышали треск рушащегося дома и крики толпы демонов и волшебных сил вокруг дома.

— Кто около дома? — спросил король.

Отвечала Син:

— Туатал Майльгарб, сын Кормака Одноглазого, сына Кайрнре, сына Ниала, со своим войском. Он явился сюда, чтобы отомстить тебе за битву при Гранарде[25].

Не знал король, что это была ложь и что никакие враги из человеческой плоти не окружали дома. Он быстро встал и пошел искать свое оружие, но не встретил никого, кто бы мог ответить ему. Девушка вышла из дома, и он следом за ней. Но он встретил пред собой войско, с трудом отбился от него и вернулся к своему ложу. А воины его вышли наружу, и ни один из них не спасся от ударов или огня.

Король снова подошел к дверям. Между ним и дверьми были искры и языки пламени. Когда огонь охватил путь к выходу и весь дом кругом, и король нигде не мог найти себе убежища, он влез в бочку с вином и погрузился в нее. Он ежеминутно вылезал и снова прятался в бочку, из страха перед огнем. Рухнул дом над ним, и сгорело его тело на пять футов длины, остальную же часть его предохранило вино от огня[26].

На утро следующего дня пришли к королю монахи, Масан, Касан и Кридан, и отнесли его тело, чтобы омыть в Бойне.

Тогда и сам Кайрнех со своими монахами пришел, и печалился святой и оплакивал короля и засвидетельствовал:

— Великая потеря ныне для Ирландии — смерть сына Эрк, одного из четырех мужей, владевших Ирландией без обмана и насилия: один

из них — Муйрхертах, сын Эрк, другой — Ниал Девяти-Заложников, третий — Конд Ста-Битв, четвертый — Угайне Великий [27].

Затем тело было унесено Кайрнехом в Туйлен и там погребено.

Дуайбсех, жена Муйрхертаха, встретила монахов с телом мужа. Она стала испускать великие горестные стоны, полные муки, ударяя в ладони. Она прислонилась к древнему дереву в Ойнах-Рейле. Поток крови хлынул из ее сердца и груди, и она тут же на месте умерла от тоски по мужу. Монахи положили тело королевы рядом с телом короля.

Затем похоронили королеву и насыпали над ней могильный холм. Похоронили и короля поблизости от храма, с северной стороны.

Когда монахи окончили погребение, они увидели одинокую женщину, прекрасную, светлоликую, в зеленом плаще с золотой бахромой поверх шелковой рубашки. Она приблизилась к монахам, приветствовала их, и монахи приветствовали ее. Они заметили печальное, грустное выражение ее лица и признали в ней ту, что погубила короля. Спросил ее Кайрнех, кто она. И все монахи спросили ее, кто она, кто ее отец и мать, и ради чего погубила она короля, как было рассказано.

— Син — мое имя, — отвечала она. — Сиге, сын Диана, сына Трена — мой отец. Муйрхертах, сын Эрк, убил моего отца, мою мать и мою сестру в битве при Кербе на Бойне [28]. Он истребил в этой битве все древние кланы Темры и моей родины.

Она прибавила:

Я сама умру от тоски тяжкой
По великом короле Западного Мира,

Терзаясь тем, что принесла страданье
Верховному королю Ирландии.

Затем она исповедалась Кайрнеху и пламенно покаялась богу, как повелел Кайрнех. Она поступила в послушницы к нему и вскоре умерла от скорби по короле. Кайрнех велел вырыть для нее могилу и покрыть ее дерном. Так и было сделано.

Что же касается Кайрнеха, то он очень заботился о душе Муйрхертаха, но не мог спасти ее от ада. Тогда он сочинил молитву, которая называется, по ее началу, *Parce mihi, domine* [29], и постоянно повторял ее, молясь о душе короля, так что под конец освободил ее из ада. После этого Кайрнеху явился ангел и сказал, что, каков бы ни был человек, — если только он постоянно будет петь эту молитву, он непременно попадет на небо:

Спасется всякий, кто споет с усердием
Молитву Кайрнеха, ведающего тайны,
Ее достаточно, чтоб оказать помощь
Иуде, худшему из всех рожденных.

Вот повесть о смерти Муйрхертаха, как ее передали нам Кайрнех, Тигернах, Киаран, Мохта и Туатал Майльгарб [30]; она записана и исправлена этими святыми монахами на память всем с тех времен и доныне.

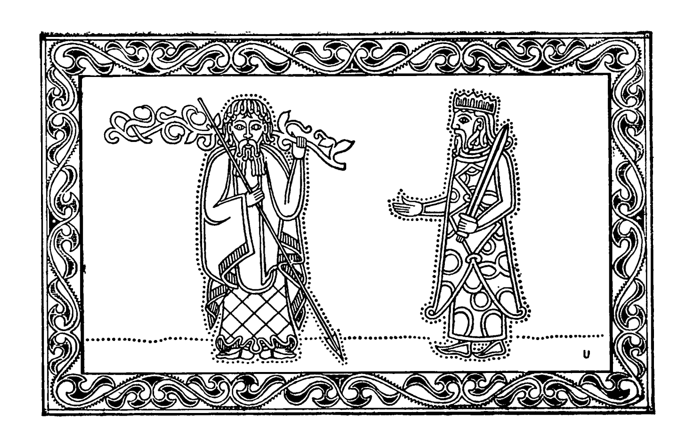

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРМАКА В ОБЕТОВАННОЙ СТРАНЕ

Эта сага — также один из вариантов сказания о посещении смертным «блаженной страны». Обитатели ее, *сиды*, заманивают к себе героя хитростью, чтобы затем отпустить его обратно, наградив ценными, чудесными дарами. В отличие от *Плавания Брана* и *Болезни Кухулина*, здесь почти вовсе не дано самого описания чудесной страны. Весь интерес саги сосредоточен в психологическом драматизме, в эффекте смены скорби радостью, жестокого лишения — прекрасной наградой.

Кормак, сын Арта, герой саги, царствовал, согласно хроникам, в III веке н. э. Но дошедшая до нас версия саги сложилась, несомненно, много позднее, после прихода скандинавов в Ирландию (в IX—X веках).

Текст, по двум рукописям XIV века, издан E. Windisch'ем, «Irische Texte», т. III, часть I, Leipz., 1891.

У КОРОЛЯ Кормака была золотая чаша. Вот как он получил ее.

Однажды в майский вечер, когда уже начало смеркаться, был он один в Мур Теа, в Темре [1]. Внезапно увидел он седовласого воина с важной осанкой, направляющегося к нему. Пурпурный плащ с бахромой был на нем. Сорочка с полосками из золотых нитей была на теле его. Башмаки с подошвами из белой бронзы отделяли ноги его от земли. Серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками лежала на плече его. Сладко и весело было слушать музыку, которую издавала эта ветвь; тяжко раненые воины, женщины, рожавшие в муках, и все болящие впадали в тихий сон, слушая мелодию, издаваемую этой ветвью при сотрясении [2].

Приветствовал воин Кормака, и Кормак — его.

— Откуда явился ты, воин? — спросил его Кормак.

— Из страны, — был ответ, — где царит лишь одна правда, где нет ни старости, ни дряхлости, ни печали, ни горести, ни зависти, ни ревности, ни злобы, ни надменности.

— Не так у нас здесь, — сказал Кормак. — Скажи же мне, воин, могли бы мы заключить с тобой союз?

— Охотно согласен я на это, — отвечал воин.

И они заключили между собою союз.

— Теперь дай мне эту ветвь! — сказал Кормак.

— Я дам тебе ее, — отвечал воин, — с условием, что в обмен ты дашь мне три дара, которые я попрошу у тебя в Темре.

— Ты получишь их, — сказал Кормак.

И воин, связав Кормака обещанием, отдал ему ветвь и удалился. И Кормак не знал, куда ушел он.

Возвратился Кормак в свой королевский дом. Все люди его дивились этой ветви. Кормак потряс ею пред ними, и все они впали в тихий сон, длившийся ровно день до того же самого часа.

Когда истек год с того дня, воин явился, как было условлено, и попросил у Кормака первый дар в обмен за ветвь.

— Ты получишь его, — сказал Кормак.

— Так я беру сегодня Айльбе, дочь твою, — сказал воин.

И он увел девушку с собой. Женщины Темры испустили три громких крика по дочери короля Ирландии. Но Кормак потряс перед ними ветвью, печаль отошла от них, и они погрузились в тихий сон.

В тот же день, через месяц, воин явился снова и увел с собой Кайрпре Лифехайра, сына Кормака. Стон и рыдание не смолкали в Темре по

юноше, и в эту ночь ни один человек не вкушал пищи и не спал, но все были в печали и скорби великой. Но вновь потряс Кормак ветвью перед ними, и скорбь отошла от них.

И еще раз явился воин.

— Что потребуешь ты сегодня?—спросил его Кормак.

— Твою жену, — отвечал тот, — Этне-со-Стройным-Станом, дочь Дунланга, короля Лагена.

И он увел с собой королеву.

Но этого уже не мог перенести Кормак. Он пошел вслед за воином, и все пошли вместе с Кормаком. Сильный туман застиг их среди равнины, окруженной валом. Кормак оказался один среди великой равнины. Посреди ее был замок, с бронзовой оградой вокруг него. Во дворе замка был дом из светлого серебра, наполовину крытый перьями белых птиц. Сиды, верхом на конях, подъезжали к дому с охапками перьев белых птиц для покрышки дома. Но порывы ветра налетали на дом, и ветер все время уносил перья, которыми крыли его.

Кормак увидел внутри дома человека, поддерживающего огонь в очаге: цельный дуб, от корней до верхушки, с толстым стволом, горел в очаге. Когда один дуб догорал, человек выходил и приносил новый.

Дальше Кормак увидел еще другой замок, большой, королевский, также с бронзовой оградой вокруг него. Четыре дома было во дворе его. Кормак вошел во двор. Он увидел перед собой большой королевский дом из бронзовых брусьев с серебряной плетенкой, крытый перьями белых птиц.

Он увидел также во дворе светлый, сверкающий источник. Пятью потоками струился он, из которых обитатели по очереди брали воду. Девять орешников Буан[3] росли над источником. Эти пурпурные деревья роняли свои орехи в источник, и пять лососей, бывших в нем, разгрызали их и пускали скорлупки плыть по течению. И журчанье этих потоков было слаще всякой человеческой музыки.

Кормак вошел в дом. Он нашел в нем воина и девушку, ожидавших его. Необычайно прекрасен был облик воина — красотой лица, благородством сложения, совершенством обращения. Рядом с ним была девушка, рослая, со светло-желтыми волосами и золотым убором на голове, прелестнейшая из женщин в мире. Она только что вымыла свои ноги. Ибо за стенкой комнаты была баня, где можно было мыться без чьей-либо помощи: горячие камни сами прыгали в воду, чтобы нагреть ее, и затем исчезали. И Кормак вымылся в этой бане.

Во второй половине дня в дом вошел человек. В правой руке его был деревянный топор, в левой — бревно, а на спине он тащил кабана.

— Пора приготовить угощенье, — сказал воин, — ибо знатный гость посетил нас.

Тогда человек одним ударом заколол кабана, рассек бревно на-трое и бросил кабана в котел.

— Теперь пора перевернуть его, — сказал воин.

— Нет нужды в этом, — сказал стряпавший, — ибо все равно кабан никогда, до конца веков, не сварится, если не будет сказана правда на каждую четверть его.

— Если так, — сказал воин, — начни ты первый.

— Однажды, — заговорил тот, — когда я бродил около своего дома, я встретил чужих коров на моей земле и загнал их в мой коровник. Хозяин их пришел ко мне и сказал, что наградит меня, если я отпущу его коров. Я возвратил их ему, он же дал мне кабана, бревно и топор, чтобы закалывать кабана каждый вечер и разрубать бревно. Бревна этого хватает, чтобы сварить на нем кабана и кроме того еще обогреть целый королевский дом. Кабан же снова оживает на следующее утро, и бревно снова оказывается целым. С того самого дня посейчас так это и продолжается.

— Поистине, правдив рассказ твой, — сказал воин.

Перевернули кабана в котле, и оказалось, что одна четверть его сварилась.

— Пусть будет теперь рассказана другая правдивая повесть, — сказали они.

— Я расскажу, — сказал воин. — Пришла однажды пора пахать. Когда мы собрались вспахать поле, что здесь рядом, то оказалось, что оно вспахано, взборонено и засеяно пшеницей. Когда мы захотели сжать ее, она оказалась связанной в снопы. Когда мы захотели собрать их вместе, чтобы перенести сюда, они оказались сложенными в одну большую скирду. С того дня и посейчас мы питаемся этой пшеницей, и не стало ее ни больше, ни меньше, чем было вначале.

Снова перевернули кабана в котле, и оказалось, что вторая четверть его сварилась.

— Теперь моя очередь, — сказала женщина. — У меня есть семь коров и семь овец. Молока от этих семи коров хватает на всех жителей Обетованной Страны. А шерсти с семи овец хватает на одежду им всем.

Тут и третья четверть кабана сварилась.

— Теперь твоя очередь,—сказали они Кормаку.

И тогда Кормак рассказал, как у него были уведены дочь, сын и жена и как он пошел следом за ними, пока не попал в этот дом.

И на этом рассказе весь кабан сварился.

Они разрезали его на части и положили долю Кормака пред ним.

— Я никогда не ел иначе, — сказал Кормак, — как в обществе пятидесяти человек.

Воин спел тихую песню, от которой Кормак впал в сон. Когда он пробудился, то увидел, что с ним — пятьдесят воинов и сын, и дочь, и жена. Воспрянул духом он. Пища и хмельной напиток были в изобилии предложены им, и всех охватили радость и веселье.

Золотая чаша была в руке воина. Кормак удивился числу фигур на ней и необычайной красоте работы.

— В ней есть нечто еще более необычайное,— сказал воин. — Если сказать три слова лжи перед ней, она тотчас распадется на три части. Если затем сказать три слова правды перед ней, части вновь соединятся, и чаша станет, как была прежде.

Воин произнес три слова лжи, и чаша распалась на три части.

— Надо теперь произнести три слова правды, — сказал он, — чтобы чаша восстановилась. Итак, я говорю, о Кормак, — воскликнул он, — что до этого дня ни жена, ни дочь твоя не видели лица мужчины с той поры, как я увел их от тебя из Темры, и что сын твой не видел лица женщины.

Тотчас же чаша стала опять цельной.

— Возьми же с собой, — сказал воин, — семью свою, а также и чашу, чтобы пользоваться ею для различения лжи от правды. И ветвь, издающая музыку, останется у тебя на радость тебе. Но в тот день, когда ты умрешь, они обе будут взяты от тебя. Знай, что я — Мананнан, сын Лера [4], король Обетованной Страны [5]. Для того, чтобы ты узрел Обетованную Страну, заманил я тебя сюда. Всадники, кроющие дом, которых ты видел, это — искусники ирландские, копящие скот и богатства, которые обращаются в ничто. Человек, которого ты видел поддерживающим огонь в очаге, это — юный князь здешний, платящий из хозяйства своего за все, что берет для себя [6]. Источник с пятью потоками, который видел ты, это — Источник Мудрости, потоки же его — пять чувств, через которые проникает знание. Никто не может обрести мудрость, если не выпьет хоть глоток воды из этого источника и его потоков. Люди всех искусств и ремесел пьют оттуда.

Когда на утро Кормак пробудился, он увидел себя на лужайке Темры вместе с женой, сыном и дочерью. И ветвь и чаша была при нем. *Чашей Кормака* была она прозвана, и служила она для различения лжи от правды в Ирландии. Но, как и было предсказано Мананнаном, она не осталась среди людей после смерти Кормака.

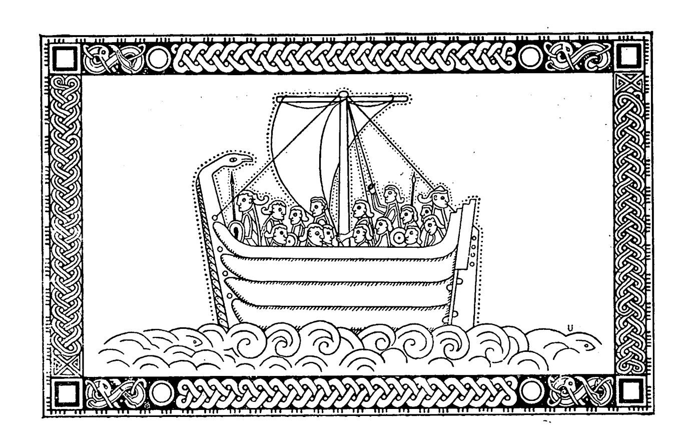

ПЛАВАНИЕ МАЙЛЬ-ДУЙНА

В этой саге пространно разработана та же тема «плавания в чудесную страну», что и в *Плавании Брана*. Но состав ее — весьма сложного происхождения. Ясно проступают христианские элементы, как, например, рассуждения о грехе (гл. VII), образы анахоретов (гл. IX и X), мораль прощения врагам (гл. XI) и т. п. Однако все это — несомненно позднейшие наслоения, основа же сказания — древне-языческая, как видно из встречающихся несколько раз образов «Блаженной страны» или «Острова женщин» (особенно в гл. VIII). Равным образом наслоениями являются черты, заимствованные из античности и своеобразно преломившиеся в ирландской фантазии, как, например, Циклоп (гл. VII) или птица Феникс (гл. IX). Автор этой осложненной версии, назвавший в конце свое имя, *Айд Светлый, мудрый поэт Ирландии*, проявил здесь большую начитанность: он дважды цитирует Виргилия, заимствует кое-что из латинской легенды *Плавание Брендана* и т. п. Он сочинил (вернее, переработал) эту сагу в X веке. Но более простая и, без сомнения, менее христианизованная версия ее существовала, по некоторым данным, уже в VII веке, если не ранее. Композиция саги (вдохновившей Теннисона на поэму «The Voyage of Mael dune») — весьма свободная; эпизоды, то контрастирующие, то дополняющие друг друга, изобилуют повторениями. Но в этой наивной бессвязности приключений есть своя прелесть: она превосходно передает чувство беспомощности путников, носимых судьбою по волнам беспредельного и жуткого, полного диковин океана.

Текст (с опущением стихов, которые в конце глав резюмируют их содержание, не внося ничего нового) издал Wh. Stokes в «Revue Celtique», тт. IX (1888) и X (1889).

Для удобообозримости пестрых авантюр саги мы разделили ее на главы, снабдив их заголовками.

I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАЙЛЬ-ДУЙНА И ЦЕЛЬ ЕГО ПЛАВАНИЯ

Был знаменитый муж из рода Эоганахтов[1] Нинусских, с Аранских островов[2], по имени Айлиль Острие-Битвы. Могучим воином был он, вождем своего рода и племени. И встретилась ему молодая монахиня, аббатиса женского монастыря. У них родился прекрасный сын — Майль-Дуйн, сын Айлиля. Вот как случилось, что был зачат и рожден Майль-Дуйн.

Однажды король области Эоганахтов отправился в набег на другую область и взял с собой Айлиля Острие-Битвы. Они распрягли коней и расположились на отдых на холме. Неподалеку от холма был женский монастырь. В полночь, когда все затихло в лагере, Айлиль пробрался в монастырскую церковь. В это же время пришла туда и монахиня, чтобы звонить в колокол,

созывая на всенощную. Айлиль схватил ее за руку, бросил на землю и овладел ею. Сказала ему женщина:

— Горестна судьба моя: теперь родится у меня ребенок. Из какого ты племени, и как имя твое?

Отвечал воин:

— Айлиль Острие-Битвы — имя мое; я из племени Эоганахтов, из северного Мумана.

После этого король, разорив страну и взяв заложников, вернулся в свою область с Айлилем. Вскоре после того как Айлиль вернулся в свой дом, морские разбойники убили его: они сожгли над его головой церковь в Дубклуайне [3]. А женщина по прошествии девяти месяцев родила на свет сына и дала ему имя — Майль-Дуйн. Мальчик был тайно отвезен к королеве, подруге матери, и та его воспитала под видом собственного сына. Был он воспитан своей приемной матерью в той же колыбели, вскормлен той же грудью, взрощен на тех же коленях, что и три королевских сына.

Прекрасен стал он обликом: вряд ли можно было найти другое существо из человеческой плоти столь же прекрасное, как он. Велики были блеск его в военных упражнениях, доблесть духа, ловкость в играх. Во всех состязаниях превосходил он своих сверстников — и в бросаньи мяча, и в беге, и в прыжках, и в метаньи камней, и в скачке на коне. Из всех их выходил он победителем.

Однажды один воин, завидовавший ему, в минуту гнева сказал:

— Эй, ты, победитель во всех состязаниях, на суше и на море, и в игре в шахматы, — а

ведь никто не знает, какого ты рода-племени и кто твои отец и мать!

Майль-Дуйн замолчал. До этого времени он считал себя родным сыном короля и королевы, своих приемных родителей. Он пошел к ним и сказал:

— Я не буду ни есть, ни пить до тех пор, пока вы не скажете мне, кто мои мать и отец.

— К чему этот вопрос? — отвечала королева. — Не принимай к сердцу слова дерзких юношей. Я — твоя мать. Ни одна женщина не любит сына сильнее, чем я тебя.

— Возможно, что так, — сказал он, — все же ты должна назвать мне моих родителей.

Тогда приемная мать отвела его к его матери. Он стал требовать, чтобы та назвала ему имя отца.

— Глупый, — сказала она ему, — если ты и узнаешь его, никакой пользы и радости тебе от этого не будет, ибо он давно уже умер.

— А все-таки я хочу знать, — отвечал он, — кем бы он ни оказался.

Тогда мать сказала ему всю правду:

— Айлиль Острие-Битвы был твой отец, из рода Эоганахтов Нинусских.

Майль-Дуйн отправился на родину своего отца, чтобы получить свое наследство, и его молочные братья пошли вместе с ним. Прекрасные были они воины. Родичи, которых он нашел, приветствовали его и оказали ему радушный прием.

Через некоторое время случилось, что несколько воинов стали метать камни на кладбище церкви в Дубклуайне. И Майль-Дуйн

в том числе тоже метал камни в развалины церкви, упершись ногой в один из обгорелых камней. Один клирик с ядовитым языком, по имени Брикне [4], сказал ему:

— Лучше бы тебе было отомстить за человека, который был сожжен здесь, чем бросать камни в его сухие, обуглившиеся кости.

— Что же это был за человек? — спросил Майль-Дуйн.

— Айлиль, — был ему ответ, — твой родной отец.

— Кто же его убил? — спросил Майль-Дуйн.

— Разбойники из Лайгиса [5], — отвечал Брикне. — Они убили его на этом самом месте.

Майль-Дуйн выпустил камень из своей руки и завернулся весь со всем оружием своим в плащ; в скорбь погрузился он. Погодя, он спросил, какая дорога ведет в Лайгис, и сведущие люди ответили ему, что добраться туда можно только морем.

Тогда он отправился в область Коркомруад [6], чтобы испросить у друида, жившего там, добрых чар и напутствия, перед тем как начать строить корабль. Нука было имя друида, и отсюда название местности той — Бойрен-Нука [7]. Друид назвал Майль-Дуйну счастливый день [8] для постройки корабля и число людей, которые должны были сесть в него, именно — семнадцать человек (а по другим сведениям — шестьдесят); ни на одного человека не должно было быть ни больше, ни меньше. Затем он определил ему день для отплытия.

Майль-Дуйн соорудил корабль из трех кож [9], и все путники приготовились к отплытию.

В числе других были среди них Герман и Дирран-стихотворец[10].

Они отплыли в тот самый день, который был указан друидом. Но едва они, подняв парус, отдалились немного от земли, как на берег прибежали три молочных брата Майль-Дуйна, сыновья его приемных родителей. Они принялись кричать, чтобы он вернулся и взял их с собой.

— Возвращайтесь обратно, — крикнул им Майль-Дун. — Если бы мы и причалили к берегу, то не взяли бы вас с собой, ибо должны ехать ровно столько человек, сколько нас есть.

— Мы бросимся в море вслед за тобой и потонем, если ты не заберешь нас, — отвечали они.

И с этими словами все трое действительно бросились в море и отплыли очень далеко от земли. Видя это, Майль-Дуйн, чтобы они не потонули, направился к ним и забрал их на свой корабль.

II

МАЙЛЬ-ДУЙН НАХОДИТ НА ОДНОМ ОСТРОВЕ УБИЙЦ СВОЕГО ОТЦА, НО БУРЯ УНОСИТ ЕГО КОРАБЛЬ В МОРЕ

В этот день они плыли до вечера и затем снова до полуночи, пока не встретили два маленьких пустынных острова, с двумя замками на них. Из замков доносились до них шум и пьяные крики: это были воины, хваставшиеся своими победами. И слышно было, как один говорил другому:

— Отступи в сторону![11] Мои подвиги выше твоих, ибо это я убил Айлиля Острие-Битвы и сжег церковь в Дубклуайне над его головой. И не было мне с тех пор никакой беды от его родичей. Ты никогда ничего подобного не совершал!

— Победа в наших руках! — воскликнул Герман и Диуран-стихотворец. — Бог прямым путем привел нас сюда, он направил наш корабль. Пойдем и разрушим эти два замка, раз бог открыл нам наших врагов!

В то время как они говорили это, сильный ветер налетел и угнал их корабль в открытое море на всю ночь, до утра. Утром же они не увидели перед собой ни земли, ни берега и не знали, в какую сторону направиться. Сказал Майль-Дуйн:

— Не будем искать пути: пусть бог сам направит наш корабль, куда захочет.

И они поплыли по великому, бесконечному океану. Майль-Дуйн сказал своим молочным братьям:

— Это вы причина того, что случилось, ибо вы сели на корабль вопреки запрету ведуна-друида. Он сказал нам, что число людей на корабле должно быть не большим, чем какое было до вашего прихода.

Ничего не ответили они ему и на некоторое время погрузились в молчание.

III

ОСТРОВ ГИГАНТСКИХ МУРАВЬЕВ. — ОСТРОВ БОЛЬШИХ ПТИЦ. — ЧУДОВИЩНЫЙ КОНЬ. — СКАЧКА ДЕМОНОВ

Три дня и три ночи пробыли они в море, не видя ни земли, ни берега. На утро четвер-

того дня они заслышали шум, доносившийся с северо-востока.

— Это шум волны, бьющей о берег, — сказал Герман.

Когда рассвело, они увидели, что подплыли к земле. В то время как они бросали жребий, кому сойти на берег, внезапно появилась громадная стая муравьев, величиной с жеребенка каждый, двинувшаяся на них по берегу и даже по воде: они хотели съесть их вместе с кораблем. Странники поспешно отчалили и снова носились по волнам три дня и три ночи, не видя пред собой ни земли, ни берега.

На утро четвертого дня они заслышали шум волны, бьющейся о берег, и, когда рассвело, увидели высокий большой остров. По краям его были уступы, постепенно спускавшиеся к воде. На каждом из них росли ряды деревьев, на которых сидело множество больших птиц. Путники стали совещаться между собой, кому сойти на берег, чтобы осмотреть остров и узнать, не опасны ли птицы.

— Я пойду, — сказал Майль-Дуйн.

Он сошел на берег, осмотрел остров и не нашел там ничего опасного. Они утолили голод птицами и набрали множество их в запас себе на корабль.

И снова провели они в море три дня и три ночи. На утро четвертого дня они завидели другой большой остров с песчаной почвой. Когда они приготовились уже было сойти на берег, они заметили на нем животное, похожее на коня. У него были лапы как у пса, с твердыми и острыми копытами. Увидев их, зверь

проявил большую радость, ибо он хотел съесть их вместе с кораблем.

— Он не прочь был бы добраться до нас,— сказал Майль-Дуйн. — Бежим скорей от этого острова!

Так они и сделали. Когда зверь заметил их бегство, он побежал к берегу, стал рыть землю своими острыми копытами и бросать в них камни. Они же поспешили спастись от него.

Долго плыли они после этого, пока не завидели перед собой большой плоский остров. Злой жребий сойти и осмотреть этот остров выпал Герману.

— Я пойду вместе с тобой,— сказал Диуран-стихотворец. — Зато в другой раз ты пойдешь со мной, когда настанет мой черед итти на разведку.

Итак, они вдвоем сошли на остров. Велик был он в глубину и в ширину. Они набрели на длинную, обширную лужайку, со следами громадных конских копыт на ней. Шириной с корабельный парус был каждый конский след. Им попались также скорлупки огромных орехов и остатки от пиршества человеческим мясом. Они пришли в ужас от того, что увидели, и позвали своих спутников, чтобы они тоже посмотрели. Те также пришли в ужас от того, что увидели, и все с крайней быстротой и поспешностью сели обратно на корабль.

Не успели они далеко отъехать от острова, как увидели огромную толпу существ, которые устремились с моря на остров и, достигнув лужайки, принялись скакать на конях по ней. Кони их носились быстрее ветра, и наездники

при этом кричали громким голосом. Майль-Дуйн услышал удары плетей и различил возгласы:

— Подайте мнѐ серого коня!

— Вот бурый конь!

— Подайте мне белого!

— Мой конь быстрее!

— Мой скачет лучше!

Когда Майль-Дуйн и его спутники услышали это, они изо всех сил поспешили прочь, ибо им стало ясно, что они видят сборище демонов.

IV

ДОМ С ЛОСОСЕМ. — ЧУДЕСНЫЕ ЯБЛОКИ. — ВРАЩАЮЩИЙСЯ ЗВЕРЬ. — БОЙ КОНЕЙ. — ОГНЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ И ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

Целую неделю плыли они после этого, страдая от голода и жажды, пока не завидели большой высокий остров с домом на самом берегу. Одна дверь дома выходила на равнину посреди острова, другая—на море. Эта последняя была завалена камнем; в нем было просверлено отверстие, через которое волны загоняли лосося внутрь дома.

Путники вошли в дом и никого не нашли в нем. Они заметили там ложе, приготовленное для хозяина дома, и еще три ложа для троих его людей, а кроме того — пищу перед каждым ложем и по стеклянному кувшину с добрым пивом, а подле каждого кувшина — по стеклянной чашке. Они насытились этой пищей и пивом и возблагодарили всемогущего бога, спасшего их от голодной смерти.

Покинув этот остров, они долгое время плыли без пищи, страдая от голода, пока не достигли другого острова, окруженного со всех сторон громадными скалами. На этом острове был лес, длинный и узкий, — очень длинный и очень узкий. Проплывая вдоль берега мимо этого леса, Майль-Дуйн протянул руку и отломил одну ветвь. Три дня и три ночи оставалась ветвь в его руке, пока корабль под парусами огибал скалы, а на третий день на конце ее появилось три яблока. Каждого яблока хватило, чтобы насытить их всех в течение трех дней [12].

После этого они приплыли к другому острову с каменной оградой вокруг него. Когда они совсем приблизились к нему, пред ними появился громадный зверь, который принялся бегать вокруг острова. Майль-Дуйну казалось, что он бегает быстрее ветра. Затем зверь устремился на самое высокое место острова и стал там, вытянувшись, головой вниз, ногами вверх. Вот что он при этом делал: он то вращался сам внутри своей кожи, то есть его тело и кости вращались, а кожа оставалась неподвижной; то, наоборот, кожа его вращалась снаружи как мельница, в то время как тело и кости его оставались неподвижными.

Пробыв долгое время в таком состоянии, зверь вскочил на ноги и опять принялся бегать по острову, как и раньше. Затем он возвратился на прежнее место и стал делать то же самое, но так, что теперь нижняя половина кожи оставалась неподвижной, а верхняя вращалась как мельничный жернов. Таким

упражнениям предавался он всякий раз в промежутках между бегом по острову.

Майль-Дуйн и его спутники поспешно убежали. Зверь заметил их бегство и помчался к берегу, чтобы схватить их. Они успели отчалить, когда зверь достиг берега, и тогда он стал яростно швырять в них прибрежными камнями. Один камень попал в корабль, пробил насквозь щит Майль-Дуйна и упал на корму корабля.

Вскоре после этого они встретили другой остров, большой и прекрасный, со множеством животных на нем, похожих на коней. Они вырывали из боков друг у друга куски мяса, так что потоки алой крови текли из их боков, заливая всю землю. Майль-Дуйн и его спутники быстро, поспешно, стремительно покинули этот остров, опечаленные, расстроенные, угнетенные виденным ими. И они не знали, куда теперь направить путь и где искать утешения, добрую землю и берег.

После долгих страданий от голода и жажды, растерянные и истомленные, уже потеряв всякую надежду на спасение, они достигли, наконец, другого большого острова. Много деревьев было на нем, покрытых плодами: то были золотые яблоки. Красные животные в роде свиней бродили под деревьями [13]. Они подходили к деревьям и ударяли в них задними ногами, так что яблоки падали, и тогда они их поедали. А после захода солнца они прятались в пещеры и не выходили оттуда до рассвета.

Множество птиц плавало по волнам вокруг острова. С самого утра до середины дня они плыли, удаляясь от острова, с середины же дня

до вечера плыли обратно к острову и достигали его с заходом солнца, после чего чистили и поедали яблоки.

— Пойдем на остров, туда, где птицы, — сказал Майль-Дуйн. — Нам не трудно сделать то же, что делают они.

Один из них сошел на остров, чтобы осмотреть его, и потом позвал к себе в подмогу одного из товарищей. Почва острова была совсем раскалена под их ногами, так что трудно было из-за жары долго на ней оставаться: это была огненная земля, ибо животные из своих пещер нагревали ее.

Они, однако, смогли захватить несколько яблок, которые съели затем на корабле.

На рассвете птицы покинули остров и поплыли от него по морю, а огненные животные вылезли из пещер и стали поедать яблоки до самого захода солнца. А потом, когда они опять ушли в свое убежище, птицы снова появились вместо них и стали поедать яблоки. Тогда Майль-Дуйн и его спутники пришли и собрали все яблоки, сколько их нашлось в ту ночь, и благодаря этому предохранили себя от голода и жажды на некоторое время. Они нагрузили свой корабль этими яблоками, весьма им понравившимися, а затем снова пустились в море.

V

ЗАМОК ВОЛШЕБНОГО КОТА. — ПЕРЕКРАШИВАЮЩИЙ ОСТРОВ. — ОСТРОВ С ОГРОМНЫМИ СВИНЬЯМИ, БЕЗРОГИМИ БЫКАМИ И ОГНЕННОЙ РЕКОЙ. — СТРАШНАЯ МЕЛЬНИЦА

Когда яблоки кончились и путники снова начали страдать от голода и жажды, а рты и

носы их наполнились горечью морской, они завидели небольшой остров с замком на нем, окруженным белой стеной, сделанной словно из известки, — как будто из одной сплошной массы ее. Высока была эта стена, — чуть не доходила до облаков. Вход в замок был открыт. Около вала было несколько больших домов, белых, как снег.

Они вошли в самый большой из домов и не нашли там никого, кроме маленького кота[14], который играл на четырех каменных столбах, бывших внутри дома: он перепрыгивал с одного из них на другой. Он едва посмотрел на вошедших и не прервал своей игры.

Затем они заметили множество предметов, прикрепленных в три ряда вдоль стен, от одной двери к другой. Первый ряд состоял из золотых и серебряных пряжек, острия которых были воткнуты в стену. Второй — из золотых и серебряных ожерелий, величиной с обруч боченка каждое. Третий ряд составляли большие мечи с золотыми и серебряными рукоятками.

Комнаты были полны белых одеял и одежд ярких цветов. Были там еще жарёная говядина и ветчина, а также большие кувшины с прекрасным хмелящим пивом.

— Не для нас ли все это приготовлено? — спросил Майль-Дуйн, обращаясь к коту.

Тот быстро на него взглянул и продолжал свою игру. Майль-Дуйн понял из этого, что угощение было приготовлено для них. Они поели, попили и легли спать. Остатки пива они перед этим слили в кувшины, а остатки пищи тщательно прибрали.

Когда они собрались уходить, один из молочных братьев сказал Майль-Дуйну:

— Не взять ли мне одно из этих ожерелий?

— Нет, — ответил ему Майль-Дуйн, — этот дом не без сторожа.

Тот все же взял ожерелье. Кот, следивший за ним, дал ему пройти пол-пути до выхода, затем бросился на него, как огненная стрела, и сжег, обратив в пепел, после чего снова вернулся на свой столб.

Майль-Дуйн успокоил кота ласковыми словами, повесил ожерелье на прежнее место, собрал пепел с земли и бросил его на прибрежные скалы. После этого они сели на корабль, благодаря и восхваляя господа.

На утро четвертого дня после этого завидели они другой остров, с медной изгородью, разделявшей его пополам. Там были огромные стада овец: по одну сторону изгороди — черных, по другую—белых овец. Они увидели также огромного роста человека, который распределял овец. Когда он перебрасывал белую овцу через изгородь на ту сторону, где было черное стадо, она тотчас же становилась черной. Когда же он перебрасывал на другую сторону черную овцу, она тотчас становилась белой. Путники пришли в ужас от того, что увидели.

— Вот что мы сделаем, — сказал Майль-Дуйн. — Бросим две ветки на остров. Если они также переменят цвет, значит, и с нами случится то же самое, если мы сойдем на остров.

Они бросили ветку с черной корой на ту сторону, где были белые овцы, и она тотчас же стала белой. Затем, содрав кору с другой ветки,

так что она сделалась белой, они бросили ее на ту сторону, где были черные овцы, — и она тотчас стала черной.

— Не предвещает нам ничего доброго это испытание, — сказал Майль-Дуйн. — Не будем высаживаться на этот остров. Без сомнения, и с нашей кожей там будет не лучше, чем с ветками.

И в страхе великом они отплыли от острова.

На четвертый день после этого завидели они другой большой, обширный остров, на котором было стадо прекрасных свиней огромных размеров. Они убили маленького поросенка и не в силах были стащить его к себе на корабль, чтобы сварить его. Они все собрались вокруг него, изжарили на месте и по кускам отнесли на корабль.

Затем они заметили на острове большую гору и решили взобраться на нее, чтобы осмотреть остров с ее вершины. Когда Диуран-стихотворец и Герман направились к этой горе, им пересекла путь река, очень широкая, но такая мелкая, что можно было перейти ее в брод. Герман опустил древко своего копья в реку, и оно тотчас испепелилось, словно сожженное огнем. Они не пошли дальше.

По другую сторону реки они заметили стадо огромных безрогих быков и громадного роста человека, сидящего подле них. Герман ударил своим копьем в щит, чтобы испугать быков.

— К чему пугать глупых телят? — сказал великан-пастух.

— А где матери этих телят? — спросил Герман.

— По ту сторону этой горы, — отвечал тот.

Диуран и Герман вернулись к своим спутникам и рассказали им все, что видели. После этого они снова поплыли.

Немного погодя, они встретили остров, на котором была огромная уродливая мельница, а возле нее — страшного вида великан-мельник.

— Что это за мельница? — спросили они его.

— Неужели вы сами не знаете? — сказал он.

— Не знаем, — отвечали они.

— Половина зерна вашей страны мелется здесь, — сказал он. — Все, что приносит горесть, мелется на этой мельнице.

Они увидели, как тяжелые, бесчисленные грузы на лошадях и на плечах тащились на мельницу и выезжали из нее; но все то, что выходило из мельницы, направлялось на запад. И снова они спросили:

— Как же зовется эта мельница?

— Мельница Инбер Тре-Кенан [15], — ответил им мельник.

Увидев и услышав все это, они осенили себя крестным знамением и вернулись на свой корабль.

VI

ОСТРОВ ЧЕРНЫХ ПЛАКУНОВ. — ОСТРОВ С ЧУДЕСНОЙ ПИЩЕЙ. — ВОЛШЕБНЫЙ МОСТ И ПРЕКРАСНАЯ ХОЗЯЙКА

Отплыв от острова с мельницей, они достигли другого большого острова с множеством людей на нем. Черны были и кожа, и одежды их. На головах у них были сетки, и они беспрерывно стонали. Злой жребий сойти на остров выпал одному из двух оставшихся молочных братьев

Майль-Дуйна. Как только приблизился он к плакавшим людям, он тотчас же почернел, как они, и принялся вместе с ними плакать. Послали двух других людей, чтобы привести его обратно, но они не узнали его среди других и сами принялись так же стонать.

Сказал тогда Майль-Дуйн:

— Пусть четверо из вас с оружием пойдут туда и силой приведут наших людей обратно. Не смотрите ни на землю, ни в воздух; прикройте плащами носы и рты ваши, не вдыхайте воздуха той земли и глядите все время только на ваших товарищей.

Они так и сделали: пошли вчетвером и силой привели своих двух товарищей. Когда тех спросили, что они видели на той земле, они ответили:

— Мы ничего не знаем и не помним. Мы только должны были делать то же самое, что и люди той земли.

И они поспешно отплыли от этого острова.

После этого они достигли другого высокого острова, разделенного четырьмя изгородями на четыре части. Одна изгородь была из золота, другая из серебра, третья из меди, четвертая из стекла. В одном отделении находились короли, в другом королевы, в третьем воины, в четвертом молодые девушки.

Одна из девушек вышла им навстречу, помогла им сойти на берег и предложила пищу. С виду эта пища была похожа на сыр, но каждый нашел в ней вкус того кушанья, какого желал [16]. Они разделили между собой напиток, поданный им в маленьком кувшине, и его с

избытком хватило на всех, так что они охмелели и проспали три дня и три ночи. Девушка же охраняла их в течение всего этого времени.

Когда они на четвертый день пробудились, то оказались среди моря, на своем корабле. Не видно было больше ни острова, ни девушки. И они поплыли дальше.

Затем они добрались до другого небольшого острова. На нем была крепость с воротами из чистой бронзы. Стеклянный мост вел к ней. Они несколько раз пытались перейти мост, но всякий раз какая-то сила отбрасывала их назад [17]. Они увидели, как из замка вышла женщина с ведром в руках. Она приподняла стеклянную плиту в нижней части моста, набрала в ведро воды из ручья, протекавшего под мостом, и вернулась в замок.

— Вот славная хозяйка для Майль-Дуйна! — воскликнул Герман.

— Конечно, для Майль-Дуйна! — сказала она, захлопывая за собой дверь.

Они стали тогда стучать в бронзовые украшения моста. Эти удары зазвучали сладкой, нежной музыкой, от которой они впали в сон, длившийся до самого утра [18]. Когда они пробудились, то увидели, что та же самая женщина, выйдя из замка, черпает ведром воду под той же плитой.

— Опять идет к Майль-Дуйну его хозяйка! — сказал Герман.

— Высок и славен Майль-Дуйн предо мной! — ответила она, запирая ворота замка за собой.

И снова та же музыка повергла их в сон до следующего утра. Так повторялось три дня. На

четвертое утро женщина направилась к ним. Прекрасна была она. Белый плащ облекал ее; золотой обруч обрамлял ее золотые волосы; на ее розовых ногах были серебряные сандалии; серебряная пряжка с золотыми украшениями скрепляла ее плащ, и сорочка из тонкого шелка покрывала ее белую кожу.

— Привет тебе, о Майль-Дуйн, — сказала она, и затем приветствовала по очереди всех остальных, назвав каждого по имени.

— Давно уже знали мы о приезде вашем и поджидали вас, — прибавила она.

Затем она повела их в большой дом, находившийся около моря, и втащила их корабль на берег. Они нашли в доме отдельное ложе для Майль-Дуйна и по одному ложу на каждых троих из них.

Она принесла им в корзине пищу, с виду похожую на сыр или творог, и дала по куску ее на каждых троих. И каждый нашел в ней вкус того кушанья, какого желал. Майль-Дуйну она прислуживала в отдельности. Она наполнила кувшины водою из того же источника и подала по кружке каждым троим из них. Когда же она заметила, что они достаточно насытились и утолили жажду, то перестала угощать их.

— Вот подходящая жена для Майль-Дуйна, — сказали они друг другу.

После этого она вышла, унеся с собой кувшин и ведро. Спутники Майль-Дуйна сказали ему:

— Не поговорить ли нам с ней? Может быть, она согласится разделить с тобой ложе?

— Какая беда может выйти от того, что вы поговорите с нею? — сказал Майль-Дуйн.

Когда она на следующий день пришла к ним, они сказали ей:

— Не хочешь ли ты выказать любовь к Майль-Дуйну и разделить с ним ложе? Почему бы тебе не остаться здесь с ним на эту ночь?

Но она ответила им, что ей неведом грех и что она никогда не знала его; и с этим она ушла от них. На другой день она в обычный час снова явилась к ним, чтобы угощать и ухаживать за ними. Когда они насытились и охмелели, они опять завели с ней речь о том же.

— Завтра я вам дам ответ, — сказала она.

Она удалилась, и они опять легли спать на своих ложах. Когда же они пробудились, то увидели себя на корабле, возле скалы, и не видно было ни острова этого, ни замка, ни женщины, ни места, где они были перед тем.

VII

ГОВОРЯЩИЕ ПТИЦЫ. — ОСТРОВ С ОТШЕЛЬНИКОМ. — ЧУДЕСНЫЙ ИСТОЧНИК. — КУЗНЕЦЫ-ВЕЛИКАНЫ. — СТЕКЛЯННОЕ МОРЕ. — ОБЛАЧНОЕ МОРЕ. — РОБКИЕ ОСТРОВИТЯНЕ

Проплыв немного, они заслышали доносившиеся с северо-востока громкий крик и пение, как будто псалмов. Всю эту ночь и следующий день до середины его они плыли и все не могли понять, что это за крик и пение. Наконец, они увидели высокий, гористый остров, покрытый черными, коричневыми и пестрыми птицами, которые кричали и громко разговаривали между собой.

Они немного отплыли от него и натолкнулись на другой, небольшой остров. На нем было много деревьев, а на них — большая стая птиц.

Кроме того, они увидели там человека, одеждой которого были лишь его волосы. Они спросили его, кто он такой и из какого племени.

— Я из мужей Ирландии, — отвечал он им. — Я отправился в паломничество на маленьком кораблике. Едва я отдалился от земли, как моя ладья сломалась подо мной. Тогда я вернулся на землю, взял под ноги кусок дерна и пустился на нем в море. Господь утвердил для меня здесь этот кусок дерна. С тех пор он увеличивает его каждый год на одну пядень, и каждый год на нем вырастает по дереву. Птицы, которых вы видите на деревьях, это — души моих детей и моих родичей, как мужчин, так и женщин, и они ждут здесь судного дня. Бог дал мне полхлеба, ломтик рыбы и воду из источника: все это я получаю каждый день через его ангелов. В середине дня другая половина хлеба и ломтик рыбы появляются для всех этих мужчин и женщин, а также и вода из источника в количестве, достаточном для всех [19].

Пробыв там три дня и три ночи, они простились с отшельником, который сказал им при этом:

— Все вы достигнете родины, кроме лишь одного из вас.

Через три дня после этого они достигли острова, окруженного стеной, основание которой было белое, как пух. Они заметили на острове человека, одеждой которого были лишь его волосы. Они спросили его, чем питает он свое тело. Отвечал он:

— Есть источник на этом острове. По средам и пятницам он струит сыворотку или воду;

но по воскресеньям и в дни святых он дает доброе молоко, а в дни апостолов, Марии, Иоанна-крестителя, и в другие большие праздники — пиво и вино.

После полудня господь послал каждому из них по пол-хлебца и по куску рыбы; и они утолили свою жажду водой, которую давал источник на острове. После этого они впали в глубокий сон, длившийся до следующего утра. После того как они провели у отшельника три дня, он приказал им дальше двинуться в путь. И, простившись с ним, они отплыли.

Долгое время пробыли они затем на море, пока не увидели вдали остров; приблизившись к нему, они услышали шум, какой производят не менее трех или четырех кузнецов, бьющих молотами железо на наковальне. Подъехав поближе, они услышали, как один человек спрашивал другого:

— Они уже близко?

— Да, — отвечал другой.

— А кто они такие, плывущие к нам? — опять спросил первый.

— С виду какие-то ребятишки в лодчонке, — был ему ответ.

Когда Майль-Дуйн услышал, что говорили кузнецы, он сказал:

— Едем скорей назад и не будем поворачивать корабль, чтобы они не заметили нас, а поплывем кормой вперед.

Так они и сделали. Опять спросил первый из кузнецов:

— Ну, как, близко они теперь от берега?

— Они стоят на месте: не двигаются ни вперед, ни назад.

Немного погодя, первый опять спросил:

— А теперь что они делают?

— Мне кажется, — отвечал наблюдавший, — что они уплывают от нас. Как будто они теперь дальше от берега, чем раньше.

Тогда кузнец вышел из кузницы, захватив щипцами громадную глыбу раскаленного железа. Он метнул ее в море в направлении корабля, и все море закипело. Но он не попал в корабль. И они уплыли со всей боевой силой быстро, поспешно, далеко в великий океан [20].

Проплыв затем некоторое время, они попали в море, похожее на зеленое стекло. Так велика была его прозрачность, что видны были мелкие камешки и песок на его дне. Не видно было ни чудовищ, ни животных между скал, — одни только голые камешки и зеленый песок. Долго они плыли по этому морю. Велики были красота и блеск его.

Затем они попали в другое море, похожее на облако: им казалось, что оно не может выдержать их корабля. На дне моря, под собой, они видели крытые здания и прекрасную страну. Еще заметили они там громадного зверя, страшного, чудовищного, сидевшего на дереве, и пастухов со стадом, расположившихся вокруг дерева, а рядом с деревом — вооруженного человека со щитом и копьем.

Когда он заметил громадного зверя, сидевшего на дереве, он кинулся бежать от него. Зверь же, не слезая с дерева, вытянул шею, достал головой до спины ближайшего быка, втащил его к себе на дерево и пожрал в одно мгновение. Стадо и пастухи бросились бежать.

Когда Майль-Дуйн и его спутники увидели это, ужас и трепет еще сильнее охватили их, ибо им казалось, что они не смогут переплыть это море, не упав на дно: рыхлой, как облако, казалась вода его. Все же после многих опасностей они проплыли его.

Дальше встретили они другой остров; море дыбилось кругом, образуя гигантскую ограду вокруг него. Когда жители острова завидели плывущих, они стали кричать: «Вот они! Вот они!» — до потери голоса.

Майль-Дуйн и его спутники увидели множество людей и большие стада коров, лошадей и овец. Одна женщина стала бросать в плывущих громадные орехи, которые оставались на поверхности воды. Путники подобрали множество этих орехов и взяли с собой. Когда они отплыли, крик прекратился.

— Где они теперь? — спросил человек, пришедший на крик.

— Они удалились, — отвечало несколько человек.

— Это не они, — сказали другие.

Видимо, жители острова ждали каких-то других людей, которые могли разорить остров и прогнать их с него.

VIII

ПРОТОК-РАДУГА. — СЕРЕБРЯНЫЙ СТОЛП С СЕТЬЮ. — ОСТРОВ НА НОЖКЕ. — ОСТРОВ ПРЕКРАСНЫХ ЖЕНЩИН

После этого они достигли другого острова, где им предстало удивительное зрелище. Большой поток поднимался из моря у берега, по одну

сторону острова; затем он струился по воздуху, как радуга, и опускался по другую сторону острова. Путники прошли под потоком, не замочив себя. Они вонзали копья в поток, и оттуда падали вниз, на землю, громадные лососи. И весь остров наполнился запахом рыбы, ибо невозможно было собрать ее всю, — так много ее было.

С вечера воскресенья до полудня понедельника поток не струился, а оставался неподвижным, лежа в море дугой около острова.

Путники забрали с собой самых крупных лососей, нагрузили ими свой корабль и, отчалив от острова, снова пустились в океан.

Они плыли затем, пока не подъехали к гигантскому серебряному столпу. Четырехгранный был он, и каждая сторона — в два удара корабельных весел: чтобы объехать его, требовалось восемь ударов весел. Ни клочка земли не было подле него — один бесконечный океан. Не видать было ни основания столпа, ни вершины его, — так высок был он.

Сверху столпа спускалась, широко раскинувшись, серебряная сеть, и корабль со свернутыми парусами проплыл через одну из петель ее[21]. Диуран ударил лезвием своего меча по петлям сети.

— Не разрушай сеть, — сказал ему Майль-Дуйн. — То, что мы видим — создание могучих людей.

— Я это делаю, — возразил Диуран, — во славу божию: чтобы люди поверили рассказу о моих приключениях. Я возложу кусок этой сети на алтарь Армага, если суждено мне вернуться в Ирландию.

Так он и сделал потом. Две с половиной унции весил принесенный им кусок.

Они услышали с вершины столпа голос мощный, звонкий, звучный, но не могли понять, ни кто говорит, ни на каком языке.

Затем они увидели остров, поднимавшийся на ножке: весь он стоял на этой ножке[22]. Они объехали остров кругом, ища способ проникнуть в него, но не нашли пути. Однако в нижней части ножки они заметили дверь, запертую на замок, и поняли, что через нее можно было попасть на остров. На вершине острова они увидали пахаря, но он не заговорил с ними, и они не заговорили с ним тоже. Они поплыли дальше.

После этого они достигли большого острова; широкая равнина была на нем, с высокой площадкой, покрытой не вереском, а сплошной мягкой травой. Еще заметили они на острове большой, высокий, крепкий замок, разукрашенный и снабженный прекрасными ложами внутри. Семнадцать девушек были там заняты приготовлением бани.

Путники сошли на остров и сели на площадке перед замком. Сказал Майль-Дуйн:

— Без сомнения, это для нас готовят баню.

После полудня они увидели, как к замку подскакал всадник на превосходном коне с прекрасным, разукрашенным чепраком. На голове его был голубой капюшон, на плечах — пурпурный плащ, украшенный бахромой, на руках — вышитые золотом перчатки, на ногах — прекрасные сандалии. Когда он спешился, одна из девушек тотчас же отвела его коня, взяв под уздцы.

Всадник же вошел в замок и отправился в баню. Тогда смотревшие увидели, что это была женщина.

Немного погодя, одна из девушек подошла к ним:

— Добро пожаловать! — сказала она им. — Заходите в замок, королева приглашает вас.

Они вошли в замок и вымылись в бане. В комнате, где их дожидались, по одну сторону сидела королева, окруженная семнадцатью девушками, а по другую сторону, напротив ее, сел Майль-Дуйн, окруженный семнадцатью спутниками. Блюдо с доброй пищей поставили перед Майль-Дуйном, а также стеклянный кувшин, наполненный вкусным напитком; спутникам же его было предложено по одному блюду и одному кувшину на каждых троих.

Когда они насытились, королева спросила:

— Как расположатся гости на ночлег?

— Так, как ты прикажешь, — отвечал Майль-Дуйн.

— На утеху себе прибыли вы на наш остров, — сказала королева. — Пусть же каждый из вас возьмет с собой женщину, которая сидит напротив него, и последует за ней в ее комнату.

И в самом деле, там было семнадцать комнат, прекрасно убранных, с отличными ложами. Итак, семнадцать путников провели ночь с семнадцатью девушками, Майль-Дуйн же провел ночь на ложе королевы. На следующее утро они встали и принялись собираться в путь.

— Оставайтесь здесь, — сказала им королева, — и время не коснется вас. Каждый сохранит свой нынешний возраст, и ваша жизнь

будет вечной. То, что вам было предложено вчера вечером, вы будете получать каждый вечер, без труда. Не к чему вам больше скитаться от одного острова к другому по океану[23].

— Скажи мне, — молвил Майль-Дуйн, — как попала ты на этот остров?

— Не трудно сказать, — отвечала она. — Жил здесь добрый муж, король этого острова. Я родила ему этих семнадцать девушек: они все мои дочери. Отец их умер, не оставив мужского потомства, и я приняла королевскую власть над островом[24]. Каждый день я отправляюсь на широкую равнину, расположенную на этом острове, и творю там суд и разрешаю тяжбы между жителями.

— Зачем ты хочешь нас покинуть сейчас? — воскликнул Майль-Дуйн.

— Если я не пойду, — отвечала она, — то все, что было с вами прошлый вечер, не повторится опять. Оставайтесь только, — добавила она, — в этом доме, не заботясь ни о чем. Я иду совершать суд среди народа для вашего же блага.

Они пробыли на этом острове три зимних месяца; но это время показалось им тремя годами.

— Очень уж долго мы здесь живем, — сказал Майль-Дуйну один из его людей. — Почему не возвращаемся мы на родину?

— Неразумно ты говоришь, — ответил ему Майль-Дуйн. — Ведь мы не найдем на родине лучшего, чем то, что имеем здесь.

Спутники Майль-Дуйна стали роптать на него, говоря:

— Велика любовь Майль-Дуйна к этой женщине. Оставим его здесь с нею, если он этого хочет, а сами вернемся на родину.

— Я не останусь здесь без вас, — сказал Майль-Дуйн.

Однажды, когда королева ушла, чтобы творить суд там, где она делала это каждый день, они сели на свой корабль. Она прискакала на коне и бросила вслед им клубок нитей. Майль-Дуйн схватил клубок, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула корабль назад к берегу [25].

Они пробыли у нее еще три месяца. И трижды повторялось то же самое, когда они пытались уехать. Тогда они стали держать совет.

— Теперь мы хорошо видим, — говорили они, — как велика любовь Майль-Дуйна к этой женщине. Он нарочно старается, чтобы клубок пристал к его ладони и мы таким образом вернулись в замок.

— Пусть кто-нибудь другой примет клубок, — сказал Майль-Дуйн, — и, если он пристанет к его ладони, отрубите ему руку.

Они сели на корабль. Королева опять бросила им клубок нитей. Один из путников схватил его, и он пристал к его ладони. Тогда Диуран отрубил ему руку, и она упала вместе с клубком в море. Увидев это, королева начала испускать крики и стоны, оглашая ими всю страну.

Вот каким образом они расстались с нею и бежали с острова.

IX

ХМЕЛЯЩИЕ ПЛОДЫ. — ОТШЕЛЬНИК И ОЗЕРО ЮНОСТИ. — ОСТРОВ ХОХОТУНОВ. — ОГНЕННАЯ ОГРАДА

Долго после этого носились они по волнам, пока не достигли острова с деревьями, походившими на ивы или орехи. На них были странные плоды в виде громадных ягод. Путники собрали плоды с одного маленького деревца и бросили между собой жребий, кому первому отведать этих плодов. Пал жребий на Майль-Дуйна. Он выжал сок нескольких плодов в чашку, выпил его и тотчас же впал в глубокий сон, длившийся ровно сутки, до того же самого часа следующего дня. Спутники его не знали, жив он или умер, ибо на губах его была красная пена, до самого того часа, когда он проснулся.

Пробудившись, он им сказал:

— Соберите эти плоды, они превосходны.

Они собрали их и разбавили водой их сок, чтобы ослабить его хмелящую и усыпляющую силу. Они собрали все плоды, сколько их было, сдавили их и наполнили соком все сосуды, какие только у них нашлись. После этого они отплыли от острова[26].

Они приплыли к другому большому острову. Одна половина его представляла собою лес из тисов и больших дубов, другая — равнину с маленьким озером посреди нее. На равнине паслись большие стада баранов. Путники заметили маленькую церковь и замок. Они направились в церковь. Там был старый клирик, весь окутанный собственными волосами.

— Откуда ты? — спросил его Майль-Дуйн.

— Я последний из пятнадцати спутников Брендана из Бирра [27]. Мы отправились в паломничество по океану и прибыли на этот остров. Все мои спутники умерли, и я остался один.

И он показал им таблички Брендана, которые они взяли с собой в паломничество.

Все склонили колени перед ними, и Майль-Дуйн облобызал таблички.

— Ешьте этих баранов в меру потребы вашей, но не больше того.

И некоторое время они питались мясом жирных барашков.

Однажды, глядя с острова на море, они завидели словно облако, несшееся на них с юго-запада. Через некоторое время, продолжая наблюдать, они увидели, что это птица, ибо видны были взмахи крыльев. Она прилетела на остров и села на холм около озера. Им казалось, что она сейчас схватит их когтями и унесет в море.

Птица принесла с собой ветвь громадного дерева: ветвь эта была толще крупного дуба. Широкие разветвления были на ней, и верхушка ее была густо покрыта свежими листьями. Тяжелые, обильные плоды были на ней, с виду словно красные ягоды в роде винограда, но только крупнее.

Путники притаились, выжидая, что станет делать птица. Утомленная перелетом, она некоторое время отдыхала, а затем принялась поедать плоды с ветви. Майль-Дуйн подошел к самому подножию холма, на котором сидела птица, чтобы посмотреть, не причинит ли она ему зла; но она ничего ему не сделала. Тогда все его люди подошли туда.

— Пусть один из нас пойдет, — сказал Майль-Дуйн, — и сорвет несколько плодов с этой ветви.

Один из них пошел и сорвал несколько ягод, и птица не помешала ему; она даже не взглянула на него и не шевельнулась. Восемнадцать воинов с щитами подошли к птице сзади, и она ничего им не сделала.

В тот же день, после полудня, они увидели двух больших орлов, несшихся с юго-запада, оттуда же, откуда прилетела и та птица. Они спустились и сели подле нее. Просидев и отдохнув хорошенько, они затем начали чистить большую птицу, освобождая ее от насекомых, облепивших ее хохолок, зоб, глаза и уши. Они занимались этим до самого захода солнца. После этого все три птицы принялись есть ягоды с ветви.

На другой день, с утра до полудня, они снова обчищали все ее тело от насекомых, выщипывали ее старые перья, сдирали старую коросту с нее. А в полдень они сняли все ягоды с ветви, раздавили их клювами о камни и побросали в озеро, которое покрылось красной пеной.

Тогда большая птица вошла в озеро и пробыла в нем, полощась в воде, почти до самого конца дня. После этого она вышла из озера и села на тот же самый холм, но в другом месте его, чтобы животные, которых сняли с нее, не наползали опять на нее.

На следующее утро орлы вычистили и пригладили ей перья своими клювами так, как если бы сделали это гребешками. Они занимались этим до полудня. Затем они отдохнули не-

много и улетели в том направлении, откуда прилетели.

А большая птица, оставшись одна, все продолжала чиститься и помахивать крыльями до конца третьего дня. После этого, на утро четвертого дня, она взлетела, описала три круга вокруг острова и снова присела ненадолго отдохнуть на том же холме; затем поднялась и улетела в том направлении, откуда прилетела. Ее полет был еще быстрее и могучее, чем в первый раз [28].

Тогда Майль-Дуйн и его спутники поняли, что она сменила свою дряхлость на юность, по слову пророка: Renovabitur ut aquilae iuventus tua [29].

Увидев это великое чудо, Диуран воскликнул:

— Пойдем, выкупаемся в озере, в котором побывала птица, чтобы так же омолодиться.

— Нельзя этого делать, — сказал один из них, — ибо птица оставила в воде свой яд.

— Глупость сказал ты, — отвечал Диуран. — Я пойду в озеро первый.

Он вошел в него, выкупался, омочил свои губы и несколько раз глотнул воды. С тех пор до конца жизни зрение его оставалось крепким, ни один зуб не выпал у него, ни одного волоса не потерял он, и никогда не знал он ни хвори, ни болезни с того часа.

После этого они простились со старцем и, запасшись баранами на дорогу, пустили свой корабль по морю и поплыли по океану. Они встретили другой остров, широкий, с большой равниной на нем. Множество людей было на этой равнине, беспрерывно игравших и смеявшихся. Бросили жребий, кому сойти, чтобы

осмотреть остров. Пал жребий на третьего из молочных братьев Майль-Дуйна.

Как только он дошел до равнины, он тотчас же начал беспрерывно играть и смеяться вместе с людьми той земли, словно он провел всю жизнь с ними. Его товарищи долго-долго стояли на месте, дожидаясь его, но он к ним не вернулся. Так и оставили его там.

После этого они увидели другой, небольшой остров, который окружала огненная стена, подвижная, вращавшаяся вокруг острова. В одном месте этой стены была открытая дверь. Каждый раз, как она, при вращении стены, оказывалась против путников, они могли видеть через нее весь остров и все, что на нем было, со всеми его обитателями: там было множество людей, прекрасных обликом, в роскошных одеждах, пировавших с золотыми чашами в руках. Были даже слышны их застольные песни.

Долго взирали путники на чудесное зрелище, открывшееся им: оно казалось им пленительным.

X

ВОР-ОТШЕЛЬНИК

Вскоре после того как они отплыли от этого острова, они заметили среди волн нечто похожее на белую птицу. Они повернули корму корабля в сторону юга, к этому предмету, чтобы лучше его рассмотреть. Когда они подошли на веслах совсем к нему близко, они увидели, что это человек, все тело которого окутано седыми волосами. Он стоял на коленях на плоской скале. Подплыв к нему, они попросили его

благословить их. Затем они спросили его, как он попал на эту скалу; и вот что он рассказал им:

«Я родом из Тораха[30], — в Торахе вырос я. Я был там поваром, и дурным поваром, ибо пищу, принадлежавшую церкви, где я служил, я продавал за деньги и ценные предметы в свою пользу. Таким образом мой дом наполнился стегаными одеялами, подушками, всякими цветными одеждами из льна и шерсти, медными ведрами и иной утварью, серебряными пряжками с золотыми остриями. Не было в доме моем недостатка ни в чем, что только может быть приятно человеку; там были даже позолоченные книги и ларцы для книг, украшенные медью и золотом. Еще делал я подкопы под церковные здания и, проникая в них таким образом, похищал из них сокровища. Велики были в ту пору гордыня и дерзость мои.

Однажды попросили меня вырыть могилу одному крестьянину, тело которого принесли на остров. Роя могилу, услышал я голос, шедший снизу, из земли, под моими ногами:

— Не рой могилу на этом месте, не клади тело грешника сверху меня, праведного и благочестивого человека.

— Это дело касается меня и бога, — воскликнул я в своей гордыне.

— Аминь, — отвечал голос праведника. — Если ты положишь это тело на мое, твое собственное тело погибнет в три дня, и твоя душа пойдет в ад, а этот труп все равно будет убран отсюда.

Тогда я спросил древнего человека:

— А что ты дашь мне за то, что я не положу этого человека сверху тебя?

— Вечную жизнь в обители божьей, — отвечал он.

— Как убедиться мне в этом? — спросил я.

— Не трудно это, — был ответ. — Могила, которую ты роешь, будет все время засыпаться песком. Это покажет тебе ясно, что ты не можешь положить этого человека сверху меня, сколько бы ни старался.

Едва произнес он эти слова, как вся могила наполнилась песком. И тогда я похоронил тело в другом месте.

Через некоторое время после этого я спустил на море новый кораблик, обтянутый красной кожей, сел на него и огляделся с радостью вокруг себя: я не оставил в доме ничего, ни крупного, ни мелкого, но все забрал с собой: и чаны мои, и кубки, и блюда, — все было при мне. Пока я глядел на море, бывшее только что перед тем совсем тихим, вдруг налетел сильный ветер, унесший меня так далеко в море, что не видно было берега. Затем мой корабль остановился и не мог больше сдвинуться с места.

Поглядывая вокруг себя во все стороны, я заметил человека, сидящего на волне. Он спросил меня:

— Куда ты плывешь?

— Мне желательно, — отвечал я, — плыть в том направлении, куда смотрят мои глаза.

— Ты перестал бы желать этого, — отвечал он, — если бы узнал, какая толпа окружает тебя.

— Что же это за толпа? — спросил я.

— На сколько хватает зрения в даль моря и вверх, до облаков, все это полно демонов, обступивших тебя из-за твоей алчности, гордыни, дерзости, из-за хищений и преступлений твоих. Знаешь ты, почему остановился корабль твой?

— Поистине, не знаю, — сказал я.

— Он не сдвинется с этого места, пока ты не исполнишь мою волю.

— Я не потерплю этого! — сказал я.

— Ты претерпишь муки ада, если не подчинишься моей воле.

Он приблизился ко мне и коснулся меня рукой; и я обещал исполнить его волю.

— Брось в море, — сказал он, — все добро, которое находится на твоем корабле.

— Жаль, — сказал я, — если оно погибнет понапрасну.

— Не понапрасну погибнет оно. Есть некто, кому ты поможешь этим.

И я бросил в море все, что со мной было, кроме одной маленькой деревянной чашечки.

— Теперь плыви дальше, — сказал старец, — и утвердись на том месте, где остановится твой корабль.

И он дал мне на дорогу чашечку сыворотки и семь хлебцев.

И вот, — продолжал свой рассказ древний человек, — я поплыл в ту сторону, куда ветер гнал мой корабль, ибо я бросил и весла и руль. И волны, играя мною, выбросили меня на эту скалу, и я не знал, прибыл ли мой корабль к цели, ибо не видно было здесь ни земли, ни берега. И тогда я вспомнил слова, сказанные мне: утвердиться на том месте, где остановится

мой корабль. Я поднял голову и увидел небольшую скалу, о которую били волны. Я стал ногой на эту скалу, и мой корабль унесся от меня, скала же поднялась подо мной и волны отступили дальше.

Семь лет прожил я здесь, питаясь семью хлебцами и чашечкой сыворотки, которые дал мне человек, пославший меня сюда. После этого у меня не осталось больше никакой пищи, кроме этой чашечки сыворотки, которая всегда со мной. Три дня провел я затем без твердой пищи. По прошествии их, уже после полудня, выдра принесла мне из моря лосося. Подумав, я решил, что не могу есть его сырым, и бросил его в море. Еще три дня провел я без твердой пищи. На третий день после полудня я увидел, что одна выдра опять несет мне из моря лосося, а другая — горящие головни; она раздула их своим дыханием, и огонь запылал. Я сварил на нем лосося и, питаясь им, прожил так еще семь лет [31]. Каждый день доставлялись мне лосось и огонь, на котором я варил его. А скала постепенно увеличивалась, пока не стала такой, как сейчас.

В продолжение следующих семи лет я не получал больше лосося. Сначала я опять провел три дня без твердой пищи. На третий после полудня мне было дано пол пшеничного хлебца и кусок рыбы. Моя чашечка с сывороткой исчезла, но ее место заняла другая, такой же величины, с добрым напитком; и она всегда полна. Ни ветер, ни дождь, ни жар, ни холод не тревожат меня на этом месте. Вот повесть моя», — закончил свой рассказ старец.

После полудня каждому было дано по половине хлебца, и чашка, находившаяся перед клириком, оказалась наполненной добрым напитком. Затем старец сказал им:

— Все вы достигнете родины, и человека, убившего твоего отца, о Майль-Дуйн, ты найдешь в замке перед собой. Но не убивай его, а прости, ибо бог сохранил вас среди великих и многих опасностей, а между тем все вы — грешники и заслуживаете смерти.

Они простились со старцем и снова пустились в путь.

XI

ВСТРЕЧА С УБИЙЦАМИ ОТЦА

Покинув старца, они встретили остров, на котором было много четвероногих животных — быков, коров и баранов. Но не было на нем ни домов, ни замков. Они поели мяса баранов. Тут увидели они морскую птицу, и некоторые из них сказали:

— Эта морская птица похожа на тех, что водятся в Ирландии!

— Да, похожа, — отвечали другие.

— Следите за ней, — сказал Майль-Дуйн. — Глядите, в каком направлении она полетит.

Они заметили, что она полетела на юго-восток. И они поплыли вслед за птицей, в том же направлении.

Они плыли весь этот день до самого вечера. С наступлением темноты они увидели землю, похожую на землю Ирландии. Они причалили к ней. Земля оказалась маленьким островом

тем самым, от которого ветер унес их в океан, в начале их плавания.

Они высадились и направились к замку, который был на острове. Они услышали речи людей, пировавших в замке. Вот что говорил один из них:

— Хорошо было бы нам не встретиться с Майль-Дуйном!

— Майль-Дуйн потонул,—отвечал ему другой.

— Очень возможно, что он пробудит вас от сна,—сказал один из говоривших.

— А если он явится сейчас, что мы станем делать?—спросил другой.

— Не трудно сказать,—ответил хозяин дома.—Если он явится, мы окажем ему добрый прием, ибо он претерпел долгие и великие лишения.

В это мгновение Майль-Дуйн постучал молотком в дверь.

— Кто там?—спросил привратник.

— Майль-Дуйн!—был ему ответ.

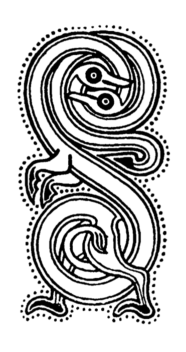
— Отвори же ему!—сказал хозяин.—Добро пожаловать!

Путники вошли в дом. Им оказали добрый прием и предложили новые одежды. Тогда они поведали обо всех чудесах, которые господь открыл им, согласно слову божественного поэта: Haec olim meminisse iuvabit [32].

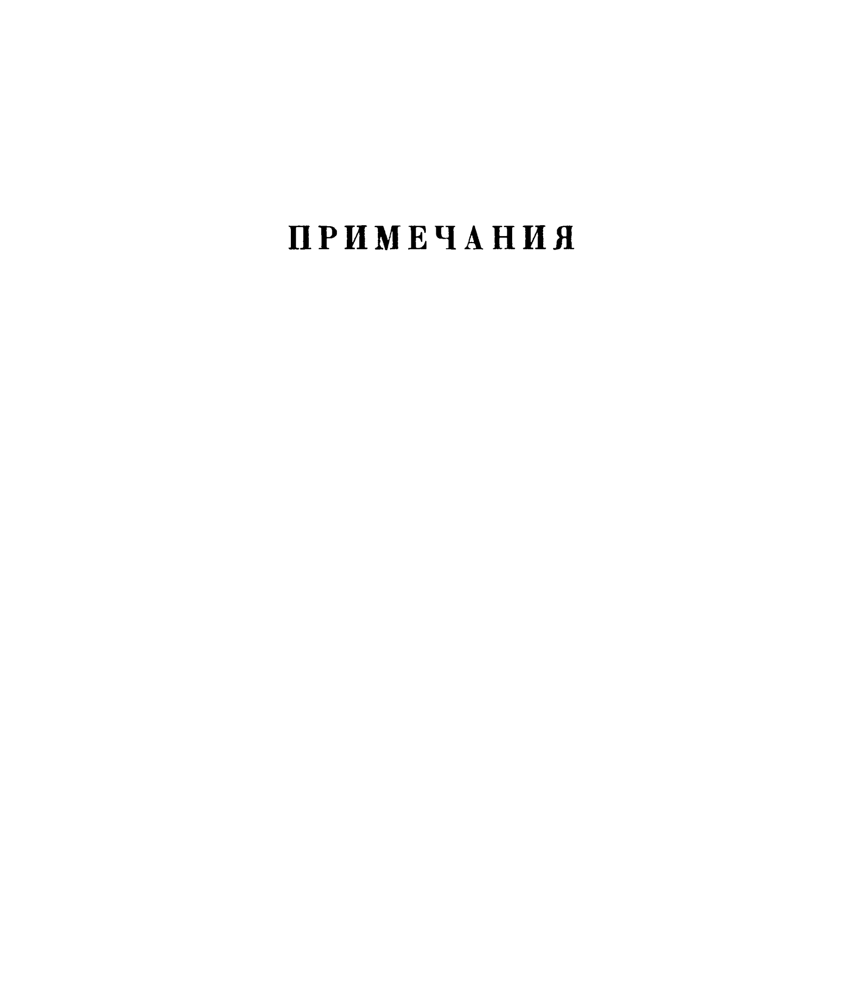
Майль-Дуйн вернулся в свою землю, а Диуран-стихотворец отнес на алтарь Армага [33] кусок сети в две с половиной унции серебра, который он отрубил во славу и воспоминание чудес и дивных дел, которые бог совершил ради них. И они поведали о своих приключениях

с начала до конца, обо всех опасностях и ужасах, которым подверглись на море и на суше.

Айд Светлый[34], мудрый поэт Ирландии, сложил эту повесть так, как она здесь рассказана. Он сделал это для того, чтобы веселить душу людей Ирландии, которые будут жить после него.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗГНАНИЕ СЫНОВЕЙ УСНЕХА

[1] Судья и мудрец в доме Конхобара, неизменный советник его в важнейших делах.

[2] Друид в доме Конхобара, советник его; согласно некоторым версиям — отец Конхобара.

[3] Имя звукоподражательного характера.

[4] Столица уладов, ныне Navan Fort, в трех километрах к западу от г. Армага (остатки древних стен видны там еще сейчас). Согласно хроникам, она была основана королем Кимбайтом в 300 г. до н. э. и разрушена врагами около 330 г. н. э.

[5] Прислужница Конхобара, отличавшаяся верностью и быстротою, как вестница.

[6] Формула красоты, встречающаяся в сказках многих народов, в том числе и русских, но особенно излюбленная у кельтов.

[7] Найси — сын Уснеха от Айльбе, сестры Конхобара; таким образом Найси, как и в легенде о Тристане и Изольде, — племянник короля, своего соперника.

[8] Ныне — местечко Assaroe, около Ballyshannon, в графстве Donegal, в углу залива того же имени на северо-западе Ирландии.

[9] Среди гор Howth'а, к северу от Дублинского залива.

[10] Поэтическое название Ирландии; реже, в расширенном смысле, — всех Британских островов.

[11] Один из знатнейших уладов, бывший их королем до тех пор, пока Конхобар хитростью не заставил его уступить себе трон.

[12] Видный уладский воин.

[13] Это должно было дать им моральную гарантию безопасности («закон гостеприимства»).

[14] Собственно, князь, подчиненный королю уладов. Нынешнее графство Fermanagh находится в северной части Ирландии, к западу от г. Армага.

[15] Непримиримые враги уладов (см. «Бой Кухулина с Фердиадом»).

[16] Картину этих набегов содержит, между прочим, «Повесть о свинье Мак-Дато».

[17] Конхобар зовется по имени не отца, а матери своей Несс (след матриархата).

[18] Местность в горной Шотландии.

[19] Тем, что он согласился остаться на попойку в день возвращения сыновей Уснеха.

НЕДУГ УЛАДОВ

[1] Маха — имя древней богини войны, превращенной затем в *сиду* (см. вступит. статью, стр. 35 и след.).

[2] Поворот вправо предвещал по кельтским верованиям счастье, влево — несчастье.

[3] Подробное описание такого празднества см. в начале саги «Болезнь Кухулина».

[4] Древнее ирландское право признавало законность отказа в таком положении.

[5] Аллегорические имена, означающие: «правдивый» и «благородная».

[6] Возможно, что в основе этого представления лежит воспоминание о древнем обрядовом обычае, именуемом «кувадой» (франц. couvade) и состоящем в том, что муж роженицы ложится в постель, делая вид, что испытывает муки деторождения. Обычай этот, явно связанный с матриархатом, встречается в Китае, в Конго, у индейцев и других первобытных народов, а также существовал в древности, согласно свидетельству Страбона, на Корсике, население которой было иберийского племени; сейчас следы этого обычая в Европе находятся лишь у басков. Весьма вероятно, что он существовал у первобытного населения Британских островов и что кельты, застав его там, если не переняли, то своеобразно осмыслили в своих сказаниях.

[7] Т. е. до I в. до н. э., ибо Фергус на уладском троне — непосредственный предшественник Конхобара. По другим сведениям, однако, болезнь эта продолжала посещать уладов и в позднейшее время и могла длиться гораздо дольше пяти дней (см. вступит. статью, стр. 51). — Сам Крунху нигде больше не упоминается, и время жизни его неизвестно.

ПОВЕСТЬ О СВИНЬЕ МАК-ДАТО

[1] Буквально: «сын двух немых» — аллегорическое прозвище, намекающее на его молчаливость. (Сопост. ниже его нежелание открыть жене причину своей тоски.)

[2] Сторожевые и боевые псы пользовались славой в ирландском эпосе; таков был и пес Кулана (см. вступит. статью, стр. 32 и 50).

[3] Собственно, укрепленный дом; замки, в подлинном смысле слова, появились в Ирландии позднее, лишь после прихода скандинавов (IX — X вв.).

[4] Верховный король Ирландии, правивший, согласно хроникам, с 17 г. до н. э. и прославившийся набегами на Британию.

[5] Вставка ученого переписчика. Если верить ей, выходит, что борьба эта длилась уже три века.

[6] Известный пересмешник и сеятель раздоров, Терсит уладского цикла (см. вступит. статью, стр. 52).

[7] Очевидно, полати (ложа) в этом доме шли вокруг стен в два яруса (см. вступит. статью, стр. 29).

[8] Об этом герое, как и о большинстве других, упоминаемых ниже, не сохранилось почти никаких сведений. Это — явное указание на большую древность данной саги.

[9] Самый свирепый из коннахтских бойцов, выставлявшийся с их стороны в противовес Кухулину (см. вступит. статью, стр. 32).

[10] Один из славнейших уладских героев, соперник Кухулина и Конала (см. вступит. статью, стр. 52).

[11] Уладские и коннахтские юноши воспитывались в чувстве взаимной ненависти.

[12] См. прим. 13 к «Изгн. сын. Уснеха».

13 Двоюродный брат Кухулина (см. о нем в саге «Смерть Кухулина», в конце, и вступит. статью, стр. 52).

14 Сестра Конхобара. Здесь опять — обозначение по имени матери.

15 Мы опускаем конец саги, где перечисляются местности, через которые отступает войско коннахтов; их путь лежит по территории графства Kildare, затем заворачивает к западу и идет до Билле, — в нынешнем баронстве Farbile, в графстве West Meath. К этому, в виде эпилога, присоединен следующий эпизод. Возничий Айлиля, Ферлога, неожиданно вспрыгивает на колесницу Конхобара, обхватывает его сзади и, угрожая смертью, не выпускает, пока тот не обещает дать требуемый выкуп, именно — разрешение жить в Эмайн-Махе и безнаказанно пользоваться любовью всех уладских женщин. Гротескный характер этого эпизода, совершенно не вяжущегося со всем предыдущим, обличает в нем шуточное добавление последнего редактора или переписчика саги.

РОЖДЕНИЕ КУХУЛИНА

1 См. прим. 4 к «Изгн. сын. Уснеха».

2 См. прим. 6 к «Пов. о свинье Мак-Дато».

3 Местности, расположенные к югу от Эмайн-Махи.

4 См. прим. 13 к «Пов. о свинье Мак-Дато».

5 См. вступит. статью, стр. 50 — 54.

СВАТОВСТВО К ЭМЕР

1 Фахтна Фатах, согласно хроникам, был верховным королем Ирландии во II в. до н. э. Согласно другой версии, отцом Конхобара был друид Катбад (см. прим. 2 к «Изгн. сын. Уснеха»).

2 Дом этот был выстроен из красного тиса. По его имени весь уладский цикл называют иногда циклом «Красной Ветви».

3 Темра (у Макферсона — Темора), в новом произношении «Тара» — древняя столица верховных королей Ир-

ландии, расположенная к северо-западу от Дублина и к юго-востоку от Navan Fort, старой Эмайн-Махи, в двух милях от станции Kilmessan. Сохранившиеся еще сейчас остатки королевского дома позволяют составить некоторое представление о его внутреннем виде. Согласно описаниям в сагах, он был продолговатой формы, в 300 футов длины, имел 14 дверей, очаг шириною в 7 локтей и 7 светильников; в нем было 350 «лож», на каждом из которых могло поместиться до двенадцати человек.

4 Имя чаши, буквально означающее: «железно-угольная». По объяснению одного древнего комментатора, она называлась так потому, что, когда ее распивали, в доме Конхобара разводили большой огонь, топя углем. Чаша, вероятно, была не железная, а медная.

5 Об этих героях см. «Пов. о свинье Мак-Дато».

6 См. вступит. статью, стр. 37.

7 Замок Форгала находился в Луске, ныне — Lusk, к северу от Дублина.

8 См. вступит. статью, стр. 53.

9 Лойг, сын Риангабара, друг и возница Кухулина.

10 Весь следующий разговор между Кухулином и Эмер, несколько сокращенный в нашем переводе, ведется в темном, замысловатом стиле и пересыпан метафорами, загадками и аллегориями; цель — желание собеседников отчасти показать друг другу свою ученость, отчасти — скрыть смысл своих речей от окружающих. Стиль этот, весьма распространенный в лирической поэзии ирландских бардов, был употребителен также у скандинавских поэтов-скальдов («кеннинги»); возможно, что тут произошло заимствование, но с чьей стороны — сказать трудно. Вот объяснение некоторых темных выражений, встречающихся ниже: Тетрах — ирландский бог смерти (след., «я пришел с того света»); «как Темра выше всех холмов, так я превосхожу всех женщин»; «все смотрят на мою красоту, я же не смотрю ни на кого»; «когда на червяка смотрят, он скрывается под воду», и т. д. Племя Де Данан — светлые боги, Морриган — богиня войны, фоморы — темные божества (см. вступит. статью, стр. 35 и след.).

11 Мифические существа; многие из них носят аллегорические имена, означающие: «сила», «быстрота» и т. п.

[12] См. прим. 1 к «Изгн. сын. Уснеха».

[13] Весьма знатный и богатый улад.

[14] См. прим. о нем в саге «Изгн. сын. Уснеха».

[15] Амарген или Амергин — имя доисторического поэта и первого судьи в Ирландии; здесь имеется в виду другой Амергин, придворный поэт Конхобара.

[16] См. сагу «Рожд. Кухулина».

[17] Имена сказочных местностей.

[18] Мифический образ, не вполне нам ясный.

[19] Иносказательно намекая на свое имя: «Ку-Хулайнд» — «Пес Кулана».

[20] Мифический образ. Альбой ирландцы называли либо всю Британию, либо, чаще, одну Шотландию; здесь — второй случай.

[21] Ульбекан Сакс, букв. «маленький Уль-сакс» — ирландская передача уменьшительной формы англо-саксонского имени Wulf. Это место доказывает, что англосаксонские певцы пользовались славой в древней Ирландии.

[22] Сказочное имя.

[23] Имя Скатах, происходящее от слова scath — «тень», локализация ее царства на острове, характерный Мост Срыва и другие ужасы, которые нужно преодолеть, чтобы попасть к ней, — все это указывает на то, что в первоначальном представлении обитель Скатах — «тот свет», но не в смысле обители радости и наслаждений («рая»), какая изображена в «Плавании Брана», «Исчезновении Кондлы», «Болезни Кухулина» и «Приключениях Кормака», а в смысле царства смерти, царства теней («ад»). Позже смысл этого был забыт, и на почве рационализации область Скатах стала пониматься просто как некая мрачная сказочная страна.

[24] Когда Кухулин приходил в «боевую ярость», он искажался чудесным образом. Вот как описывается в «Похищении быка из Куальнге» то, что с ним при этом происходило: «Все суставы, сочленения и связки его начинали дрожать... Его ступни и колени выворачивались... Все кости смещались, и мускулы вздувались, становясь величиной с кулак бойца. Сухожилия со лба

перетягивались на затылок и вздувались, становясь величиной с голову месячного ребенка... Один глаз его уходил внутрь так глубоко, что цапля не могла бы его достать; другой же выкатывался наружу на щеку... Рот растягивался до самых ушей. От скрежета его зубов извергалось пламя. Удары сердца его были подобны львиному рычанию. В облаках над головой его сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости. Волосы на голове спутывались как ветки терновника. От лба его исходило «*бешенство героя*», длиною более, чем оселок (!). Шире, плотнее, тверже и выше мачты большого корабля била вверх струя крови из его головы (!), рассыпавшаяся затем в четыре стороны, отчего в воздухе образовывался волшебный туман, подобный столбу дыма над королевским домом».

25 Букв. «ужасная» — сопост. прим. 23.

26 В ирландском эпосе встречаются несколько персонажей, носящих весьма распространенное имя Лугайд. Данного Лугайда не следует смешивать с другим Лугайдом, упоминаемым в «Смерти Кухулина».

27 Имя, не поддающееся объяснению и звучащее не по-ирландски. Возможно, что это — туземное, шотландское (пиктское) имя или же звукоподражательное, выражающее чувства ужаса (в роде нашего «увы»).

28 Женщина из числа вернейших слуг и воинов Айфе.

29 О позднейшей гибели Кондлы (или Кондлайха) см. вступит. статью, стр. 50—51.

30 Левая сторона, по кельтским верованиям, была несчастливой.

31 К нему Кухулин прибегал лишь в самых трудных случаях, напр. в поединке с Фердиадом (см. соотв. сагу).

32 Не все эти приемы понятны комментаторам. Некоторые из них, помимо силы и искусства, предполагают в Кухулине обладание сверхъестественными способностями.

33 Предсказание это относится к боям «Похищения быка из Куальнге» (см. сагу «Бой Кухулина с Фердиадом» и вступит. статью, стр. 51).

34 Под 1 ноября, когда по преимуществу происходили сношения между обитателями «того света» и людьми;

это также довод в пользу того, что страна Скатах, из которой возвращается Кухулин, первоначально мыслилась как царство духов (см. прим. 23).

[35] См. вступит. статью, стр. 36. Здесь фоморы рационалистически представлены как люди, быть может вследствие смешения с той тяжкой данью, которую скандинавские викинги начиная с IX века взимали с ирландцев.

[36] Ныне Stangford Lough, большое озеро на северо-востоке Ирландии, в графстве Down, недалеко от побережья.

[37] Друг Кухулина. Согласно сказаниям, он позже умер с горя после смерти жены своей Дерборгиль.

[38] Эта местность, как и бо̀льшая часть упоминаемых далее, не поддается отожествлению; путь Кухулина в общем направляется на юго-запад.

БОЙ КУХУЛИНА С ФЕРДИАДОМ

[1] См сагу «Сват. к Эмер».

[2] См. прим. 32 к «Сват. к Эмер» и соотв. место в тексте — о необычайных боевых приемах, которыми овладел Кухулин, а также и Фердиад, прошедший одну с ним школу. О «рогатом копье» см. ниже, прим. 21. О «роговом панцыре» Фердиада до нас не дошло никакого разъяснения. Повидимому, значение его не в том, что он роговой, а в том, что Фердиад вообще обладал панцырем, употребления которого Кухулин не знал (см. вступит. статью, стр. 30).

[3] См. вступит. статью, стр. 39.

[4] Дочь королевы Медб, которую последняя предлагала в жены каждому из своих бойцов, если тот, сразившись с Кухулином, победит его.

[5] То есть без «заложников» (как в саге «Изгн. сын. Уснеха»), которые поручились бы за Медб в том, что, если Фердиад одержит победу, она выполнит свое обещание. На деле, однако, Фѐрдиад пытается сначала просто отговориться.

[6] См. вступит. статью, стр. 36—37.

7 Она сама и ее муж, король Айлиль.

8 Знаменитый своей мудростью судья. Остальные упоминаемые здесь имена обозначают также различных судей и воинов коннахтских.

9 Столица коннахтов с древнейших времен до 648 г. н. э. Королевский дом в ней, согласно преданиям, отличался большой пышностью; так, например, все окна его были снабжены медными ставнями. Некоторые следы его сохранились поныне в местечке Rathcroghan, в трех милях к северо-западу от деревни Tulsk, в графстве Roscommon. — Эпитет «с могильными рвами» эмоционально характеризует Круахан, враждебный Уладу. Но основанием для него служит то, что подле Круахана, в полумиле к югу от него, находилось одно из самых больших (площадью около 2 акров) и знаменитых в Ирландии кладбищ, остатки которого видны еще сейчас. На нем хоронили до 74 г. н. э. верховных королей Ирландии, а коннахтских королей еще долгое время после того. Около кладбища находится пещера, где якобы обитали всевозможные чудища и самые опасные духи, которые выходили оттуда в ночь под Самайн (см. вступит. статью, стр. 42) и причиняли много зла людям.

10 См. сагу «Изгн. сын. Уснеха». Фергус продолжает питать добрые чувства ко многим уладам, и более всего — к Кухулину.

11 Богиня войны.

12 Либо выражение презрения к врагу, либо отголосок архаического представления о Кухулине (см. вступит. статью, стр. 53).

13 См. вступит. статью, стр. 39.

14 Все эти местности находятся около брода Куальнге, частью в графстве Monaghan, частью в графстве Louth, в южной части древнего Улада, неподалеку от восточного побережья.

15 Намек на чудесное искажение, которому подвергался Кухулин, когда приходил в боевую ярость (см. прим. 24 к «Сват. к Эмер»).

16 Область Улада, прилегающая с востока к месту боя.

17 О «боевых приемах» см. «Сват. к Эмер», стр. 127, и прим. 32.

18 Ласкательная форма имени Кухулина, в которой, быть может, проглядывает тотемическая основа его прозвища (см. вступит. статью, стр. 53).

19 См. прим. 24 к «Сват. к Эмер».

20 См. вступит. статью, стр. 39.

21 Многое в устройстве этого копья и в способе пользования им неясно. Самый перевод его имени (gaem-bolga, букв. «копье-мешок»? — или же «копье из местности Больг»?) гадателен. Ясно только то, что оно имело несколько острых концов и металось ногою (часто, как в данном случае, под водой), так что противник не мог уловить ни направления, ни момента удара.

22 Название пиршественного зала короля Конхобара (см. «Сват. к Эмер», стр. 105).

23 См. «Сват. к Эмер», стр. 126, и вступит. статью, стр. 50—51.

БОЛЕЗНЬ КУХУЛИНА

1 См. вступит. статью, стр. 38.

2 К югу от Эмайн-Махи (см. прим. 4 к «Изгн. сын. Уснеха»).

3 См. вступит. статью, стр. 32.

4 См. прим. 13 к «Пов. о свинье Мак-Дато» и прим. 11 к «Изгн. сын. Уснеха». Рассказчик ошибочно относит события к тому времени, когда Фергус еще не удалился из Улада.

5 См. прим. 1 к «Изгн. сын. Уснеха».

6 Как будет видно из дальнейшего, волшебные птицы (сопост. «Рожд. Кухулина»).

7 См. прим. 5 к «Изгн. сын. Уснеха».

8 Весь абзац, заключенный в скобки,— пояснительная вставка переписчика. Понимать это нужно, повидимому, так, что указанные телесные изъяны появлялись у женщин лишь тогда, когда они смотрели на героев или с любовью думали о них. (Возможно, что мы имеем здесь след «уподобительной магии».) О чудесном «искажении» Кухулина см. прим. 24 к «Сват. к Эмер».

[9] Очевидно, Кухулин, чтобы поразить птиц, летавших над озером, применил один из своих чудесных «боевых приемов» (см. «Сват. к Эмер». стр. 127), именно «прием птичьей охоты», состоявший в широком и долгом круговом прыжке в воздухе.

[10] Одна из главных рек Ирландии, протекающая в описываемой местности.

[11] Повидимому, один из *менгиров* — культовых стоячих камней, во множестве встречающихся на Кавказе, по берегам Средиземного моря и в особенности на Британских островах, где они относятся к эпохе, предшествовавшей приходу кельтов. Последние связали с ними разные религиозные и магические поверья и прозвали их «друидовыми камнями».

[12] Упоминается в «Сват. к Эмер», см. стр. 130 и прим. к этому имени.

[13] В оригинале не вполне ясно, какие строки содержат речи Фанд и Либан, и какие самого вестника их. Расчленение, сделанное нами, — гадательное. О Либан в другой повести рассказывается, что ей пришлось прожить (в одном из ее перевоплощений) 300 лет в образе лосося в озере Lough Neagh (в северо-восточной оконечности Ирландии, к югу от графства Antrim). Лабрайд, Айд Абрат и Фанд, кажется, нигде более не упоминаются; возможно, что имена двух последних вымышлены, чтобы оправдать красивую игру слов (см. ниже). Равнина Круах лежит в сказочной стране.

[14] Повидимому, персонаж, тождественный с Айнгусом, «Сыном Юного» (намек на вечную молодость богов), иначе — сыном Дагды («Доброго бога»), главы «племени богини Данан» (см. вступит. статью, стр. 35). Этот Айнгус, один из видных богов, имел также земное потомство, к которому принадлежал Фахтна Фатах, верховный король Ирландии, живший во II веке до н. э. и бывший, согласно одной из версий, отцом Конхобара. Обиталищем Айнгуса был знаменитый Бруг (т. е. «Большой дом») Айнгуса, на северном берегу реки Бойны (ныне — местечко Newgrange, к югу от города Slane). Там расположено величайшее древнее кладбище Ирландии, тянущееся вдоль Бойны на 3 мили, с 20 огромными курганами, внутри которых сделаны искусственные

пещеры; еще сейчас там сохранились многочисленные столбы и богато разукрашенные могильные памятники. Когда Айнгус разделил участь других богов, обратившихся в *сидов* — обитателей холмов, один из этих курганов был объявлен его жилищем.

15 Тот и другой — боги моря. В Мананнане см. «Плав. Брана», прим. 7.

16 Мифические персонажи, принадлежавшие к племенам злых духов.

17 Область в потустороннем мире.

18 Весь абзац, заключенный в скобки, — комментирующее добавление редактора или переписчика саги.

19 Лабрайд едет на колеснице по морю, как по суше, совершенно так же, как Мананнан в «Плав. Брана».

20 *Сиды* отличались красотой и малым ростом.

21 Позднейшая вставка переписчика-христианина.

22 Мифический персонаж, из других источников неизвестный.

23 В этом описании «Блаженной страны», как и в предыдущем, многое почти дословно совпадает с описанием ее в «Плав. Брана».

24 Метафора: навес над колесницей.

25 Кухулин славился ловкостью в жонглировании предметами.

26 В каждом глазу Кухулина было по нескольку зрачков.

27 Намек на «искажение» Кухулина, о котором см. прим. 24 к «Сват. к Эмер».

28 Букв. «Тисовое дерево на краю побережья» — местность, не поддающаяся отожествлению.

29 О чудесных прыжках Кухулина см. «Сват. к Эмер», стр. 130.

30 Горный хребет Мид-Луахайр, где жил обезумевший от любви Кухулин, находится на юге Ирландии, на границе графств Limerick и Kerry, очень далеко от западного побережья, где произошло свиданье Кухулина с Фанд.

СМЕРТЬ КУХУЛИНА

[1] См. прим. 4 к «Изгн. сын. Уснеха».

[2] См. «Бол. Кухулина», стр. 192.

[3] В «Похищ. быка из Куальнге» Кухулин в серии единоборств убил, в числе других, Калатина и его двадцать семь сыновей. Тогда Медб воспитала трех малолетних, оставшихся в живых сыновей его. Зная, что человеческой силой нельзя одолеть Кухулина, она, отрубив им по одной руке и одной ноге (магический прием), сделала их могучими волшебниками и поставила во главе снаряженной ею армии. Другими виднейшими героями в ее войске являются Лугайд, сын Курои, король Мумана, и Эрк, сын Кайрпре, король Темры, — непримиримые враги Кухулина, который убил их отцов.

[4] См. прим. 5 к «Изгн. сын. Уснеха».

[5] Равнина к югу от Эмайн-Махи, составлявшая часть личного надела Кухулина.

[6] Не Ниам, а призрак ее, созданный волшебством врагов (см. вступит. заметку к саге).

[7] Плащи и другие части одежды скреплялись с помощью пряжек или брошей (см. вступит. статью, стр. 30).

[8] Дурное предзнаменование: левая сторона предвещала несчастье. Сопост. ниже: чтобы отвести злое предвещанье, Кухулин делает полный оборот колесницей вправо.

[9] Морриган, богиня войны, обычно изображается как настроенная враждебно к Кухулину. Некогда восхищенная доблестью Кухулина, она явилась к нему в виде земной женщины и предложила свою любовь; но он, не узнав богини, с презрением отверг ее, и с тех пор она прониклась непримиримой ненавистью к нему. В виду этого весьма вероятно, что последняя фраза — неудачная комментирующая вставка переписчика. Непонятая им предыдущая фраза должна была иметь тот смысл, что Морриган волшебством наложила «печать гибели» на колесницу Кухулина.

[10] См. прим. 30 к «Бол. Кухулина».

[11] Три дочери Калатина, подосланные Медб, чтобы погубить Кухулина. Зловещей оказывается у них левая сторона лица. Сопост. подобную же ведьму в «Сват. к Эмер», стр. 126. Эти кельтские ведьмы — прототип выведенных Шекспиром в «Макбете». — В виду обилия местностей, носящих имя Могна, отожествление данной местности затруднительно.

[12] О магических «зароках» (*гейсах*) см. вступит. статью, стр. 43. Данный зарок носит явно тотемический характер: Кухулину, «Псу Кулана», не дозволено вкушать мясо своего тезки.

[13] На полупути между Армагом и Дун-Делгом (ныне Dundalk), к западу от местечка Goragh.

[14] Национальный ирландский цвет («Зеленый Эрин» — Ирландия).

[15] То есть кровавым.

[16] Весьма сложная хитрость, цель которой, как будет видно из дальнейшего, — привлечь внимание Кухулина и создать повод заговорить с ним.

[17] О принудительности песен с заклинаниями см. вступит. статью, стр. 39.

[18] Метафора: «короля героев».

[19] См. вступит. статью, стр. 51, и «Бой Кухулина с Фердиадом».

[20] Сопост. «Сват. к Эмер», стр. 127.

[21] Одна из обширнейших равнин Ирландии, лежащая к югу от Муртемне, в графстве Meath, к северо-западу от Дублина.

[22] Ныне — Ormond, в графстве Tipperary, в Менстере.

[23] Вероятно, менгир (см. прим. 11 к «Бол. Кухулина»)

[24] По другим сведениям, голову Кухулину отсек Эрк. Согласно хронике Тигенраха, составленной в XI в. на основании древних источников. Кухулин пал от руки Лугайда и Эрка в 39 г. н. э., 27 лет от роду.

[25] См. прим. 3 к «Сват. к Эмер».

[26] Бард, умерший, согласно хроникам, в 678 или 679 г. н. э.

27 Это выражение отнюдь не имеет здесь презрительного смысла. Блатнат, жена Курои и мать Лугайда, была раньше возлюбленной Конала Победоносного, а затем — Кухулина. Таким образом, она — жена трех героев, имена которых начинаются со слога *Ку* или *Кон*, что значит «пес»; отсюда Лугайд метафорически — «сын трех псов».

28 Река, на которой стоит Дублин, притекающая к нему с северо-запада; она сохранила посейчас свое древнее имя.

29 Очевидно, к этому времени окончился срок магической болезни уладов, и они могли выступить в поход.

30 Об отношениях между ними см. вступит. статью, стр. 52, и прим. 13 к «Пов. о свинье Мак-Дато».

31 Для быстроты и удобства погони Конал сменил колесницу на верхового коня. Так как верховая езда в древнейшее время была ирландцам неизвестна (см. вступит. статью, стр. 30), — это место является позднейшей чертой, внесенной в сагу.

32 Он хочет биться на своей родной земле, подобно тому, как Кухулин был убит им на своей.

33 Букв. «Серебряный лес», ныне—местечко Rathbig, на реке Nora, в графстве Kilkenny. Местности, перечисленные перед этим, лежат севернее, по течению реки Barrow.

34 Ныне Ossory, в графстве Kilkenny.

35 Между ними идет пеший бой, для уравнения сил, так как у Лугайда нет верхового коня.

36 То есть в течение трех часов.

37 Намек на обычай водить в бой псов (см. вступит. статью, стр. 32, и «Пов. о свинье Мак-Дато», стр. 94).

38 Ныне — Rearymore, в области Offaly, к западу от города Kildare. Противники, сражаясь, далеко продвинулись на северо-восток от места их первой встречи.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КОНДЛЫ ПРЕКРАСНОГО, СЫНА КОНДА СТА-БИТВ

1 Согласно хроникам, Конд Ста-Битв был верховным королем Ирландии с 122 по 157 г. н. э., сын его Арт — с 165 по 195 г.

2 Местность в графстве в Лейнстере.

3 Холмы, в которых обитают сиды (см. вступит. статью, стр. 35), называются также *сидами*. Но, кроме того, слово это омонимически означает «мир, тишина». Редактор саги пользуется этой непередаваемой в переводе игрой слов, чтобы сделать образ явившейся женщины и призыв ее еще более привлекательными.

4 Букв. «с пестрой шеей», т. е. двухцветной, благодаря золотому ожерелью на розовой коже.

5 Местность, не поддающаяся отожествлению.

6 Бог потустороннего мира, король фоморов (см. вступит. статью, стр. 36), — образ обычно ужасающий, отталкивающий, здесь — привлекательный.

7 О пропуске в этом месте см. вступит. заметку к саге.

ПЛАВАНИЕ БРАНА, СЫНА ФЕБАЛА

1 Имя это ни в хрониках, ни в других сагах не встречается. Возможно, что оно вымышлено автором, как и вся сюжетная рамка этой саги вымышлена или, вернее, скомпилирована из других родственных по теме саг («Исчезн. Кондлы», «Бол. Кухулина» и т. п.) с целью мотивировать поэтическое описание блаженной страны.

2 Имя чудесной страны, образованное в параллель к имени земной Эмайн-Махе; ниже она обозначается рядом поэтических, описательных имен.

3 То есть известную из других сказаний на сходную тему (сопост., напр., «Прикл. Кормака»).

4 «Волны» (поэтическая метафора).

5 Черта христианизации языческой саги.

6 В этом месте в оригинале неожиданно вставлены 5 строф, в которых возвещается рождение Христа и прославляется христианская вера. Как явную интерполяцию, мы их опустили в переводе.

7 Лер — бог моря, превратившийся, в результате рационалистического очеловечения (евгемеризации), в короля старых кельтских хроник, — прототип короля Лира трагедии Шекспира. Мананнан, сын его, первоначально

также — бог моря (сопост. «Бол. Кухулина», стр. 198); от его имени происходит название острова Man, лежащего между северной Ирландией и Англией. В позднейших сагах он был также превращен в короля, одаренного, подобно Волху Всеславьевичу наших былин, даром превращений. В данной саге, ниже, дар превращений приписан сыну Мананнана, долженствующему родиться от него на земле, т. е. его собственному воплощению (см. вступит. статью, стр. 37).

[8] В этом месте в оригинале имеется 5 строф того же характера, как и отмеченные выше; мы их опустили по тем же основаниям. В них любопытным образом проявляется «христианская мифология», именно — стремление отождествить *сидов* (см. вступит. статью, стр. 35—36) с чистыми духами в роде ангелов. Вот перевод этих строф:

Мы с первого дня творенья
Не знаем старости и земной дряхлости,
Оттого не ждем мы разрушенья,
Ибо грех не коснулся нас.

Злой был день, когда змей явился
Отцу нашему в его обители.
Все изменилось в этом мире,
И настала порча, раньше не бывшая.

Вожделенье отца нам смерть принесло,
Погубило благородное племя его.
Увядшее тело на муку пошло
В жилище вечного страдания.

Закон гордыни влечет в этом мире
Верить в твари, забыв о боге.
Одолели тело немощь и дряхлость,
А душа разрушена обманом.

Высокое спасенье придет к нам
От владыки, нас создавшего,
Светлый закон расстелется над морями.
Будучи богом, человеком он станет.

[9] Холмов, в которых обитают *сиды* (см. прим. 3 к «Исчезн. Конллы Прекр.»).

[10] Разумеется ли здесь земной враг его или дьявол? Сказания о Мананнане не дают в этом отношении никаких указаний. Во всяком случае, христианский характер метафоры показывает, что это—позднейшая вставка.

[11] Озеро, не поддающееся отожествлению.

[12] Наивное истолкование мифического образа «Острова радости» или «блаженства».

[13] Местечко в графстве Kerry, на западном побережьи Ирландии. Ирландское название может означать «Воронов клюв» (т. е. мыс). Весьма возможно, что составитель саги просто осмыслил наименование ворона (bran) в собственное имя, и отсюда возник легендарный Бран (сопост. выше, прим. 1).

ПОВЕСТЬ О БАЙЛЕ ДОБРОЙ СЛАВЫ

[1] Это имя, так же как имена самого Байле и отца его Буана, нигде более не встречаются. Данный Лугайд не имеет ничего общего с другими Лугайдами, упоминаемыми в собранных здесь сагах.

[2] Ныне местечко Rossnarigh на реке Бойне, в двух милях к югу от города Slane в графстве Meath.

[3] Букв. «Следы Байле», ныне Dundalk, в графстве Louth.

[4] Устье реки Bann, на северном побережьи Ирландии.

[5] См. вступит. статью, стр. 38.

[6] Согласно хроникам, Кормак был верховным королем Ирландии с 226 по 266 г. н. э. Отец его Арт упоминается в саге «Исчезн. Кондлы Прекр.». Приурочение событий данной саги к III в., без сомнения, произошло позже и отнюдь не доказывает ее древности.

ЛЮБОВЬ К ЭТАЙН

[1] Эохайд Айрем, согласно хроникам, был верховным королем Ирландии во II в. до н. э. Месс-Гегра, король Лагена, враг уладов, был убит Коналом Победоносным. Об Айлиле, короле Коннахта, и Курои, короле южного

Мумана, см. вступит. статью, стр. 48—49. Тигернах Тетбаннах, король северного Мумана, мало чем известен.

2 Миде — нынешнее графство Meath, некогда — личный надел верховных королей Ирландии. Тетба — ныне Teffia, область на рубеже графств Longford и West Meath. Память об одном из этих замков доныне сохранилась в названии холма Hill of Frewin.

3 См. прим. 3 к «Сват. к Эмер».

4 Залив на восточном побережьи Ульстера.

5 Прозвище, являющееся следом древнего матриархата (см. вступит. статью, стр. 18).

6 Эохайд Фейдлех, согласно хроникам, стал верховным королем Ирландии в 140 г. до н. э. Он — отец королевы Медб (см. вступит. статью, стр. 48). Айлиля Ангубу не следует смешивать с Айлилем, королем Коннахта.

7 Объезды всей Ирландии в целях сбора дани и поддержки собственного престижа совершались верховными королями периодически, обычно раз в год.

8 Этот Айлиль не имеет ничего общего с другими, здесь упоминаемыми.

9 О Мидере см. вступит. статью, стр. 36. Подобно Айнгусу (см. прим. 14 к «Бол. Кухулина»), Мидеру был присвоен в качестве обиталища отдельный волшебный холм — Бри-Лейт, ныне Slieve Gabry, подле Ardagh'а в графстве Longford.

10 Фуамнах — завистливая *сида*, устранившая Этайн, чтобы самой стать женою Мидера. Бресал Эхарлам, т. е. «Рука с ключом», повидимому — помогавший ей в этом деле заклинатель.

СМЕРТЬ МУЙРХЕРТАХА, СЫНА ЭРК

1 Муйрхертах, верховный король Ирландии, умер, согласно хроникам, в 526 или 533 г. н. э.

2 Убитого, согласно хроникам, в 499 г.

3 Около Stakallan Bridge, в графстве Meath. Королевский дом в Клехете славился как один из самых богатых и хорошо построенных. — О Бруге и р. Бойне см. прим. 14 к «Бол. Кухулина».

4 Эрк — мать Муйрхертаха. (Не следует смешивать с мужским именем Эрк, встречающимся в саге «Смерть Кухулина»). Обозначение по имени матери — след матриархата.

5 Имя девушки (см. ниже).

6 Имена древних твердынь Ирландии. О Темре см. прим. 3 к «Сват. к Эмер», о Красной Ветви — прим. 2 к той же саге, об Эмайн-Махе — прим. 4 к «Изгн. сын. Уснеха», Айлех Нейт (ниже называемый просто Айлехом), ныне — Elagh или Greenan Ely в баронстве Inishowen, в графстве Donegal. Наас — древняя резиденция лагенских королей, в графстве Kildare; высокая насыпь, на которой стоял их замок, доныне видна там.

7 Ниал Девяти-Заложников, верховный король Ирландии, прославившийся своими набегами на Британию и Галлию, согласно хроникам, был убит в 405 г. н. э. Своим прозвищем он обязан тому, что повелевал девятью королями, заложников которых держал при себе. От него вели начало знатнейшие роды Ирландии. Муйрхертах — правнук его. — «Сыны» Ниала — в смысле потомства его.

8 Полк в древней Ирландии равнялся в мирное время 500 человек. Следовательно, число изгнанников, включая, конечно, их слуг, доходило до 1000 человек.

9 Ныне Dulane, около города Kels, в графстве Meath, к западу от Клетеха.

10 Британский святой, канонизированный ирландской церковью.

11 Короли (или князья) из рода Ниала, родичи Муйрхертаха.

12 Есть исторические примеры, что в древней Ирландии, предавая кого-нибудь церковному проклятию, били в колокола. В этом месте в оригинале содержится искажающее смысл повторение, которое мы опустили в переводе.

13 Айлех Нейт — см. выше, прим. 6.

14 Cathach, букв. «боевое» — имя знамени. Колокол св. Патрика считался величайшей национальной святыней Ирландии. Ныне он хранится в Национальном музее в Дублине. Под «книгой Кайрнеха» разумеется, вероятно,

христианский календарь, составленный или, по крайней мере, собственноручно переписанный Кайрнехом; футляр от него доныне хранится в St. Columba's College, подле Дублина.

[15] Род муманских королей II—III в. н. э.

[16] Старый языческий обычай, применение которого христианским епископом указывает на устойчивость древней бытовой основы и на большую терпимость к ней со стороны духовенства в Ирландии (см. вступит. статью, стр. 34).

[17] Первое двустишие любопытным образом противоречит второму. Стихотворные вставки вообще принадлежат позднему редактору, который, сохранив языческие элементы саги, привнес в нее христианские идеи, без всякой попытки согласовать их со старой основой.

[18] Повидимому, Син вызвала демонов, подобных упоминаемым в «Бое Кухулина с Фердиадом», стр. 143.

[19] В этом месте оригинала, как и еще несколько раз ниже, имеются вставные стихи. Они обличают ту же наивную христианскую тенденцию и не содержат ничего любопытного, почему мы и выпустили их в переводе.

[20] См. вступит. статью, стр. 38.

[21] Царство духов, по ирландским представлениям, находилось на западе; север считался зловещей страной света.

[22] Син нарочно вызвала бурю (которая является символом зимы, наступающей после Самайна, т. е. 1 ноября), чтобы король произнес слово «буря» — одно из восьми имен Син — и, нарушив этим зарок, обрек себя на гибель.

[23] Король Шотландии, отец Эрк, дед Муйрхертаха.

[24] Туатал Майльгарб, четвероюродный брат Муйрхертаха, после смерти его занял ирландский престол.

[25] Битва при Гранарде, в северной части графства Kildare, согласно хроникам, произошла в 492 или 497 г.

[26] Весьма вероятно, что в первоначальной версии сага здесь кончалась, а все дальнейшее – добавление позднейшего редактора-христианина. Мы, однако, сохранили в переводе этот финал, содержащий любопытные романтические мотивы.

27 О Ниале см. выше, прим. 7; о Конде см. прим. 1 к «Исчезн. Кондлы Прекр.». Угайне Великий был, по преданиям, верховным королем Ирландии в VI в. до н. э.

28 Об этой битве нет никаких сведений ни в других сказаниях, ни в хрониках. Неизвестны также имена предков Син; повидимому, они вымышлены, ибо буквально означают: Победный, сын Быстрого, сына Сильного. Упоминание о гибели матери и сестры объясняется тем, что в древней Ирландии женщины принимали участие в сражениях (см. вступит. статью, стр. 32).

29 «Помилуй мя, господи».

30 Епископ Тигернах умер в 548 г.; аббат Киаран — в том же году; епископ Мохта — в 534 г.; Туатал Майльгарб (бывший, однако, королем, а не монахом!) был убит в 538 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРМАКА В ОБЕТОВАННОЙ СТРАНЕ

1 О Темре см. прим. 3 к «Сват. к Эмер». Мур Теа — один из холмов, на которых стояла Темра.

2 Сопост. сходную ветвь в «Плав. Брана».

3 Буан — жена короля Мес-Гегры (см. «Люб. к Этайн», стр. 255), умершая с горя, когда ее мужа убил Конал Победоносный; из могилы ее вырос орешник. Неясно, однако, почему он стал здесь мифическим образом.

4 Бог моря, обладающий даром превращений; см. о нем вступит. статью, стр. 36, и саги «Бол. Кухулина» и «Плав. Брана».

5 Библейский термин («земля обетованная»), подставленный здесь вместо обычных выражений в роде «страна юности» и т. п., начетчиком — поздним редактором саги.

6 Аллегорический смысл этого выражения не ясен (Быть может, имеется в виду мораль «воздаяния по заслугам»?)

ПЛАВАНИЕ МАЙЛЬ-ДУЙНА

1 Древний королевский род из Мумана.

2 О средней части западного побережья Ирландии, в Galway'ском заливе.

[3] Очевидно, на одном из Аранских островов, у западного побережья Ирландии; точному отождествлению не поддается.

[4] Курьезное преломление образа Брикрена Ядовитого Языка, из саг уладского цикла (см. вступит. статью, стр. 52).

[5] Около нынешнего Abbeyleix, в Queen's County, в юго-восточной части Ирландии.

[6] Ныне — баронство Corcomroe, в графстве Clare, близ западного побережья, напротив Аранских островов.

[7] То есть «Скала Науки», ныне Burren, в графстве Clare.

[8] Установленный с помощью гадания.

[9] См. вступит. статью, стр. 30.

[10] Похоже на то, что это — исторические лица, введенные рассказчиком в число участников плавания для придачи повествованию правдоподобия; но мы ничего о них не знаем. Второй обозначен как «леккерд» — то же, что «анрут» (см. вступит. статью, стр. 45).

[11] Очевидно, среди них происходил спор в смысле «местничества», в роде изображенного в «Пов. о свинье Мак-Дато».

[12] Сопост. чудесное яблоко в «Исчезн. Кондлы Прекр.», стр. 231.

[13] Как видно из дальнейшего, это были огнедышащие чудовища. Источником эпизода мог послужить рассказ греческого писателя Мегасфена о зверях на острове Тапробане, сбивавших финики и поедавших их.

[14] Кот в кельтских сказаниях часто изображается как страшный волшебный зверь. Один из величайших подвигов короля Артура — единоборство с чудовищным котом.

[15] Букв. «Устье (или залив) трех смелых» — название, не поддающееся объяснению.

[16] Сопост. «Плав. Брана», стр. 245.

[17] Сопост. сходный «Мост срыва» в «Сват. к Эмер», стр. 122.

[18] Сопост. сладко звучащую и усыпляющую ветвь в «Плав. Брана», стр. 238, и «Прикл. Кормака», стр. 281.

[19] Заимствование из религиозных легенд, в которых отшельник, получающий пищу от ангела,—весьма распространенный мотив. Волосы, заменяющие одежду, встречаются в житии св. Макария.

[20] Очевидно, вопрошающий кузнец слеп; эта черта выдает заимствование из своеобразно преломившегося эпизода с *Полифемом* из «Одиссеи» (песнь IX).

[21] Подобный же столп с сетью встречается в житии св. Брендана.

[22] Сопост. «избушку на курьих ножках» наших сказок.

[23] Здесь возможно частичное влияние «Одиссеи»; со сходными словами обращается нимфа Калипсо к Одиссею, стремясь удержать его у себя («Одиссея», песнь V).

[24] Рационалистическое объяснение древнего мифического образа «Страны женщин» (сопост. «Плав. Брана», стр. 245).

[25] Сопост. тот же прием в «Плав. Брана», стр. 245.

[26] Хмелящие плоды встречаются в «Vera Historia» Лукиана, откуда, быть может, заимствован этот эпизод.

[27] Ирландский святой VI в. Бирр — ныне Barra, у берегов Tralee, в юго-западной части Ирландии. Легенда о плавании Брендана, полная фантастических черт, послужила, как уже было отмечено, источником для многих эпизодов нашей саги.

[28] Повидимому, весь этот эпизод — своеобразное отражение античного сказания о птице *фениксе*, вечно возрождающейся. С другой стороны, некоторыми чертами эта птица напоминает птицу *рух* арабских сказок.

[29] «Обновится, как у орла, юность твоя». Псалом 102, ст. 5.

[30] Ныне Tory, у побережья Донегала, на крайнем северо-западе Ирландии. Некогда на этом острове был монастырь.

[31] Сходный эпизод содержится в «Плав. Брендана».

[32] «Некогда нам будет радостно вспомнить и это», — цитата из Вергилия, «Энеида», I, 203.

[33] Ныне город Armagh, в графстве того же имени, в северо-восточной части Ирландии. Там был старейший и знаменитейший из ирландских монастырей.

[34] Автор последней редакции саги называет себя здесь по имени. К сожалению, отождествить его с каким-нибудь историческим лицом не представляется возможным.

УКАЗАТЕЛЬ

Собственных имен (лиц и местностей) и важнейших терминов

Прямые цифры относятся к тексту саг, курсивные— к комментарию, содержащемуся во вступительной статье и вводных заметках к отдельным сагам.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор А. Н. Тихонов
Техн. редактор Г. Л. Гилес

*

Сдана в набор 5/III 33. Подписана к печати 17/IX 33. Вышла в свет XII 33. Тираж 5300. Уполномоч. Главлита № Б-24104. Индекс А-1. Изд. № 77. Бум. 74×105 в 1/32. Печат. л. 11625. Бумаж. л. 5,81 по 70000 зн.

*

Отпечатана в типографии им. Ивана Федорова. Ленинград, Звенигородская, д. № 11

*

Цена Р. 6.—
Переплет Р. 2.—

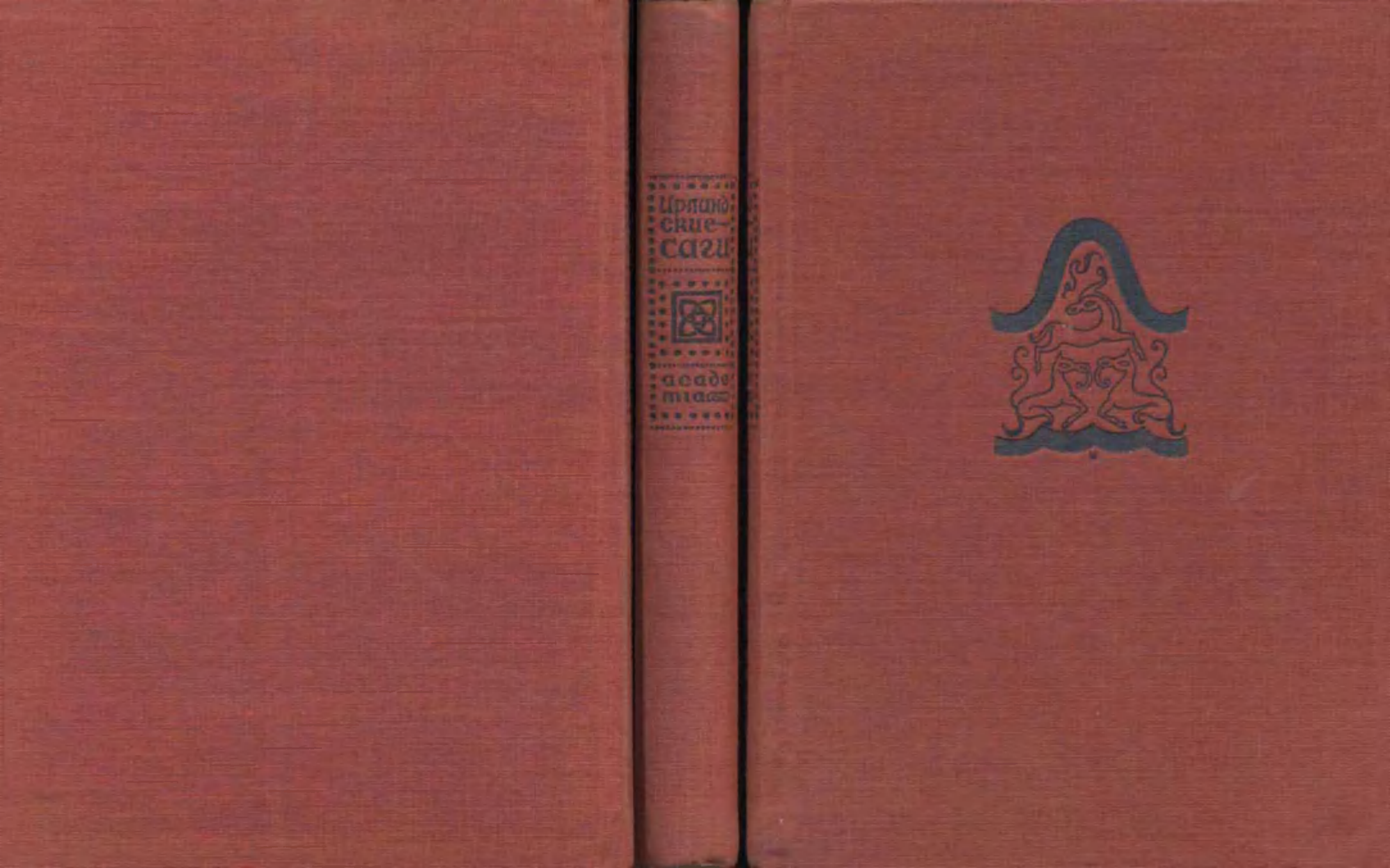

ACADEMIA

Ирланд-
ские
саги

Ирланд-
ские
саги
academia

Ирландские саги
academia